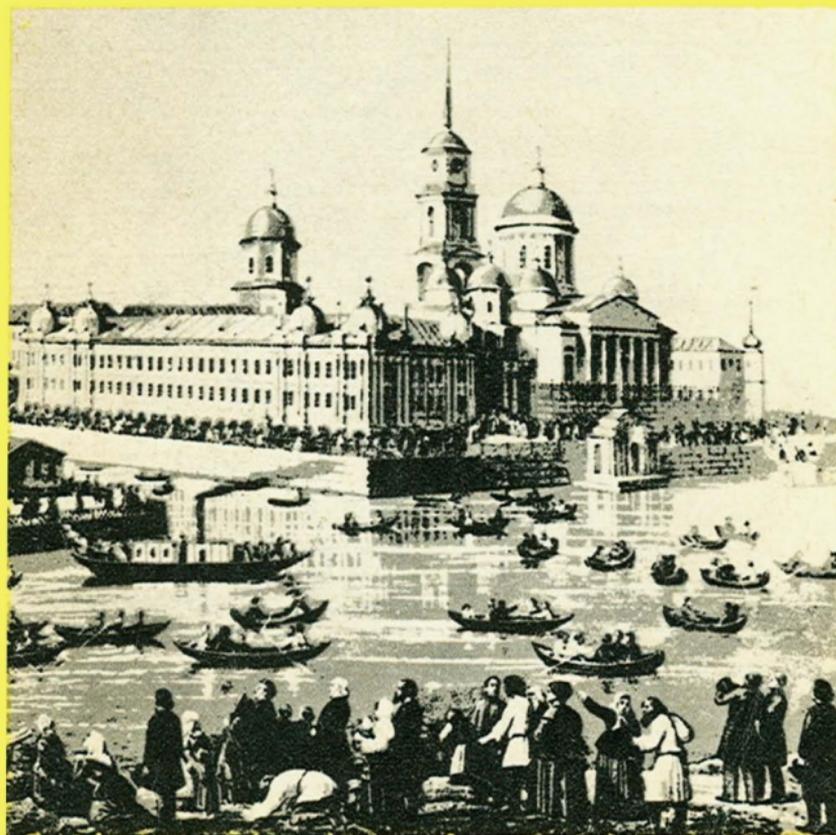
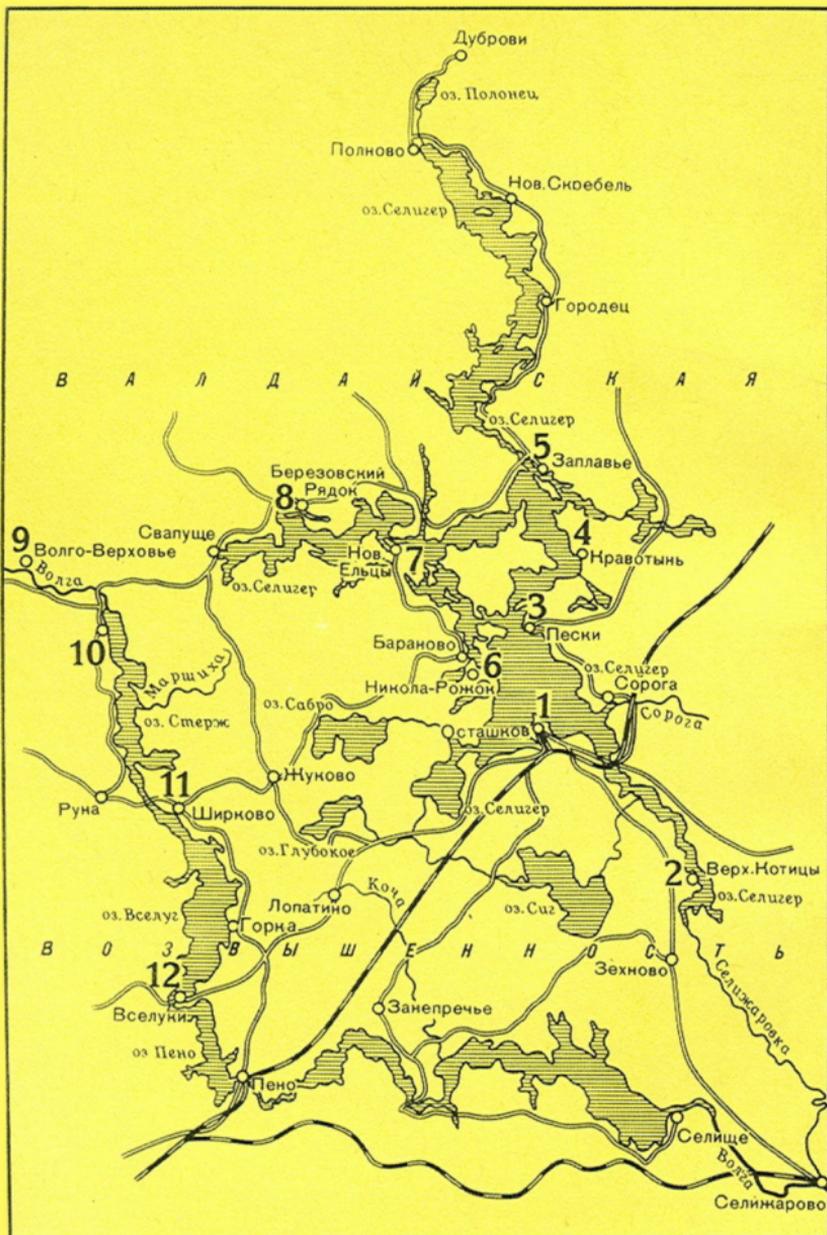

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕЛИГЕРСКОГО КРАЯ

1. Город Осташков.
Жилой дом начала XVIII в.
2. Верхние Котицы.
Казанская церковь.
1774—1803
-

3. Нилова пустынь.
Собор Богоявления.
1821—1833
4. Кравотынь.
Введенская церковь.
1791—1802
-

5. Заплавье.
Жилой дом конца XIX —
начала XX в.
6. Николо-Рожок.
Успенская церковь.
1763—1768
-

7. Новые Ельцы.
Усадебный дом
начала XIX в.
8. Березовское городище.
VIII в. до н. э.
-

9. Волго-Верховье.
Исток реки Волги
10. Новинки.
Церковь Петра и Павла.
1807—1822
-

11. Ширков погост.
Церковь Иоанна Предтечи.
1679
12. Вселуки.
Церковь
Рождества Богородицы.
1835
-

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕЛИГЕРСКОГО КРАЯ

А. А. ГАЛАШЕВИЧ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ

МОСКВА
•ИСКУССТВО•
1983

ББК 85.113(2)1
Г15

Г $\frac{4901000000-084}{025(01)-83}$ 51-83

© Издательство «Искусство», 1983 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
1. ГОРОД ОСТАШКОВ	15
История города (15). Троицкий и Воскресенский соборы (21). Жилые дома (35). Колокольня Преображенской церкви (39). Вальский столп и образцовое градостроительство (44). Знаменский монастырь (53). Житенный монастырь (58). Осташков наших дней (68).	
2. ПО РЕЧКЕ СЕЛИЖАРОВКЕ	73
Село Рогожа (73). Верхние Котицы (77).	
3. ПО ВОСТОЧНОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ СЕЛИГЕРА	83
Монастырь Нилова пустынь (83). Кравотынь (118). Заплавье (125). Села Щучье и Трестино (134).	
4. ПО ЗАПАДНОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ СЕЛИГЕРА	137
Николо-Рожок (138). Остров Хачин (142). Церковь Троицы на Переволоке (143). Усадьба Бухвостово (145). Усадьба Новые Ельцы (146). Березовское городище (149). Свапуца (153).	
5. У ИСТОКОВ ВОЛГИ	154
Волго-Верховье (154). Стерженское городище (159). Ивановское (165). Увицы (165). Ширков погост (167). Горки (174). Вселук (175). Витожетка (180).	
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	185
ПРИМЕЧАНИЯ	186
БИБЛИОГРАФИЯ	190

Вместо предисловия

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.
Превозмогая обожанье,
Я наблюдал. боготворя.

Б. Пастернак. На ранних поездах

Об озере Селигер очень много написано. Пишут о нем люди разных профессий. Одни изучают его энергетические и экономические ресурсы, других вдохновляет селигерская утренняя прохлада, рассветы и закаты. Третьи интересуются причинами образования озера. Четвертые едут сюда, чтобы проследить древнейшие пути миграции первобытных племен. Наконец, и таких большинство, едут отдохнуть от города на его лесистых берегах. Таков уж Селигер, и кто бы о нем ни писал, согласны в одном — озеро полно самых неожиданных контрастов. Сюда можно приезжать постоянно, и в любое время года — Селигер всегда будет красив. Даже зимой, когда его окрестности становятся более однообразными, снежный покров продолжает жить, постоянно меняясь.

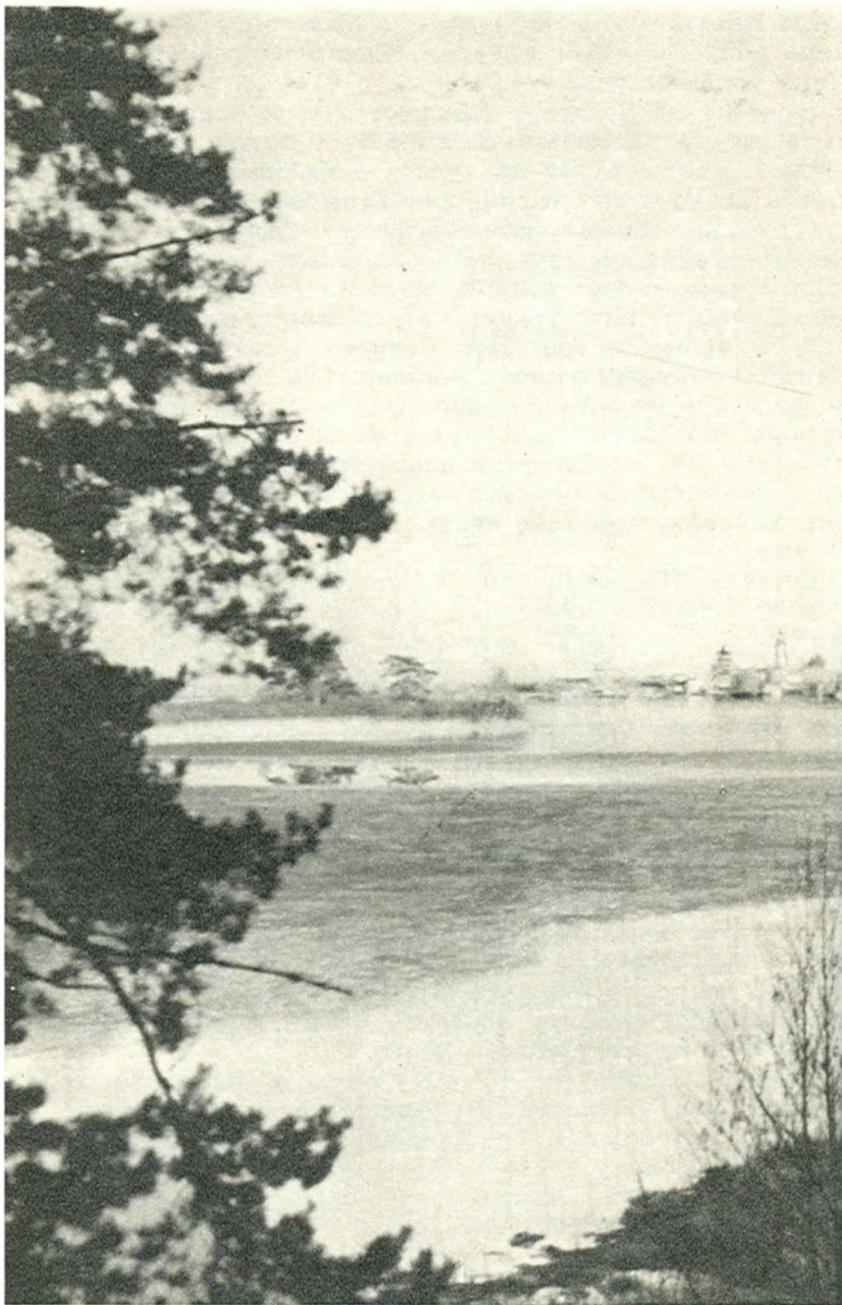
Наверное, физики, химики, ихтиологи могут объяснить, почему два озера, расположенные рядом и отделенные друг от друга лишь узким перешейком, совершенно разные. В одном вода темная, а в другом светлая. Или почему в двух почти соприкасающихся озерах различная температура воды: тут — теплая до глубокой осени, а там — не выкупаешься и в жаркий июльский полдень. Можно понять, как образовался Селигер, почему получил столь необычную форму, вытянувшись с севера на юг на десятки километров плесами и островами. Но это область науки нашего времени наших знаний и представлений о природных катаклизмах происходивших тысячи лет назад. Древние жители озера объясняли происхождение Селигера по-своему. Это они сложили легенду о том, как поссорились два брата —

озера Ильмень и Селигер — из-за красавицы Волги, и Ильмень попросил богов наказать Селигер, вырастить на его спине горбы-острова.

Легенды на Селигере рождаются и умирают. Одни забыты, другие рассказываются и сейчас, третьи только появились, и какова будет их судьба — неизвестно. Вчитайтесь внимательно в географические наименования края. Вслушайтесь, например, в название плеса: «Сва-пу-ща» — в этот словно шипящий звук растекающейся по песку волны. Или в резкое, как вскрик, название острова: «Ха-чин»! Не кажется ли вам, что сами эти названия пришли из сказки? Случайно ли это? Нет. Селигер — это легенды. Здесь фантастика живет рядом с реальностью, а сказку невозможно отделить от исторического факта. Чтобы добраться до истины, приходится подчас с трудом отыскивать ее среди преданий. Но когда устанавливается подлинный факт, то предания и легенды оказываются не менее ценными, ибо без них пропадает обаяние сказки, чарующее волшебство Селигера.

Когда-то Птолемей считал, что великие реки (Волга и Днепр) должны начинаться с больших гор. Вслед за великим географом эту мысль повторили многие древние ученые. Но высоких гор вблизи Селигера — там, откуда берут начало большие и малые реки, — нет, если не считать пологих отрогов Валдайской возвышенности, которые жители Кавказа, наверное, приняли бы за равнину. Много позже Птолемей безвестный киевский летописец оставил описание древнего пути из варяг в греки по рекам, текущим на север, юг и запад, и название лесов — Оковецких, — откуда они начинаются. Если взглянуть на карту, то нельзя не удивиться, как близко находятся истоки этих рек, а рядом с ними лежит одно из самых больших озер средней полосы России — Селигер. Его иногда называют вторым Байкалом. В озеро впадает множество рек и речушек, но запасы воды оно, подобно скупому хозяину, отдает через небольшую речку Селижаровку только Волге.

Именно по этому необычному озеру и Оковецким лесам пройдет наш маршрут. Путешествовать по Селигеру на редкость интересно. Здесь найдешь все, что пожелаешь, — хорошую рыбалку, обилие грибов, ягод, солнечные пляжи, прохладные леса, бескрайние просторы, глухие овраги, многолюдные туристические базы и места, где за целый день не встретишь ни одного человека. Тот, кто захочет глубже понять этот край, его историю, увидит в окрестных селах десятки интересных памятников архитектуры. Они, как и селигерские легенды, рождены безудержной народной

фантазией. Еще известный историк искусства профессор А. И. Некрасов, изучая эти места, отмечал важность в этнографическом отношении Тверского края (ныне — Калининская область), как территории, где северорусский быт и говор смыкались с западнорусскими и центральнонорусскими, а в искусствоведческом отношении — борьбой новгородских и московских художественных традиций в Древней Руси, петербургских и московских — в новой.

Книга о памятниках архитектуры и об истории Селигерского края — продолжение книги «Торопец и его окрестности», вышедшей раньше в серии «Дороги к прекрасному». С Селигерским краем город Торопец и его окрестности связаны многими историческими событиями. Граница Торопецкого княжества с Новгородским и Владимирским проходила по юго-западному побережью Селигера. В Торопце существовала местная архитектурная традиция, сложившаяся в XVIII веке и оказавшая влияние на пограничные районы. Поэтому хотелось бы продолжить разговор о мест-

*Окрестности
города Осташкова.
Вид на город
с острова Кличен*

←

ном архитектурном творчестве. Во второе издание книги включен новый, ранее неизвестный материал, собранный в процессе более углубленного исследования памятников и их реставрации, учтены критические замечания читателей и коллег, высказанные в многочисленных отзывах и личных беседах. Маршруты по Селигерскому краю ограничены территорией Осташковского и Пеновского районов. Начинаются же они с города Осташкова (районный центр Калининской области), куда очень легко добраться поездом из Москвы, Ленинграда и Прибалтики, а также по шоссе Торжок—Осташков.

Озеро Селигер со всех сторон на много километров окружено густыми лесами, топками, непроходимыми болотами, среди которых множество больших и малых озер. Одни из них речушками связаны с Селигером, другие — глухие. В древности эти места большую часть года были почти недоступны. Летом можно было пробраться туда только водой, а зимой — лишь когда землю скует мороз и ляжет

снег. Еще в прошлом веке жители ближайших уездов называли Селигерский край «чертовым углом». Даже сейчас, когда на Селигер ведут шоссейная и железная дороги, приезжающего не оставляет ощущение, что он попадает в места, малодоступные для человека.

Было высказано несколько предположений относительно названия озера. Но все они достаточно спорные. Скорее всего, нарекли озеро еще племена древних финнов, которые тут жили до проникновения сюда славян в IX—VIII веках до н. э. В современном финском языке есть слово, которое по звучанию можно связать с названием озера, — «Selhea» (прозрачный, чистый). Трудно утверждать, что происхождение названия «Селигер» именно таково, но в него хочется верить, вспоминая чистые, прозрачные воды озера.

Путешествуя по этим местам, можно услышать, как озеро с уважением солидно называют «Селигер Селигерович». Да и как же иначе! Ведь озеро имеет весьма почтенный возраст — оно образовалось тогда, когда закончилась четвертая ледниковая эпоха.

Последний ледник, отступая, нагромоздил холмы Валдайской возвышенности. Талые воды затопили углубления и впадины, причудливыми извилистыми заливами глубоко врезавшись в материк. То, что они не смогли затопить, — стало островами. Количество островов на озере никогда не бывает постоянным. В половодье их меньше, а во время засухи, когда на Селигере низкий уровень воды, — становится больше. Неподалеку от Осташкова иногда появляется сразу два таких острова — Званец и Козы. Маленькие островки жители Селигера называют «всплышками». Есть острова, которые сами имеют внутренние озера. На самом большом из них — Хачине — находится тринадцать внутренних водоемов.

Общая протяженность озера Селигер с севера на юг — почти сто километров, а с востока на запад — около пятидесяти. Но расстояния эти можно ощутить только по тому, как долго идет теплоход от Осташкова до конечного пункта — пристани Полново. Больших открытых водных просторов, вроде тех, что на озере Ильмень, здесь нет. Селигер — это, по сути дела, восемь больших плесов, получивших одно название, соединенных друг с другом протоками. Самый большой и бурный — Осташковский плес. К югу он сужается, переходит в Селижаровский и превращается в ту самую речку Селижаровку, которая связывает Селигер с Волгой. Вдоль восточного побережья Осташковского плеса, у самой воды, стоят деревеньки. Западный же

берег — низкий, с большими топкими заводами, соединенными полоской воды с плесом. На севере Осташковский плес отделен островами от не менее бурного Краватынского. А еще дальше лежат Сосницкий и Полновский плесы, принадлежащие уже Новгородской области. Побережья эти плесов — наиболее безлюдная часть Селигера. Попасть туда можно лишь по узкой протоке, похожей на реку, которую так и называют рекой Полновкой. Самый красивый — Березовский плес в западной части озера с бесконечным большими и малыми островами. Если кому-нибудь посчастливилось побывать на них ранней весной, когда прибрежная лоза покроется пенным ярко-желтым цветом, когда воздух будет напоен терпким запахом непрогретой майской воды и дурманом оттаявшей земли, тот на всю жизнь полюбит эти места, будет потом постоянно стремиться сюда.

Селигер изменчив. Здесь никогда не бывает дня, да и часа — часа, похожего один на другой. В знойный июль, когда ничто не в силах нарушить установившейся жаркой тишины, когда барометр заснет на «ясно», — не верь Селигеру. Он не только красив. Природа щедро одарила озеро, напоила его воды лазурью неба, соткала изысканное ожерелье побережья, но она же наградила его коварством. Тот, кому пришлось увидеть шторм на озере, будет всегда с душевным трепетом и почтением относиться к старцу Селигеру, на всю жизнь запомнит могучую силу дремлющего исполина.

Побережье Селигера было заселено уже в эпоху неолита. Археологами тут открыто большое число неолитических стоянок и среди них стоянка на реке Сабринке, раскопанная несколько лет назад Ю. Н. Урбаном, где он выявил сразу два культурных слоя — раннего и позднего неолита. В IX веке на Селигере расселилось славянское племя кривичей, которые позже заняли обширную территорию: «...и седять на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра...» — упомянет о них «Повесть временных лет». Кривичи жившие на городище Николо-Рожок (местечко неподалеку от Осташкова), занимались торговлей. Из небольшого поселения Николо-Рожок в X—XI веках превратился в укрепленное городище с валами и деревянной горотьбой. Помим Николо-Рожковского городища на побережье возникли другие поселения. Озеро становилось все оживленнее и оживленнее. На юг и на север плыли ладьи. На них везли Новгород хлеб, дорогие византийские ткани, богатое оружие и различные украшения. На юг — редкостные меха, янтарную рыбу, кожи и другие товары. Из летописей известны

то попасть в Новгород можно через Селигер, далее через руппу мелких озер — Велье, реками Явонь, Пола, Ловать, атем по озеру Ильмень и, наконец, по реке Волхов. Этим путем часто пользовались новгородцы в эпоху начавшихся феодальных войн в XII—XIII веках. (В 1199 году новгородское посольство едет «серегерским путем» просить на княжение в Новгород одного из сыновей Всеволода Большое Гнездо.)

Здесь же на Селигере сталкиваются интересы боярской республики с Владимиро-Суздальским и Торопецким княжествами. Только непроходимые леса и болота, видимо, мешали владимирским князьям прочно укрепиться на селигерском побережье. Поэтому приоритет на эти земли ставался у Новгорода. Оковецкие же леса спасли Новгород от Батыевого вторжения. Для вражеских орд укрепленные селигерские городища были небольшой преградой. После того как под ударами Батыя пали многие русские княжества, на севере, среди болот и лесов, оставались неокоренными богатый торговый Новгород и не менее процветавший Псков. Рассказы об этих городах тревожили ненасытную жадность грозного хана. Туда-то он и направил свои полчища. 22 февраля 1238 года Батый «остипил» (осадил) Торжок. Две недели стенобитные машины долбили укрепления. А когда город пал, то оставшиеся в живых защитники стали отступать «серегерским путем». «Посякая людей, яко траву», гнались за ними татары. Существует предположение, что татары дошли до деревни Игнашевки, расположенной севернее озера Селигер, на берегу речки Щерихи. В летописях упоминается Игнач-крест, откуда татары будто бы повернули назад. Что это за Игнач-крест — сказать трудно. Быть может, тот самый камень-крест, который хранится сейчас в Осташковском краеведческом музее.

Вслед за татарами на побережье Селигера приходит другая беда. Покорив Торопецкое княжество, Литва стремится расширить свои владения дальше на восток, совершает неоднократные набеги на западные и южные земли края, захватывает укрепленные городища вдоль верховьев Волги — Вселук, Осечен, Туд и др. Надолго подчинить своей власти эти земли Литве не удается. Северная часть — селигерские волости Березовец, Стерж, Лопастницы, Жабья и другие — остается под властью Новгорода, хотя и вынуждена платить дань Литве. Но дань взимается подчас чисто номинальная. Так, например, известно, что в XIV веке волостей Литва брала в год по две куницы и две белки.

Со времени правления Ивана Калиты на Селигер начинают распространяться влияние Москвы. Разгромив пограничные с Московским княжеством литовские укрепления, Калита и его преемники захватывают южную часть озера, пытаются там утвердиться, чтобы иметь возможность оказывать экономическое давление на процветающий Новгород, ослабить его могущество. С этого момента начинается новая страница истории селигерского края.

1. Город Осташков

Литература о городе Осташкове может составить солидную библиотеку. Наверное, так произошло потому, что город был и остается по сей день слишком необычным. Когда смотришь на карту, то полуостров, на котором расположен Осташков, своим очертанием напоминает Италию, таким же «сапогом» вытянувшись с севера на юг. Даже острова у его мыса ассоциируются с Сицилией. Лишь сверившись с масштабом карты, понимаешь, как мал этот полуостров. Его протяженность чуть больше трех километров вместе с островами. Когда же находишься в самом Осташкове, то не оставляет ощущение, что город стоит на воде. Недаром в середине XVIII века новгородский генерал-губернатор Яков Ефимович Сиверс в письме к Екатерине II назвал его «второй Венецией». Конечно, сравнение Осташкова с Венецией — такая же гипербола, как и сравнение полуострова с Италией, и тем не менее воды тут действительно хватает.

Город открывается с Осташковского плеса весь сразу, и, если бы не высокие колокольни церковей, его застройка смотрелась бы скучной, ровной, монотонной лентой, с одинаковыми кубиками домов, выстроившихся вдоль береговой долысы. Осташков — один из немногих городов, сохраняющих панораму, сложившуюся к середине прошлого столетия. Только в начале XX века да в последние годы несколько больших зданий изменили ее. По-видимому, необычайная целостность панорамы старого Осташкова увлекла ленинградских архитекторов-проектировщиков, предложивших проект развития нового города за пределами полуострова, совсем не затрагивая исторически сложившегося

центра, где многое может рассказать о прошлом Осташко и о его интересной судьбе.

Почему-то принято считать, что Осташков стал называться городом только после указа Екатерины II в 1770 году. Э не совсем справедливо, хотя до указа здесь действительно числились две слободы. Много раньше, в документах XVI XVII веков, упоминается городок Кличен, который с полным правом можно считать родоначальником Осташковских слобод. Город этот находился на острове, в километре от современного Осташкова, и остров до сих пор так и называется Кличен. Местность же вокруг после уничтожения Кличен городка еще долгое время именовалась Кличенской волостью. Под таким названием она упоминалась в числе земель, взятых в опричнину Иваном Грозным. Кличен городок — одна из любопытных загадок истории. Остает пока непонятным, кто основал Кличен. Одно из интересных сведений, относящихся к истории этого городка почему-то осталось историкам малоизвестным, хотя впервые было опубликовано сравнительно давно, в 1908 году. Речь идет о грамоте литовского князя Ольгерда патриарху Филофею, написанной на греческом языке датированной 1371 годом, содержащей жалобу на московского митрополита Алексия: «Против своего крестного целования взяли у меня города Ржеву, Сижку, Тудин, Осече Горышено, Рясну, Луки Великие, Кличен. А то все город и все их взяли, и крестного целования не сложили, и клятвенных грамот не отослали...»¹.

Среди городов, перечисленных «обиженным» князем, в которые действительно были основаны Литвой. Но упоминание о Кличене в «Списке», составленном несколько раньше как о городе «князей залесских» ставит под сомнение з притязания князя Ольгерда. Гибели Кличена, самого окраинного укрепленного городка Московского княжества, предшествовали немаловажные события. Новгородцы, чьи пограничные земли находились в непосредственной близости к Москве, давно стремились освободиться от власти великих князей, которые вместе с ярлыком на великое княжение приобретали и право вершить суд над жителями Новгорода по многим спорным вопросам. Суды эти вершились не в самом Новгороде, а в том городе или месте, где находилась резиденция великого князя, куда новгородцев вызывал то было для них не только оскорбительно, но и сопряжено с различными дорожными и денежными трудностями. Добившись отмены этого положения, Новгород в 1385 году решил настоять, чтобы и церковный суд происходил в этом месте, а не у митрополита. Прибывший в это время из Гр

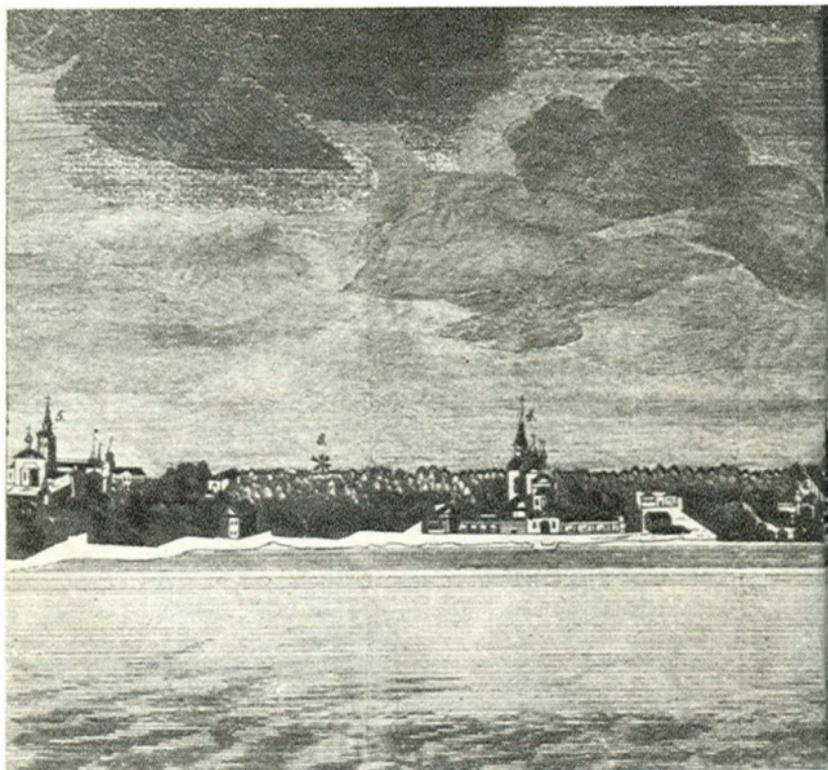
ции в Москву митрополит Киприан, ставший во главе русской православной церкви, всячески поддерживая московского князя Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, попытался вернуть и прежние права митрополита на верховный церковный суд. Для этой цели он отправился в Новгород. Там его приняли с почестями, однако от своих требований не отказались: «Целовали мы крест заодно, грамоты пописали и попечатали, и души свои запечатали»,² — ответили митрополиту новгородцы. Киприан вернулся в Москву ни с чем, а Василию Дмитриевичу пришлось начать против Новгорода военные действия, захватив по обыкновению основные волоки на реках на пути к Новгороду. В ответ на это новгородцы пошли против московского князя, но, опасаясь выступления ополчением, собрали «охочую рать», мало чем отличавшуюся от шайки ушкуйников. «Охочая рать» действовала с ведома Новгорода. В ее числе находился сын новгородского посадника Онцыфора Лукича — Юрий Ванцыфоров (Онцыфоров). Эта рать и сожгла

*Город Осташков
в начале XIX в.
Гравюра из книги
Н. Я. Озерецковского
«Путешествие на озеро
Селигер». 1817*

→

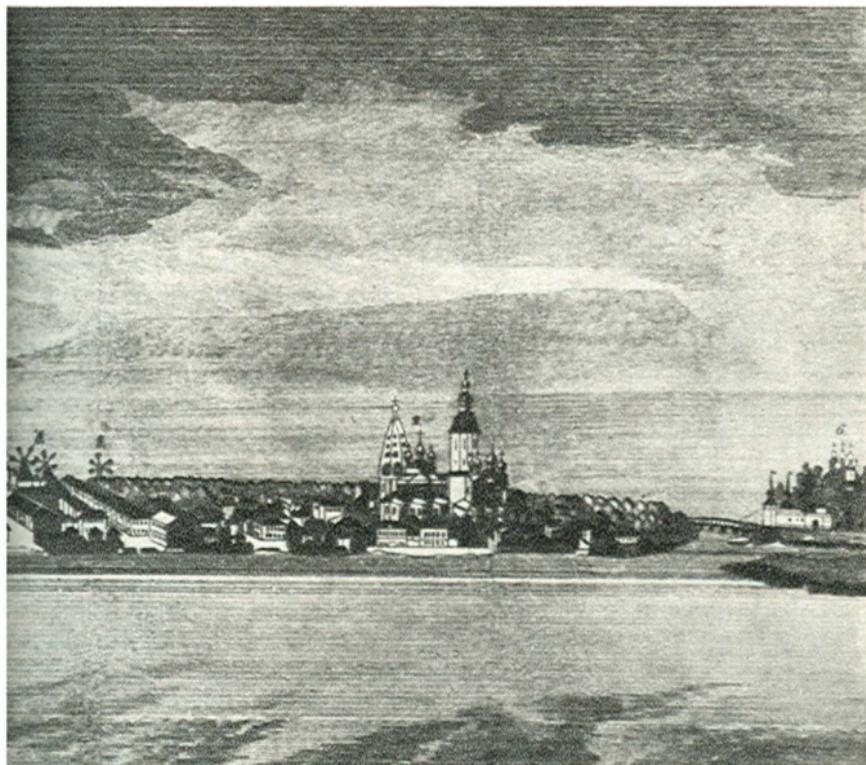
Кличен, который после разорения так и не был возрожден, что подтвердила археологическая разведка на острове.

Трудно сейчас найти на острове какие-нибудь следы древнего города. Когда-то здесь было два острова. Название меньшего со временем забылось. Большой же остров дал городу свое имя — Кличен. Сам город находился на северо-западной стороне большого острова. Но местные предания упорно свидетельствуют, что он был на меньшем острове (ближе к современному Осташкову), куда ведет узкий перешеек с крутыми обрывистыми берегами, по которому только-только можно пройти и который легенды называют валами древнего Кличена. Странное это место на острове. Перешеек удивительно похож на искусственное оборонительное сооружение — насыпь, лукой повернутая в сторону города. Поверить, что такая высокая насыпь создана природой, просто невозможно. Справа и слева от узкой тропы — круглые песчаные откосы. А что за виды открываются с этих валов! Сквозь верхушки молодого сосняка за плесом про-

глядывает Осташков с его панорамой, похожей на лубочную картинку. С другой стороны — тихий залив с заболоченными берегами, поросшими тростником. За заливом стеной стоит густой темный лес, в чаще которого с трудом можно отыскать остатки укреплений древнего Кличена.

Погибший город возродился на новом месте и с новым названием. Предание, которое очень любят повторять осташки, гласит, что основателем их города был рыбак Евстафий, единственный житель Кличена, оставшийся в живых и поселившийся на полуострове. (Центральная улица современного Осташкова в память об этом легендарном родоначальнике города носит название Евстафьевской.) Осташковское поселение быстро росло. «Благополучие Евстафия на новом месте привлекло в соседство к нему другого жителя, который завел на том же мысу другое селение. Имя этого другого поселенца было Тимофей, а селение, им построенное, названо было Тимофеевской слободкой. Первоначально эти два селения... назывались по имени старшего

из них, деревнями Осташковскими»³. (Об этом втором поселенце на полуострове память также сохраняется в названии одной из улиц города — Тимофеевская.)

В конце XV века Осташковские деревни превращаются в слободы. Они принадлежали волоколамскому князю Борису Васильевичу. Он отказал Осташковские слободы своей жене Ульянии, а в 1500 году его сын Федор, вероятно в знак примирения со своенравным основателем Волоцкого монастыря — Иосифом, «отписал на монастырь Евстафьевскую слободу», получившую с тех пор название Иосифовской. Остальные земли Осташковских слобод принадлежали с 1565 года московскому митрополиту и носили название Митрополичьей, или Патриаршей, слободы. Жители этих слобод, опасаясь нашествия Литвы, построили в 1587 году крепость — Осташковский городок. Но укрепления не спасли городок во время польско-литовского нашествия, и он вместе со своим воеводой целовал крест «тушинскому вору».

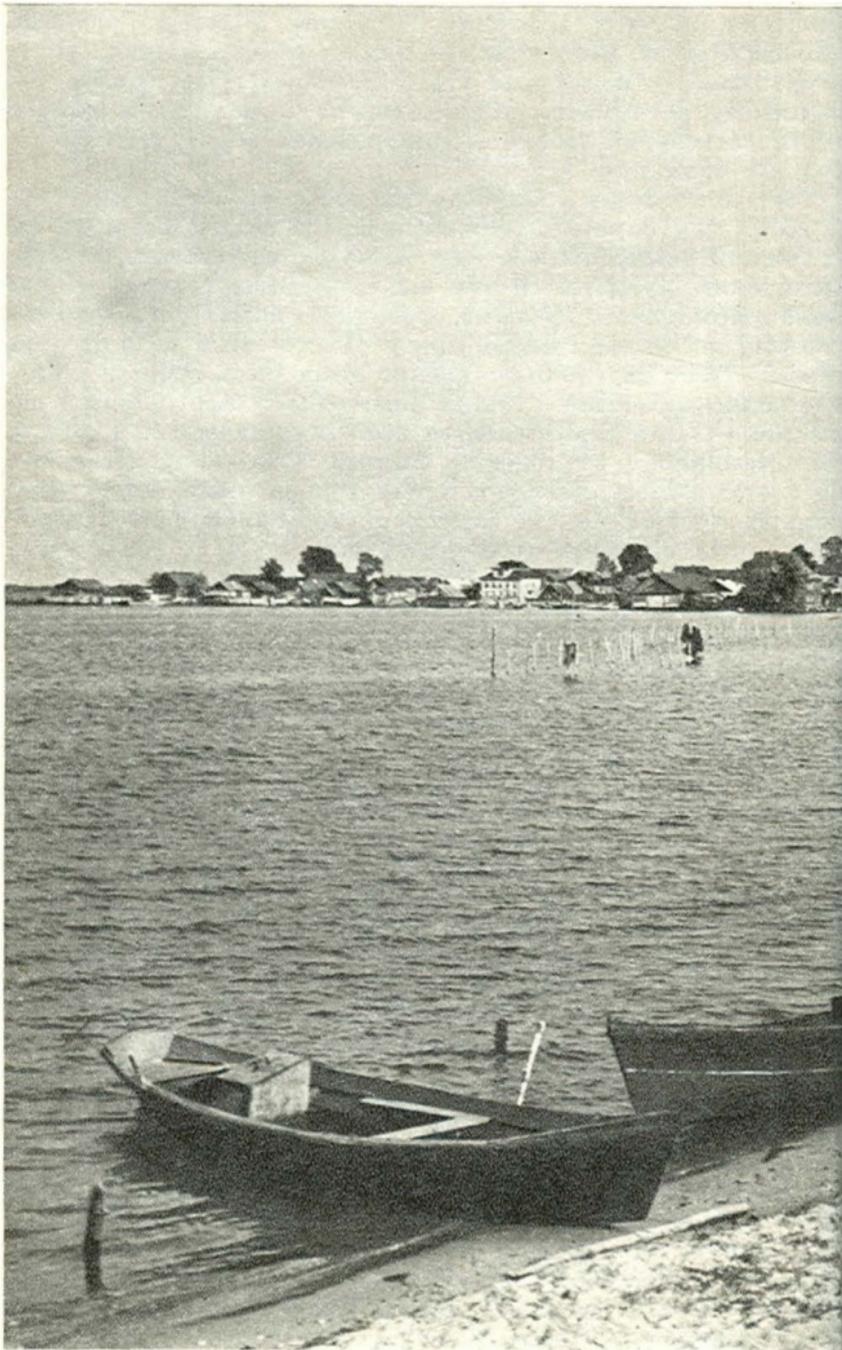
После изгнания поляков Осташков стал быстро расти, и

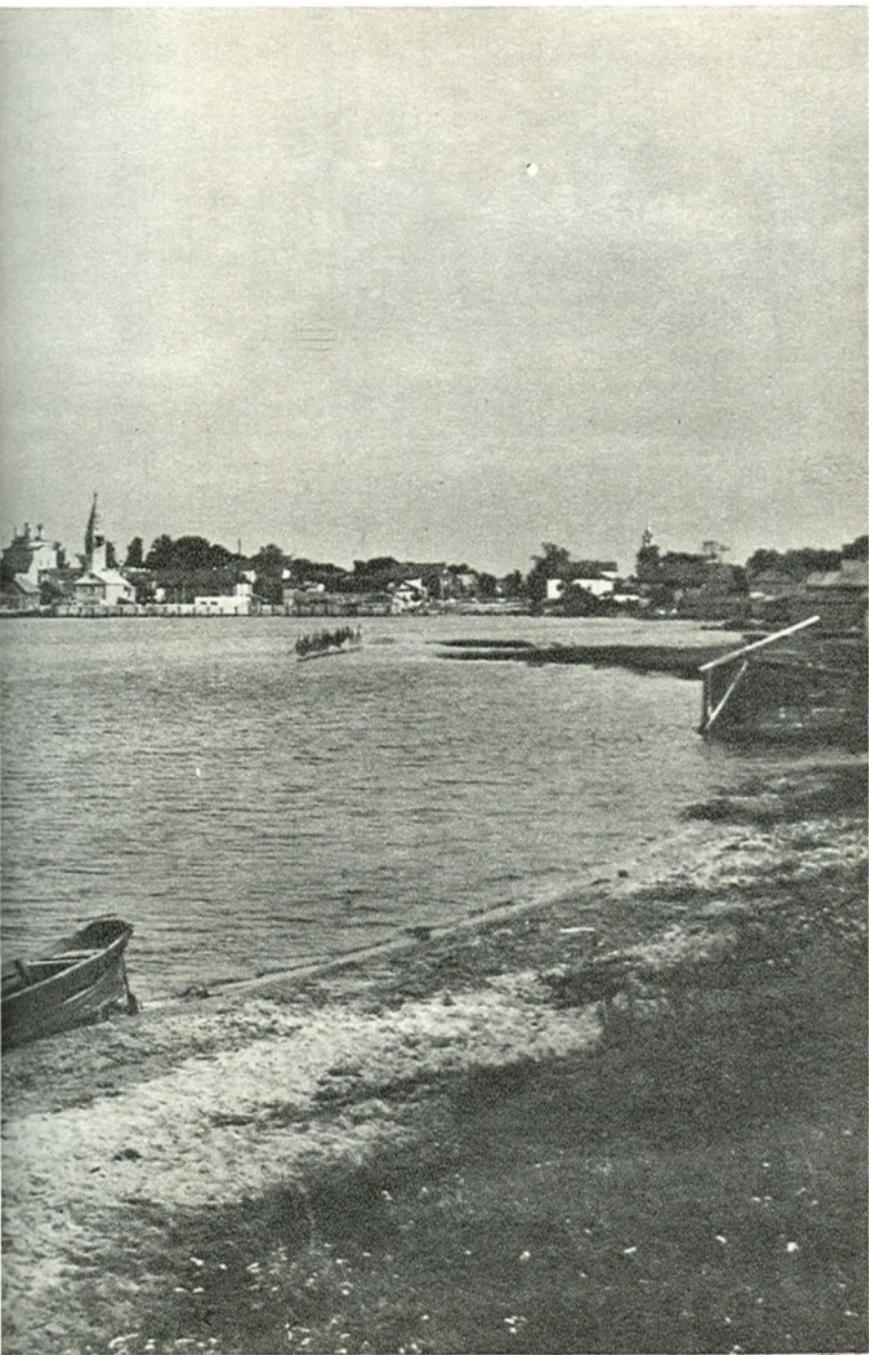
вскоре образовалось поблизости новое поселение — Струговище, на том месте, где сейчас находится Знаменский монастырь и где, видимо, делали лодки — струги. Опасаясь нового нашествия поляков, в Ржеве, Зубцове, Волоколамске, Старице и Осташкове, вдоль западных рубежей Московского государства, спешно возобновили городское строительство. Позже эти города были внесены в списки пограничных с Литвой и Польшей. Строить своими силами крепости оставши не могли. На помощь им были присланы жители Зубцова и Ржева, и уже к 1626 году крепость «в осыпи 830 сажень» была готова. Эти крепостные сооружения, вероятно сделанные в спешке, простояли недолго. Накануне предстоящей войны с Польшей последовал указ строить новую крепость вместо обветшавшей старой, которая и была возобновлена за сравнительно короткий срок (1651—1653). Не так давно, собирая материалы по истории города М. Г. Карпова обнаружила в архиве любопытный документ, позволяющий достаточно точно реконструировать, как выглядели эти очередные оборонительные сооружения Осташкова. Для строительства крепости «лучшими людьми» города была составлена «сметная роспись», в которой предполагалось, что укрепления будут немного меньше предыдущих — 791 сажень «по осыпи», то есть по валам. Привлеченные вновь к строительству осташковских оборонительных сооружений «ржевичи» и «зубчане» и особенно жители Сошницкой волости выполняли эти работы неохотно, под различными предлогами уклоняясь от них. Переписные книги 1665 года оставили подробный отчет о том, как выглядела осташковская крепость тех лет: «Василий Стефанов Дерещагин досматривал и мерял и переписал город Осташков сколько около города мерою сажень и что вышина прясла Город деревянной, рубленной, подле озера Селигера...»⁴ Против составленной сметы стены по периметру оказались протяженностью чуть меньше 730 сажень, на которых стояло шестнадцать башен, из них — пять шатровых. Крепость имела четверо ворот, трое из них выходило на озеро, и только одни были «по сухому пути». Помимо ворот в стенах для прохода к озеру было устроено десять калиток «для ради пожарного времени». Почти все городские башни имели названия: Большая городская — на ней висела особо чтимая икона Смоленской Богоматери Одигитрии, покровительницы Осташкова, и через нее проходила «проезжая дорога»; две другие — Селижаровская и Псковитинова — указывали основные направления; десять других башен назывались по фамилиям и прозвищам горожан, которые чаще всего встречаются в старых документах (Анишина

Дрёмина, Грачёва, Шкобина, Голанина, Быкова, Голубова, Тюлева, Рогова, Шолохова), — память об этих башнях долго сохранялась в названиях улиц. Остальные три башни, по видимому, оставались безымянными. На восточной оконечности острова, напротив Селижаровских ворот, шумело городское торжище.

Третья по счету городская крепость простояла недолго. В 1676 году случился пожар, стены и башни сгорели. Но Осташков оставался все еще важным пограничным стратегическим пунктом (в эти же годы близ города, вокруг монастыря Нилова пустынь, возводится каменная крепость), поэтому последовал новый правительственный указ строить город: «Чтоб впредь было крепко и прочно и вечно и в приход воинских людей в городе сидеть было бесстрашно и надежно...»⁵. Для строительства этой осташковской крепости был направлен градоделец Никита Толбузин. Четвертые по счету крепостные сооружения города были наполовину меньше предыдущих и стояли на восточной части старой осыпи. Эта крепость просуществовала до 1711 года, когда она тоже сгорела и больше не возобновлялась.

В конце XVII века Осташков превратился в большой город, в котором быстро росла численность населения, развивалась торговля. Близость к литовской границе и постоянная опасность нападения нисколько не препятствовали росту города. Осташков активно торговал с другими порубежными городами, с Польшей и Литвой. В 1651 году осташковский воевода сообщает в посольский приказ о приезде в город с товарами смоленских, могилевских и других «торговых людей». Во многих городах России во второй половине XVII века развитие торговли и строительства происходило параллельно. Разделение Осташкова на две слободы было к тому же чисто местной причиной, способствовавшей оживлению строительства. И патриарх и Иосифо-Волоколамский монастырь назначали в городские соборы своих настоятелей, внедрявших тут вполне определенные вкусы. Сочетание этих причин способствовало тому, что в Монастырской слободе в 1677 году начали строить Воскресенский собор — один из самых больших в Тверском крае. Одновременно рядом с собором была построена колокольня. Вслед за этим для жителей Патриаршей слободы вблизи Воскресенского собора в 1685 году заложили Троицкий собор, освященный в 1697 году. (В середине XVIII века при нем также возвели отдельно стоящую колокольню.) Два каменных собора, построенные почти одновременно, в таком сравнительно небольшом городе, как Осташков, — событие исключительное. Заметим, что в Твери существовал

*Панорама
города Осташкова.
Вид на город
с Житного полуострова.
Фото С. Г. Шиманского*

*Соборная площадь
в Осташкове.
Реконструкция
В. И. Якубени
и Т. С. Борисовой*

один городской собор, в Ржеве только в конце XVII века начали строить каменный собор, а в Зубцове он вообще остался деревянным.

Троицкий и Воскресенский соборы не раз перестраивали, изменяя их внешний вид, расписывали интерьеры и ремонтировали. О первоначальном облике соборов совсем недавно можно было судить лишь по небольшим фрагментам декора, видневшимся кое-где на фасадах. Все остальное «узорочье» XVII столетия оказалось скрытым поздними пристройками, толстым слоем штукатурки, сбито или заменено в разное время новым декором. Реставрация Троицкого собора закончена, недалек тот день, когда и фасады Воскресенского собора освободятся от строительных лесов. В процессе реставрации архитектором В. И. Якубени было сделано много интересных наблюдений и открытий. До недавнего времени стоящая рядом с Воскресенским собором высокая столпообразная колокольня с шатровым завершением своими формами вызывала некоторое недоумение. Ее композиция

и декор повторяют хорошо известные ярославские колокольни. Прямой аналогией для нее может послужить колокольня соборного комплекса в Коровниках в Ярославле, имеющая почти такую же композицию и декоративную обработку шатра с убывающими проемами слуховых окошек. Теперь стало очевидно, что и Воскресенский и Троицкий соборы — первые каменные строения Осташкова — по стилистическим признакам принадлежат к ярославской школе зодчества. Бесстолпный двусветный четверик храма с трапезной и приделами с севера и юга у Воскресенского собора увенчан двумя рядами кокошников и традиционным пятиглавием. Постаменты в основании барабанов пятиглавия также украшают кокошники. Композиция и особенно декоративное убранство фасадов характерны для многих посадских церквей Ярославля, вплоть до отдельных деталей декора, встречающихся только там. Причины, побудившие осташей обратиться к ярославским строительным традициям, остаются не совсем ясными. Можно лишь констатировать, что дошедшие до нас храмы Осташкова последовательно повторяют свой прототип. Пышные посадские соборы Ярославля, воздвигнутые богатыми купцами, пришлись по вкусу жителям Осташкова, что подтверждается дальнейшим развитием строительства в городе и окрестностях.

Во второй половине XVIII века, после очередного ремонта, Троицкий собор был расписан и украшен лепниной, выполненной, по-видимому, осташковскими мастерами Кондратием Семеновым Конягиным, Ильей Михайловым Верзиным и Семеном (Еремеевым?) Уткиным. Эти же мастера работали над убранством интерьеров Крестовоздвиженской и Петропавловской церквей в монастыре Нилова пустынь. (Над раскрытием росписи сейчас трудятся художники объединения «Росреставрация».) Судя по реставрированным фрагментам композиции Страшного суда, фигурам и ликам святых, роспись Воскресенского собора станет интересным памятником живописного искусства, выполненным местными, осташковскими, мастерами.

По своим размерам и композиции Троицкий собор почти не отличается от Воскресенского. Однако четверик храма получил более стройные пропорции, а декор стал нарядней. В этом отразились дальнейшие изменения русской архитектуры, нарастание ее «узорочья». Наибольшие изменения претерпели завершение собора и традиционное пятиглавие. Барабаны стали чуть уже, плотнее поставлены друг к другу, кокошники на углах четверика с переломами, так, что угловые украшают сразу два фасада. Подобный прием размещения кокошников несколько раньше нашел широкое приме-

нение в церквях Москвы, Замосковья, очень быстро был подхвачен и полюбился мастерами Ярославля, повторился в Осташкове в Троицком соборе, а позже — в Торопце. Четкая плоскость верхней части фасада здания, ранее фронтально обращенная к зрителю, — нарушалась. Кокошники становились не продолжением фасада, а превращались как бы в развитый постамент для пятиглавия, непрерывным поясом обегая по периметру здание. Отсюда оставался один шаг до того, когда мастера, пытаясь придать древним формам новое, «барочное», звучание, превратят кокошники вообще в декоративные пояса, сочетающиеся с классическими формами карнизов, как, например, в церкви села Рогожа, о которой речь будет ниже.

Трудно найти какие-либо принципиальные отличия осташковских соборов от ярославских. Самое большое их расхождение — полное отсутствие знаменитой ярославской цветной поливной керамики и замена ее на более простую декорацию из кирпича и белого камня. Но при всем этом,

Осташков.

*Воскресенский собор
(1677—1689)*

с приделами XVIII века.

Фото Ю. М. Крылова

←

Осташков.

*Троицкий собор
(1685—1697)*

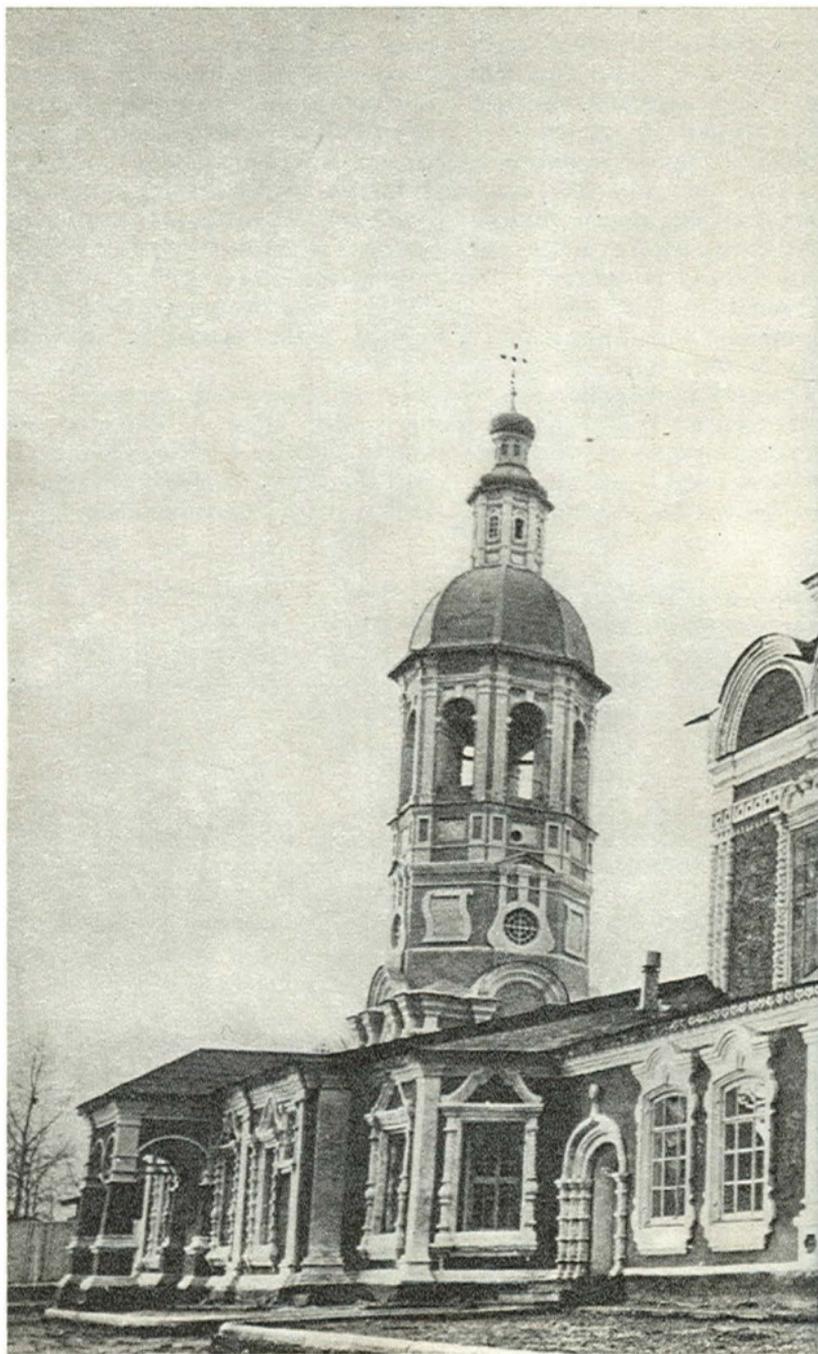
с приделами XVIII века.

Фото В. Волкова

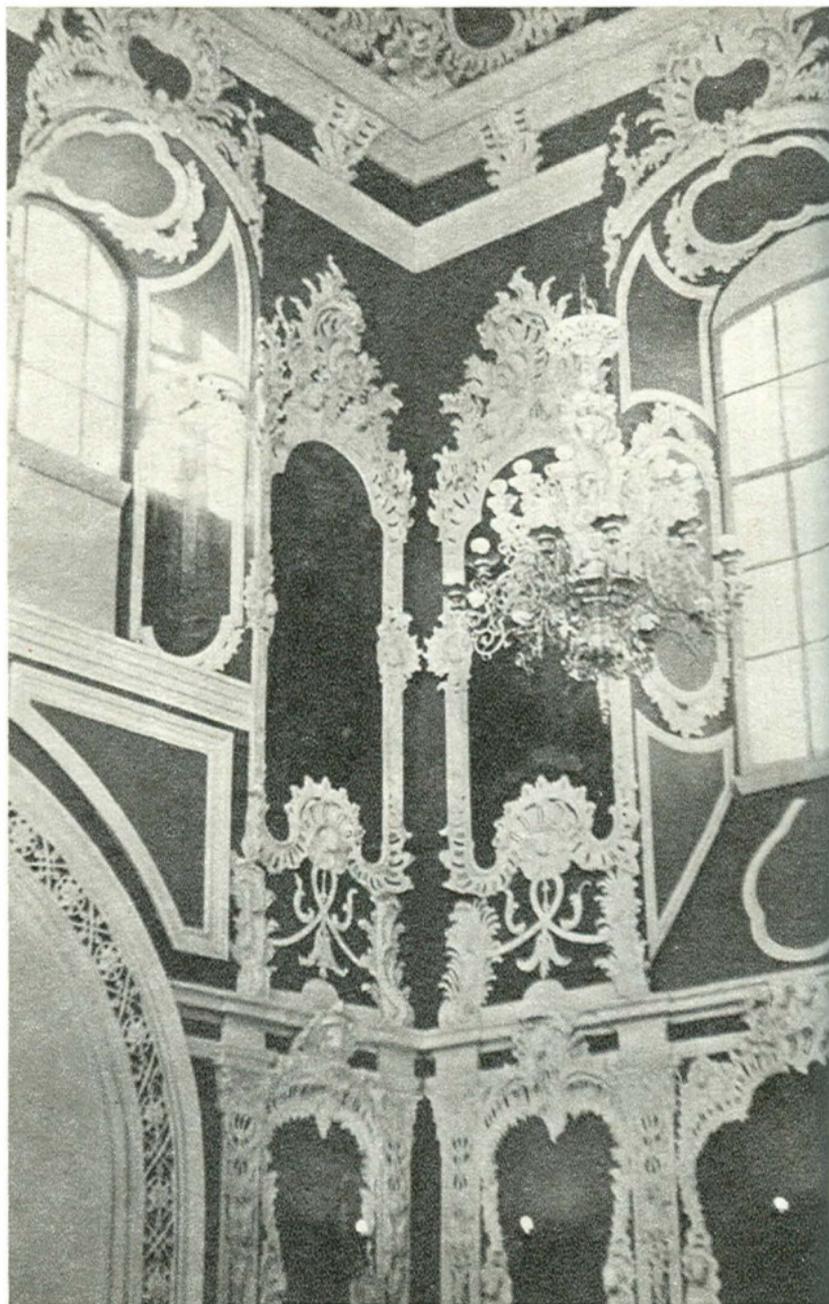
→

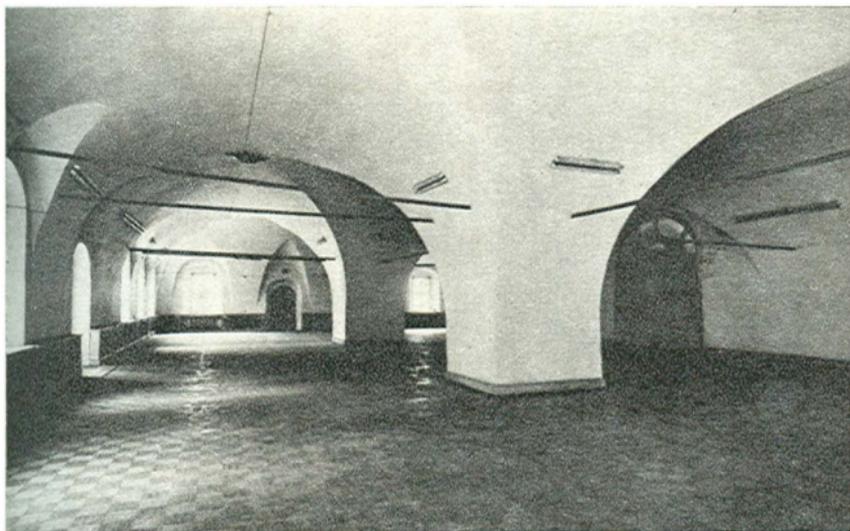
особенно в Троицком соборе, начинают вырабатываться черты, характерные только для местного строительства. Так, например, появляются крыльца со своеобразными опорами и пышно украшенные фигурным кирпичом, «порезки» на перехватах полуколонн и на бусинах, становятся более тонкими заглубленные в массив стены «трефовые» ниши и т. п. Впоследствии все эти формы найдут широкое применение в местной архитектуре и, постоянно видоизменяясь, доживут вплоть до начала XIX века.

Троицкий собор, как и Воскресенский, был расписан во второй половине XVIII столетия местными, осташковскими, живописцами. В отличие от яркого красочного колорита росписей Воскресенского собора, где лики персонажей словно списаны мастерами с окружавших их людей, а одеяния святых празднично нарядны, живопись в Троицком соборе более сдержанна, сумеречного коричневато-охристого колорита, в котором словно выхвачены ярким светом отдельные фигуры. Живописные композиции в богатом лепном

*Осташков.
Интерьер
Троицкого собора.
Лепное убранство
и живопись XVIII века.
Фото Ю. М. Крылова*

←

*Осташков.
Интерьер Троицкого собора.
Фото В. Волкова*

барочном обрамлении исполнены местными мастерами. Наличие богатого лепного убранства в Троицком и Воскресенском соборах и в других церквях окрестностей города свидетельствует о работе в Осташкове продолжительное время высококвалифицированных мастеров-лепщиков. Это подтверждается многочисленными архивными документами, а также тем, что осташковские лепщики были известны далеко за пределами города. Сейчас в Троицкий собор перенесена часть экспозиции Осташковского музея.

Несколько особняком среди группы этих построек стоит колокольня Троицкого собора. Интересно сравнить ее с другой, стоящей рядом и построенной лет на семьдесят раньше. Две эпохи, два совершенно различных стиля, совершенно иное понимание форм. Колокольня ярославских мастеров стремительно поднялась вверх ровным упругим столпом, стянутым пилястрами, горделиво неся пышный шатер. Убывающие кверху слуховые проемы с наличниками придали завершению большую стройность. В компози-

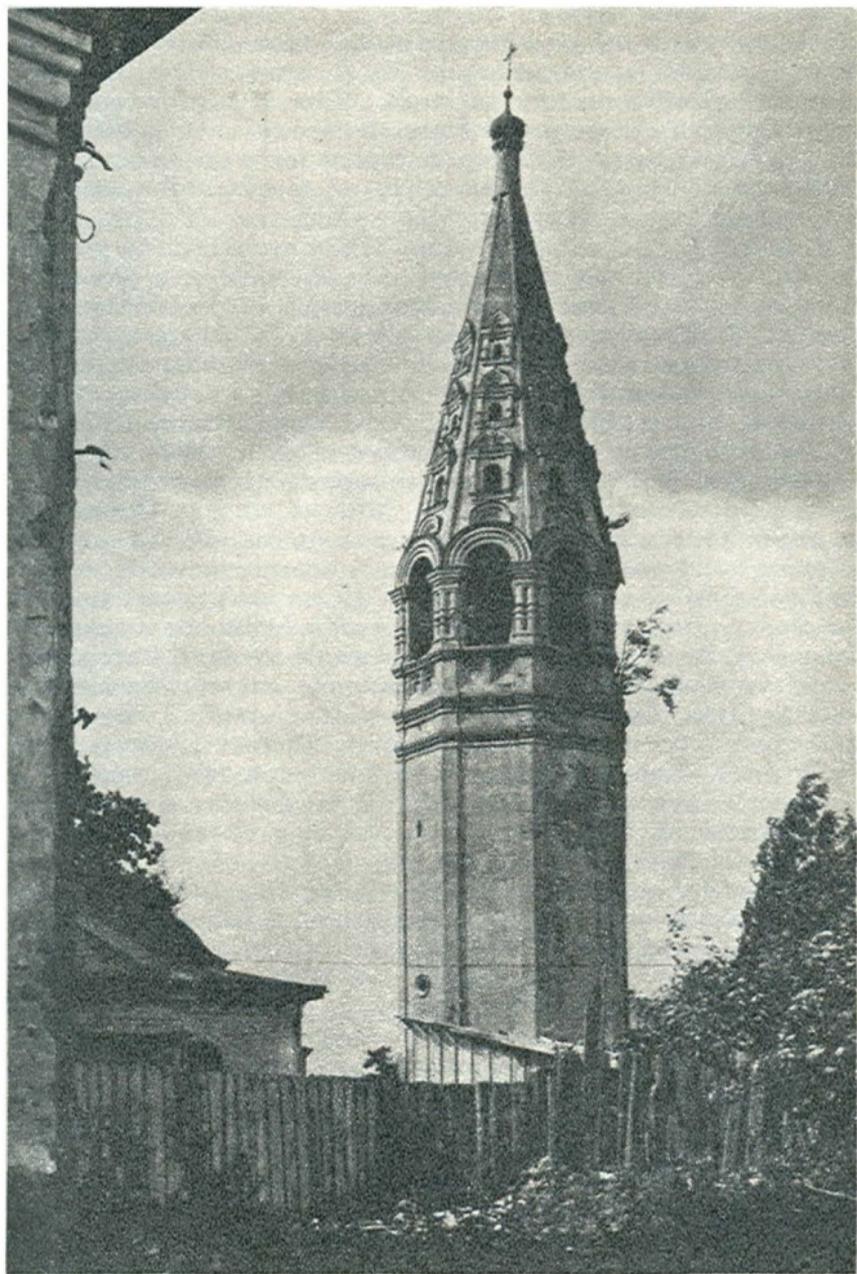
*Осташков.
Колокольня
Троицкого собора.
Середина XVIII в.*

*Осташков.
Колокольня
Воскресенского собора.
Конец XVII в.*

→

ции колокольни есть что-то торжественное, царственное в своем неудержимом взлете. Вторая колокольня несколько выше первой, но ее силуэт менее строг и не так четко рисуется на фоне неба. Формы округлы, с мягкими плавными очертаниями. При этом каждый ярус подчеркнута отделен друг от друга. Декоративные формы одного из ярусов колокольни напоминают развернутые висячие свитки. Рисунок этих «свитков» своей выразительностью активно воздействует на плоскость стены, сообщает ей динамичность, при взгляде на них особенно понимаешь, сколь нетерпим был мастер к плоскости, как стремился нарушить ее статичность, придать ей движение, сделать ее многоплановой.

Два собора и колокольня, построенные в конце XVII века в Осташкове, их богатое убранство, по-видимому, особенно приглянулись по душе жителям города, долго служили образцами для местных мастеров. Иначе как объяснить, что спустя сто—сто пятьдесят лет в храмах по окрестным селам будут повторяться декоративные мотивы первенцев каменного

зодчества края. К этому времени сами соборы не раз переделают, придадут им новый вид, стремясь уподобить их столичным образцам, не станет нарядных фасадов, но они не изгладятся из памяти тех, кто украсил «белыми ризами церквей» села вокруг Осташкова. И вряд ли справедлива недооценка таких памятников, в которых спустя полтора века, словно вырвавшись из-под покрова столетий, неожиданно возродились формы, казалось бы, совсем ушедшие.

Каким был Осташков в конце XVII столетия, по уцелевшим вещественным памятникам представить трудно. Он слишком изменился «на европейский манер» после того, как в XVIII веке получил статус города. В центре возвышались каменные соборы, а вокруг них в беспорядке теснились домишки горожан. За крепостью находились огороды, вдоль юго-восточного побережья озера селились рыбаки, неподалеку, на «струговище», вырос небольшой женский Знаменский монастырь. Заболоченное северо-западное побережье полуострова оставалось пустынным. Многие жители Осташкова занимались ловлей рыбы, которую меняли на хлеб и на необходимые товары. В Осташкове процветали кузнечное и сапожное ремесла, работали чеканщики, золотых дел мастера, столяры, резчики по дереву, живописцы и даже часовщики. Из их среды вышел известный русский математик, автор первого учебника «Математика — сиречь наука вычислительная», Леонтий Филиппович Магницкий. В Осташкове родился и другой математик — Семен Лобанов, преподававший в Московском университете и в Сухопутном кадетском корпусе. Написанные им учебники по физике и математике изданы не были, но имели широкое распространение в многочисленных списках.

Из рода в род переходило в Осташкове занятие живописью. Летописи XVII века называют фамилии живописцев Колокольниковых, Конягиных, Митиных-Петаковых, Уткиных. В 80-х годах XVIII века в Осташкове значится сорок два живописца. Не раз призывали их для работ к царскому двору в Москву и Петербург. Они расписывали церкви в Ростове, Новгороде и других городах России. Вот, к примеру, только небольшой перечень живописных работ, выполненных осташковскими мастерами: в 1672 году для царя Алексея Михайловича осташковский иконописец Макарий Потапов с тремя товарищами исполнил «Титулярник, или описание великих князей и великих государей российских»; в 1753 году в Царском Селе дворцовую церковь расписывали Гаврила Дерябин и Григорий Уткин; в 1748 году в помощь итальянскому художнику Перезинотти для росписи плафонов в Новом Летнем дворце в Петербурге и для

написания декорации в придворном театре были призваны осташковцы Мина Колокольников с братьями Михаилом и Федотом. Династия живописцев Колокольниковых наиболее известна в Осташкове. Племянник Мины Колокольникова — Яков Михайлович — держал в городе художественную мастерскую, где были богато отделаны и расписаны интерьеры и где собирались все причастные к искусству. Шесть его картин, известные больше по перегравировкам, исполненные в 1820 году по случаю приезда в Осташков Александра I, дают прекрасное представление о быте горожан того времени. В середине XIX века в Осташкове трудились сразу три брата Колокольниковых — Михаил, Иван и Александр. Несколько картин художников Колокольниковых хранятся сейчас в Калининской областной картинной галерее и в Осташковском краеведческом музее, но, к сожалению, наследие этой двухсотлетней династии осташковских живописцев остается малоизученным. Оно ждет своего исследователя⁶.

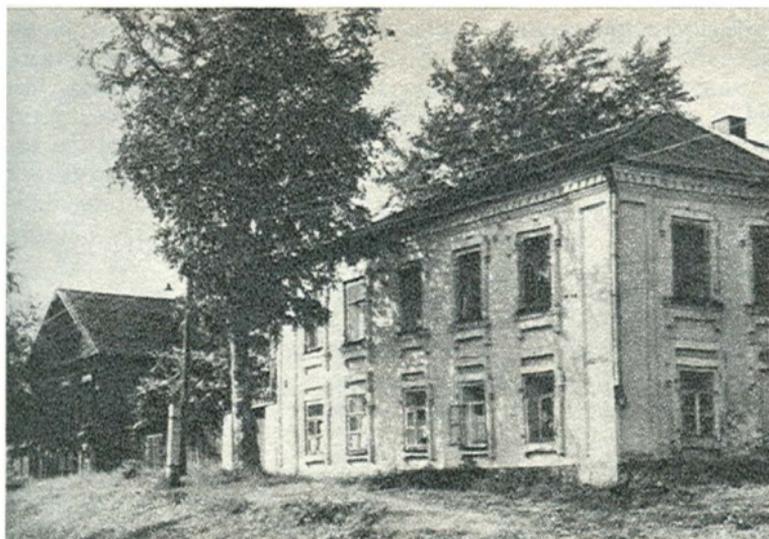
Реформы Петра I, дойдя до самых отдаленных уголков государства, не оставили в стороне и Осташков. В первую очередь они касались экономического уклада жизни. Несмотря на налоги и поборы, купечество в годы правления Петра I все более активно участвовало в политической жизни государства. Внешне это проявлялось в том, что купцы в городах стали возводить для себя богатые каменные хоромы. Строили их и в Осташкове. Один такой дом сохранился рядом с соборным комплексом на улице Печатникова, дом № 7. (По преданию, он считается домом воеводы.) Скорее всего, выстроил его один из «лучших» торговых людей. Среди невысокой деревянной застройки города это здание производит внушительное впечатление. Прямо над землей начинаются окна подклета, забранные металлическими решетками (теперь они растесаны, а уровень земли стал выше). (По уцелевшему в подклете одному окну с решеткой легко реконструировать все остальные.) В подклете хранились товары и припасы, и попасть туда можно было только через дверь под крыльцом. Планировка подклета и жилых помещений была почти одинаковая, с одинаковыми сводчатыми перекрытиями. Верхние окна жилых помещений были украшены нарядными наличниками, наподобие уцелевшего наличника светелки, и напоминали декор окон Троицкого собора. Пилястры по углам с элементами ордерных форм придают фасадам стройность. Жилой этаж был светлым и просторным. Особенно же интересна маленькая верхняя светелка, которая сейчас стала похожа на мезонин. Когда-то в ее северной сте-

*Осташков.
Жилой дом
начала XVIII в.
Ул. Печатникова, 7*

не, выходящей теперь под кровлю, находился дверной проем с металлическими подставками для навешивания двери. (Следы его сейчас хорошо видны). Дверь вела в другое помещение светелки, которое было деревянным. Из дерева, скорее всего, было сделано и высокое крыльцо — вход в жилые покои. Такое сочетание каменных и деревянных частей в одной постройке не было чем-то необычным. Деревянный дом считался более удобным, ему долгое время отдавали предпочтение как более полезному для здоровья, и с этой целью иногда рядом с каменными помещениями устраивались деревянные.

В документах начала XVIII века впервые начинают встречаться имена осташковских каменщиков. Трудно предположить, чтобы для строительства такого небольшого каменного дома, как этот, приглашались мастера со стороны. По-видимому, обучившись ремеслу, работая бок о бок с заезжими мастерами-каменщиками при возведении соборов, они начинают брать самостоятельные подряды. Вот что пишет

*Осташков.
Жилой дом
середины XVIII в.
Ул. Володарского. 12*

о доме № 7 исследователь жилой архитектуры XVII столетия А. А. Тиц: «Фасады... решены строго симметрично... закону симметрии подчинено все плановое построение здания. Архитектурные детали... включают уже классические формы»⁷. Мастерство местных каменщиков можно проследить и на примере другого дома, построенного примерно в то же время (Чайкин переулок, № 14), но сохранившегося несколько хуже. Как и предыдущий, он был с хозяйственным подклетом и первоначально со сводчатыми жилыми помещениями в верхнем этаже. На углах здания неширокие пилястры с простой профилировкой. С западной стороны уцелел перспективный портал, превращенный сейчас в окно. Его расположение подсказывает, что главный фасад этого дома не соответствует регулярной уличной застройке города, сложившейся во второй половине XVIII века.

Есть еще один дом в Осташкове (улица Володарского, № 12), построенный позже двух других лет на пятьдесят, но явно до утверждения регулярного плана города. Его

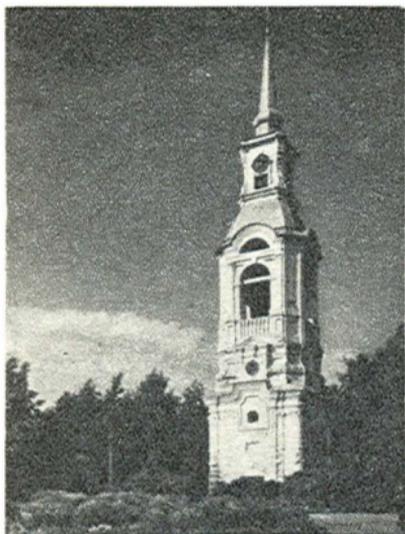
фасад обращен под углом к красной линии улицы, что было совершенно недопустимо после «высочайшего утверждения» плана застройки города. Как и большинство домов, он несколько перестроен. На торцовом фасаде, не видимом с улицы, уцелели широкие наличники с развитым барочным завершением, удивительно точно воспроизводящим наличники домов в городе Торопце. Невольно приходишь к выводу, что строила этот дом какая-то торопецкая артель. (Точно такие же наличники можно увидеть на доме № 49 по улице Карла Маркса в Торопце.) Осташковцы, вероятно, не случайно обратились к их услугам. Строительное искусство торопчан было близко им по духу, отвечало стремлению к украшательству, свидетельствовало о домовитости хозяина и вместе с тем соответствовало их представлению о процветавшем в столице стиле барокко. Многие постройки в Осташкове, в селах и ближайших монастырях возводились непосредственно торопецкими мастерами. К сожалению, в архивах не удалось найти имен этих зодчих, и только архитектурно-стилистический анализ памятников убеждает в этом. Достаточно беглого знакомства с памятниками того и другого города, чтобы понять, кто был их создателем в Осташкове. Не забудут в городе и то, что осталось им от наследства ярославских мастеров. Их узоры еще долго будут волновать воображение местных каменщиков, возводивших церкви.

В 1760 году было дано разрешение построить каменную Преображенскую церковь на тогдашней окраине города. С момента строительства церкви и колокольни при ней было начато формирование нового центра Осташкова, окончательно сложившегося несколько позже. Во время польско-литовской интервенции на этом месте хоронили погибших защитников города. Поэтому Преображенская церковь, посвященная одному из главных христианских праздников, название которого ассоциировалось в понимании людей тех лет с победой добра над злом, с торжеством жизни над смертью, рассматривалась горожанами и как памятник мужественным воинам-соотечественникам. Впоследствии церковь несколько раз перестраивали, она получила дополнительные приделы и уже к концу прошлого века утратила многие черты своего первоначального облика. С этой же церковью связано имя одного из первых исследователей края — Владимира Петровича Успенского, — чьи труды по истории Ржевского уезда, по истории города Осташкова и его окрестностей не утратили своего значения до сих пор. Священнический сан давал ему возможность свободного доступа к церковным и монастырским документам. Многие сведения, по-

черпнутые в этих архивах, дошли до нас лишь в его опубликованных трудах.

Само здание Преображенской церкви разобрали перед войной. Уцелела только колокольня, построенная почти на двадцать пять лет позже двумя ошашковскими каменщиками — Иваном и Петром Парфеновыми-Фомкиными (по другим сведениям, Парфеновыми-Дешкиными). Ее не так давно реставрировали, установили на ней часы, и она стала своеобразным маяком для приплывающих в Ошашков со стороны Селигера. Издалека очертания колокольни просты и строги. Ничто не нарушает спокойного стремления форм вверх. Контуры силуэта плавные. Уменьшение ярусов кверху скрадывается тем, что нижние — почти одинаковые по ширине, а переход к маленькому ажурному верхнему ярусу очерчен скругленной кровлей. Совсем иначе постройка воспринимается вблизи. Хорошо найденные пропорции деталей насыщают поверхность стен богатой игрой светотени. Деталей так много, что они вызывают удивление фантазией их творцов. Рядом с жилыми домами колокольня смотрится столичной постройкой. Однако со столицей это строение роднит только желание мастеров работать в традициях барочной архитектуры, причем интерпретация ее на местной почве настолько смелая, что «безграмотные» с точки зрения классического барокко вариации форм воспринимаются проявлением индивидуальной фантазии зодчих. Строгий классический ордер в их руках превратился в свободно сплетенные узоры, которые похожи скорее на лепные или вырезанные, но не сложенные из кирпича. Базы пилястр составлены из причудливых кронштейнов и вазонов. Волути капителей разрослись в стилизованные цветочные завитушки и лишь отдаленно напоминают ионические. Мощный вынос дробно раскрепованного карниза утратил свою массивность. Плоскость стены скрыта узором, в понимании которого еще очень много от традиций XVII столетия, и только его исполнение выдержано в иных формах.

Теперь, если сравнить декоративные формы этой колокольни, ее высотную композицию и не сохранившуюся, но хорошо известную по фотографиям Преображенскую церковь с другими памятниками того же времени, то легко будет найти и прямые аналогии для этой постройки. Основной объем церкви, состоявший из двух световых восьмериков на четверике, увенчанный традиционным пятиглавием, повторял композицию храма в селе Рогожа, находящегося недалеко от города. Похожая колокольня была возведена в Торопце, где она стояла отдельно при главном городском Корсунском соборе. Столь близкое сходство построек говорит о том, что

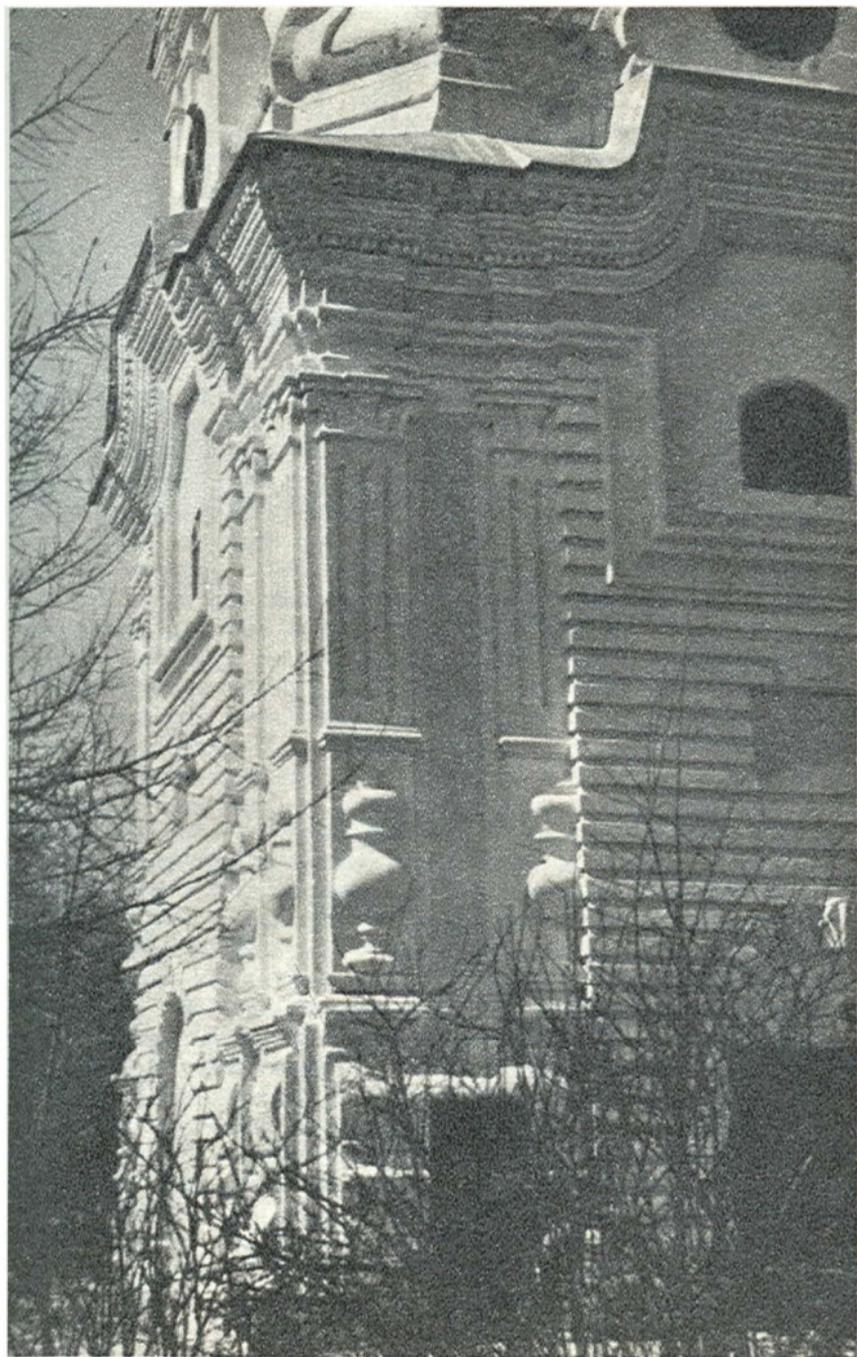

*Осташков.
Колокольня
Преображенской церкви.
1787—1789.
Осташковские мастера Иван
и Петр Парфеновы-Фомкины
(Парфеновы-Дешкины?)*

*Осташков.
Колокольня
Преображенской церкви.
1787—1789.
Фрагмент
→*

над созданием храмов в селе Рогожа и в Осташкове могла трудиться одна артель, тогда как колокольни в том же Осташкове и Торопце строила другая. Забегая вперед, можно сказать, что местное архитектурное творчество больше тяготело к наследию конца XVII столетия, оно его продолжало, но не чуждалось и нового, а, наоборот, с удовольствием к нему обращалось, перерабатывая по-своему.

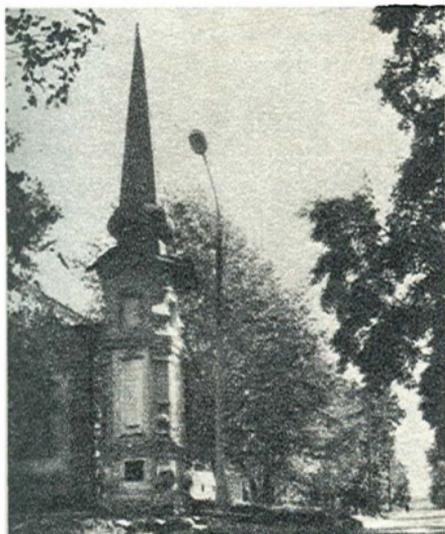
70-е годы XVIII века для Осташкова примечательны многими событиями. Граф Яков Ефимович Сиверс, о котором уже упоминалось, деятельный и энергичный человек своего времени, чьи многие проекты управления губерниями вошли в «Полное собрание законов Российской империи», будучи новгородским генерал-губернатором, предпринял в 1767 году инспекционную поездку по подведомственным ему землям. Богатство и красота Селигера, процветающий Осташков, торгующий со всей Россией, произвели на графа большое впечатление. После этой поездки он направил письмо к Екатерине II, где относительно Осташкова было

сказано: «...один почерк Вашего пера сделает из него вскоре значительный город»⁸. Тщеславная императрица не замедлила воспользоваться советом Сиверса и в 1770 году на составленном выдающимся русским архитектором Иваном Егоровичем Старовым генеральном плане города Осташкова начертала традиционное монаршее: «Быть по сему». Вскоре Осташков получил статус города и был утвержден его герб: «Щит, разрезанный надвое горизонтальной чертой, золото с голубым; в золотом поле виден рождающийся до половины Императорский двухглавый орел с червлеными языками... означающий милость и покровительство Ея Величества; в голубом поле... три рыбы серебряные... изъясняющие промысел — обилие рыбы»⁹. Эти рыбы на гербе, напоминающие ершей, стали символом города, и по ним жители Осташкова получили прозвище ершеедов.

Генеральный план, разработанный И. Е. Старовым для нового города, — один из первых крупных градостроительных проектов зодчего. На первый взгляд его можно принять за механически наложенную на старую стихийную застройку Осташкова классическую сетку прямых улиц с обширными площадями. Но это совсем не так. То, как И. Е. Старов включил в состав новой планировки существующие каменные постройки, позволяет думать о внимательном знакомстве архитектора с Осташковым. Идеи выдающегося итальянского зодчего Андреа Палладио о том, что «при распределении улиц» внутри города следует принимать во внимание климат и ту часть света, где расположен город, и в городах, где климат холодный и умеренный, нужно делать улицы просторными и широкими, потому что от этого зависит здоровье, удобство и красота города, нашли в этом проекте, пожалуй, свое последовательное воплощение.

Административным центром Осташкова стала площадь с торговыми рядами вокруг Преображенской церкви. Все прямые проспекты, пересекающие город вдоль полуострова, считались улицами, а поперек — переулками. Человек, впервые попавший в город, очень быстро начинает в нем ориентироваться. Помимо центральной площади предусматривалось создание еще двух, меньших размеров. Со стороны озера, там, где находится пристань, прямо от воды в город вели широкие въезды, которые были выделены домами со скругленными углами. Деревянные дома, выходящие за красную линию застройки улиц, сносились, каменные же строения сохранились, и трассировка улиц делалась с их учетом. Поэтому некоторые улицы и переулки вокруг соборного комплекса, старого центра города, получили открытую перспективу только в одну сторону, с другой —

*Осташков.
Вальский столп. 1785.
Осташковские мастера Иван
и Петр Парфеновы-Фомкины
(Парфеновы-Дешкины?)*

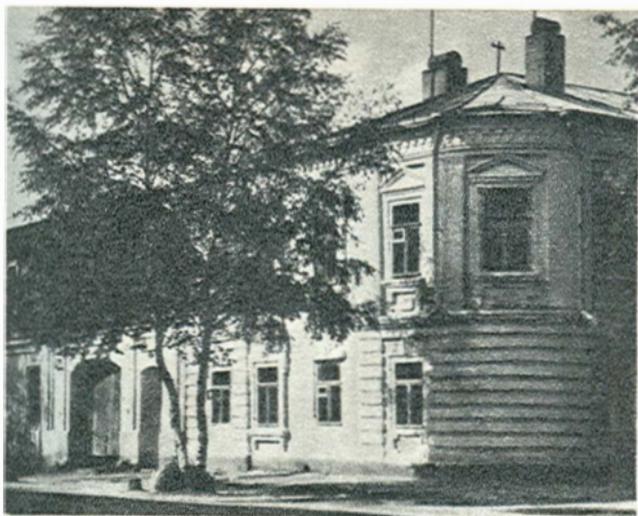
оказались замкнутыми высокими вертикалями церквей. Благодаря им в городе нет монотонного однообразия бесконечных прямых. Позже первоначальный проект был несколько изменен, но, несмотря на это, не перестаешь удивляться той последовательности и упорству, с какими осуществлялся замысел зодчего. Планировка города — один из редких сохранившихся памятников градостроительного искусства XVIII века. Улицы Осташкова до сих пор остаются просторными, их ширина соответствует современному развитию транспорта. Удачная планировка города отмечалась даже в сухих протоколах инспекционных проверок: «...город расположен весьма правильно; только в кварталах... линии домов идут не правильно и не прямо, и эти отступления, как можно судить по наружному состоянию домов, допущены в давнее время и очень мало заметны»¹⁰.

Благоустройство Осташкова по новому генплану началось, видимо, с уничтожения ставших ненужными городских валов. Но осташи и тут остались верны себе. Они не

захотели, чтобы память о валах, долгое время защищавших город, пропала вместе с их исчезновением, и на собранные средства с разрешения тверского архиепископа Иосифа в память о своей крепости в 1785 году поставили часовню-obelisk, получившую название Вальский столп, вблизи того места, где стояли городские ворота и где от валов оставалась небольшая возвышенность. Замысел со строительством поклонных часовен в виде обелисков, вероятно, пришелся по душе жителям города, и вскоре в разных его концах, на месте бывших валов, появилось еще несколько часовен.

Известно, что в городе было по крайней мере еще два поклонных столпа. Само по себе это явление по тем временам необычное. Ведь обелиски устанавливались в городах или в усадьбах высокопоставленных вельмож, чаще всего в память посещения их коронованными особами. В Осташкове же столп поставлен в память о городской крепости и героизме горожан. Однако Вальский столп интересен не только этим. Детали его декоративного убранства напоминают в миниатюре формы Преображенской колокольни. Возможно, что и строили его те же самые осташковские мастера Иван и Петр Парфеновы-Фомкины. Столп завершен высоким барочным шпилем и некогда был украшен вставными иконами, среди которых особенно почиталась икона Богородицы Одигитрии — защитницы города. Некогда такая же икона находилась над главными крепостными проездными воротами.

После утверждения генплана Осташков, как и другие города России, стал застраиваться по «образцовым проектам». Впоследствии эти проекты не раз менялись. Строители нередко отступали от них, сообразно своему вкусу и средствам заказчиков, придерживаясь лишь требованиям «регулярности фасады» и размещения домов вдоль красной линии улицы. Дома неоднократно перестраивались. О первоначальном облике некоторых из них сейчас можно догадаться только по небольшим фрагментам, случайно уцелевшим под штукатуркой или на дворовых фасадах. По образцовым проектам в городе были построены сотни каменных и деревянных домов. Не все они дожили до наших дней, но те, которые сохранились, составляют неповторимое лицо города. Поэтому Осташков не только памятник градостроительного искусства. Это настоящий заповедник, источник для исследователей и всех тех, кто интересуется жилой архитектурой и бытом городов XVIII—XIX столетий. Сохранить это наследие — одна из благородных задач наших современников.

*Осташков.
Жилой дом
второй половины XVIII в.
Ул. Володарского, 46*

Для описания жилых домов Осташкова потребуется большая работа, и нам придется здесь лишь ограничиться самой общей их характеристикой. Распространенный вариант жилых зданий в городе — это дома второй половины XVIII века со скругленными углами в один и два этажа. Они, как правило, занимают самое выгодное местоположение на перекрестках улиц. По чьим проектам их выстроили — сказать трудно, но, очевидно, прототипом для них послужили проекты П. Никитина и М. Казакова для Твери. Такие детали декорации фасадов, как гирлянды в филенках (дом № 46 на улице Володарского), обработка рустом ризалитов, встречаются именно там. Наряду с этим наличники окон значительно разнообразнее, нежели тверские, в них вкраплены знакомые мотивы торопецкой декорации. Для мастеров, строивших такой дом, торопецкие мотивы были более знакомы, и они свободно сочетали их с тверским вариантом «образцового фасада», наделяя большей скульптурностью и объемом.

*Осташков.
Бывш. Духовное училище.
Начало XIX в.
Ул. Евстафьевская, 38*

От этих домов отличаются здания с прямоугольной планировкой и с рамочными наличниками окон. Их ставили вдоль красной линии, реже — на перекрестке двух улиц, но в этом случае угол чуть-чуть скругляли. Декоративное убранство фасадов у них много проще, почти не требующее фигурного кирпича, что несколько удешевляло строительство и было рассчитано на исполнение менее опытными мастерами-каменщиками.

Похожи на предыдущие дома в один этаж, поставленные также вдоль красной линии протяженными фасадами. Их можно увидеть на перекрестках окраинных улиц, но чтобы выделить такой дом среди хозяйственных строений, его делали с высокой, крутой двускатной крышей, а фасады пышно украшали, хотя сам декор оставался и тут простым по исполнению. Деление осташковских домов на три типа условно, точно датировать время построения зданий бывает крайне трудно из-за того, что многие строились довольно продолжительное время и позже неоднократно перестраивались.

Осташков. Ул. Рабочая

лись. Небольшое количество одинаковых «образцовых проектов» стало в руках местных каменщиков разнообразным. Поэтому бродить по осташковским улицам никогда не надоедает. Постоянно открываешь для себя что-нибудь новое. Фантазия мастеров была поистине неистощимой, что бы они ни делали — будь то величавый городской собор или простые ворота с калиткой, назначение которых сводилось к тому, чтобы крепко запереть двор. Кстати, кирпичные ворота с калитками — архитектура малых форм, пользуясь современным определением, — еще одна достопримечательность города. Когда-то они были обязательной принадлежностью каждого дома. Теперь их осталось не так много, но все они сделаны с большим мастерством и выглядят своеобразными триумфальными арками, через которые проходили в дом хозяева и гости. На некоторых из них можно заметить весьма любопытные «металлические приборы»: щеколды, кольца, скобы, ручки, петли и т. д. — работа знаменитых осташковских кузнецов.

Каменное строительство в городе велось интенсивно. Уже в 1814 году побывавший в Осташкове и оставивший его описание академик Николай Яковлевич Озерецковский нашел там «судебных мест 4 каменных, партикулярных домов каменных старых 9... каменных выстроенных по плану 157...»¹¹. Если к этому прибавить каменные магазины, лавки, кузницы и заводы, то получится внушительная картина застройки города.

Примерно с 20-х годов XIX столетия внешний вид этих зданий сильно изменился. В городе начали появляться классицистические постройки — одно- и двухэтажные особняки с мезонинами. Некоторые дома переделывались согласно новым вкусам. Уже с 40-х годов прошлого века самобытный облик осташковских построек начал постепенно исчезать. Здания строились более ординарные, в них все меньше чувствовалось народной фантазии. Былой блеск Осташкова постепенно тускнел, город замирал в своем развитии. Купечество — основа городского благосостояния — постепенно мельчало, разорялось и деградировало. Из его среды сумели выделиться лишь Савины, но эти купцы были совершенно иного склада, иной хватки. Они не ограничивались только торговлей, а владели кожевенными и мануфактурными заводами, кузницами, банком. Большая часть города и ближайших окрестностей попала в экономическую зависимость от Савиных.

Единственное событие, ненадолго занявшее умы горожан, — посещение Осташкова в 1820 году «правившим Россией из кареты» императором Александром I. Городские власти устроили царю пышную встречу, снарядили барки, доставили его на поклон к святым мощам в ближайшие монастыри, на всем пути стояли толпы народа, в церквях служили молебны. Император принял хлеб-соль, вышел на балкон дома Кондратия Савина к горожанам, раздал памятные подарки. Совершив все, что в подобных случаях требовалось от императора, он укатил дальше, в следующий город, где повторилось то же самое. А в Осташкове отзвучали всеподданнейшие речи, отзвонили зычные сборные колокола, событие это было обсуждено со всех сторон и... все пошло по-прежнему. Для Савиных, обласканных Александром I, этот случай надолго стал семейной гордостью, у немногих оставшей сохранились приятные воспоминания о щедрых монарших милостях за приятную прогулку по озеру, а для большинства же остались лишь рассказы о том, как они бежали за царской каретой и кричали «ура!».

Однако не это событие приводило в восторг всех, кто писал об Осташкове в прошлом веке, и не этим город при-

*Осташков. Пожарная вышка.
60-е гг. XIX в.*

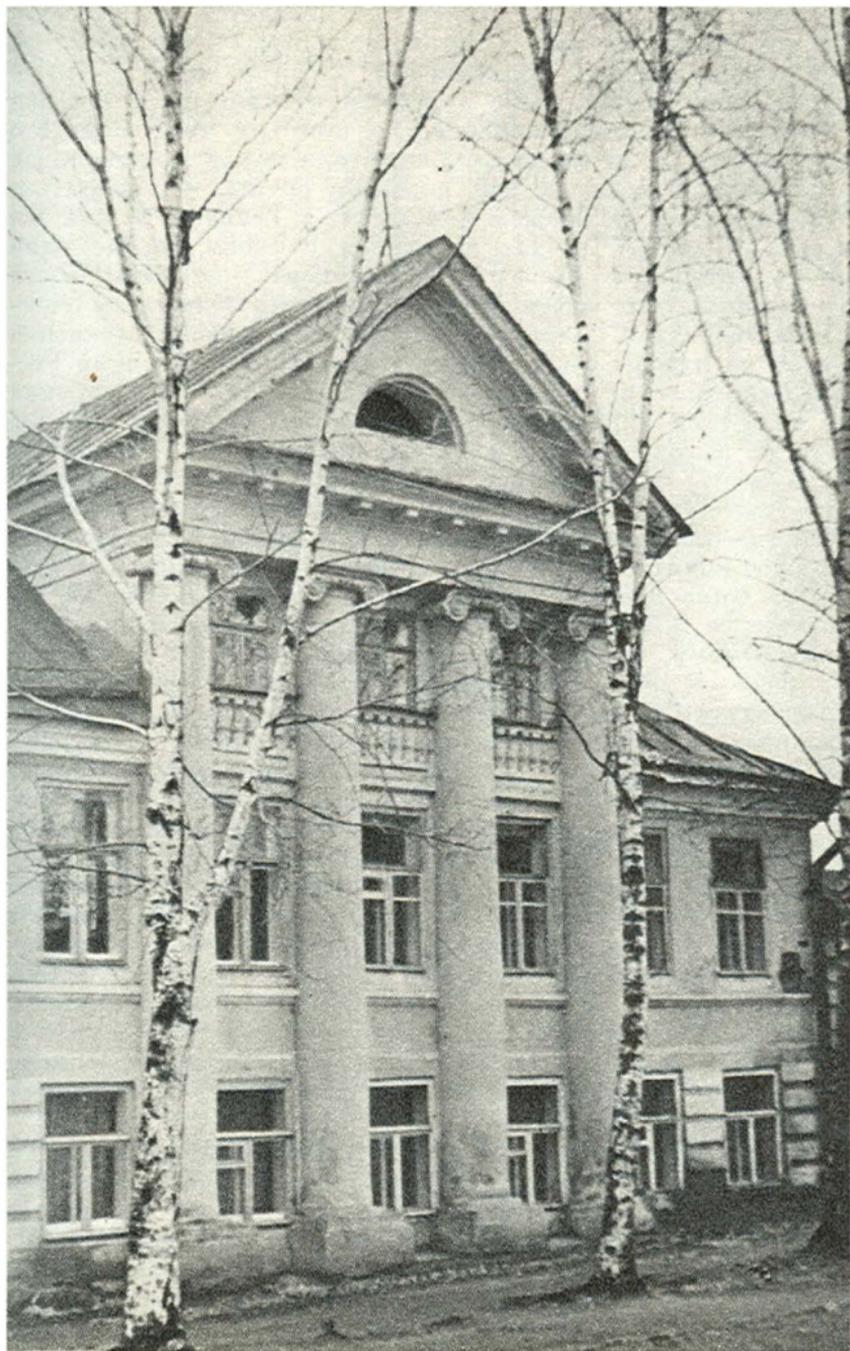
влекал к себе внимание приезжих. Здесь в конце XVIII—начале XIX столетия появилось такое, о чем другие богом забытые уездные города России и не слышали,— больница, народные и духовные училища, библиотека, театр, бульвары, воспитательный дом, училище для девиц, городской сад и духовой оркестр, мощенные булыжником улицы, первая в России добровольная общественная пожарная команда. В городе почти все были грамотные. Осташи брили бороды и называли себя гражданами. Власти ставили Осташков в пример другим уездным городам. Об Осташкове писали столичные газеты и журналы, ему посвящали книги и даже в городском гимне (а осташи имели и его!) есть такие наивные слова:

«От конца в конец России
Ты отмечен уж молвой:
Из уездных городов России
Ты слывешь передовой»¹².

Передовой город! Читая описания Осташкова, можно подумать, что мечты утопистов осуществились на одном из полуостровов Селигера, где «цветущее состояние Архитектуры и Зодчества служило всегда ясным доказательством гражданского благоустройства и очищенного вкуса»¹³. Женщины там «носят кокошники с высокими очельями, унизанными жемчугом по парче или другой дорогой ткани, так что один кокошник бывает в 4000 рублей, да и посредственный стоит не менее тысячи рублей. У девиц на головах широкие платы или веңцы такой же цены: сверх сих уборов покрываются длинными фатами, по большей части белыми... по воскресным дням... до ночи прохаживаются, поют песенки и, как станет темнеть, расходятся по домам своим»¹⁴. И только писатель В. А. Слепцов увидел там иное: «Благосостояние Осташкова представляет чрезвычайно любопытное и поучительное явление в русской городской жизни. Осташков, с его загородными гуляниями, танцами и беседками, можно рассматривать, как одну из тех

*Осташков.
Жилой дом
первой четверти XIX в.
(Дом художников Митиных?)
Ул. Володарского, 32
→*

драгоценных картинок-игрушек, на которую потрачено много труда и денег... — И продолжает дальше: — ...А знаете, что меня больше всего поразило в наружности города? Как вы думаете? — Бедность... Но вы знаете, какая это бедность. Это вовсе не та грязная, нищенская, свинская бедность, которой большею частью отличаются наши уездные города... Это бедность какая-то особенная, подрумяненная бедность, похожая на нищего в новом жилете и напоминающая вам отлично вычищенный сапог с дырой»¹⁵. Посмотрим, что говорят документы, которые трудно заподозрить в тенденциозности. Вот, например, в городе, где носят кокошники «ценою в 4000 рублей», долго тянулось, да так и не получило окончательного решения «Дело о подкидывании незаконнорожденных детей при церквях»¹⁶, датированное 1772 годом (время расцвета Осташкова). Или другой пример: «Из уездов Тверской губернии наибольшей смертностью отличались (середина XIX века. — А. Г.): Осташковский, Корчевской, Бежецкий, Тверской»¹⁷. Благо-

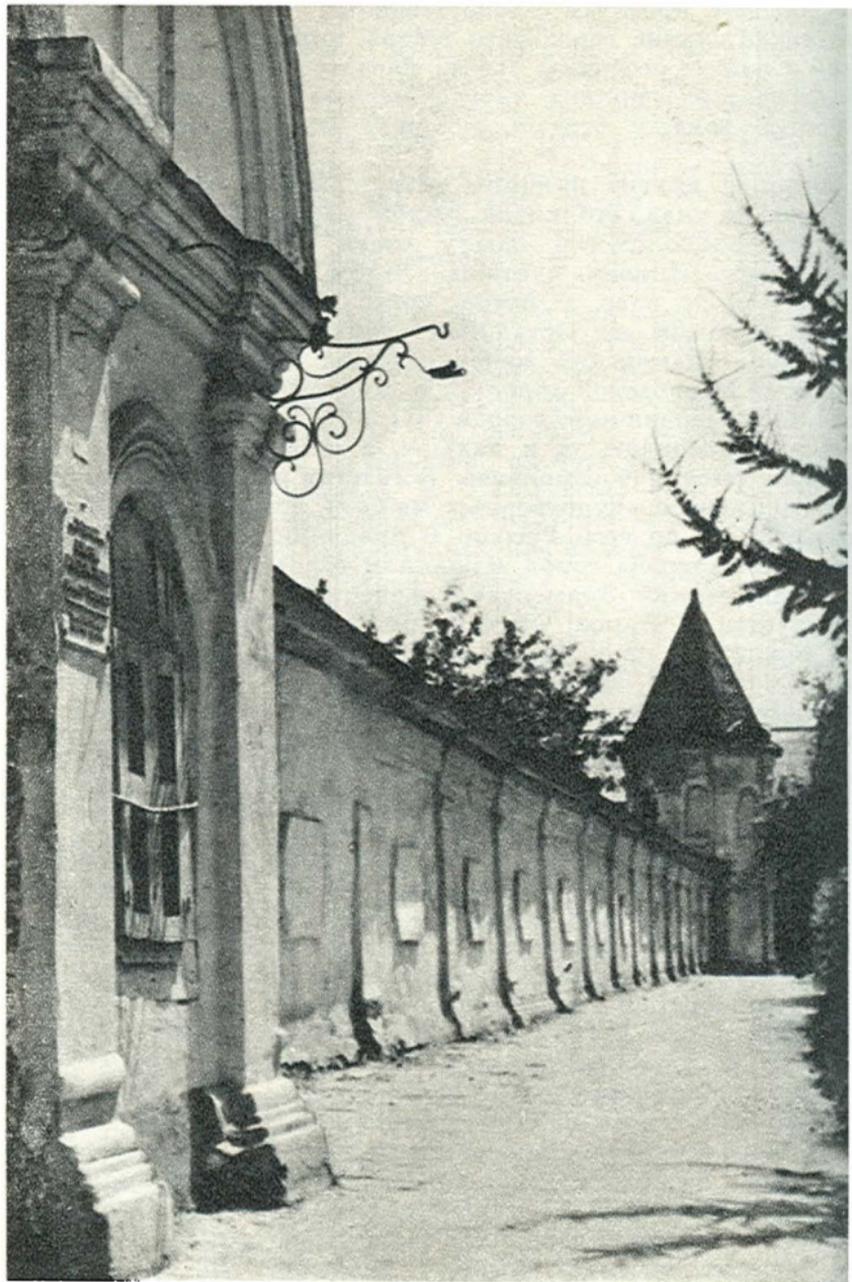
получие Осташкова на поверку оказывается видимостью, все его благосостояние — только вывеска: «Помилюйте, что тут может сделать грамотность, когда у меня в брюхе пусто, дети кричат, жена в чахотке от климата и точания голенищ? Бедность одолела, до книг ли тут? Ведь это Ливерпуль! Та же монополия капитала, такой же денежный деспотизм: только мы еще вдобавок глупы, — сговориться против хозяев не можем — боимся, а главное, у них же всегда в долгу»¹⁸ — так отозвался о своем городе один из его жителей, по словам В. А. Слепцова. В справедливости этого вопиющего голоса среди славословия Осташкову очень легко убедиться. Парадность, блестящий фасад, показная культура нужны были городу точно так же, как всей России николаевской поры требовался «фасадический портик» из известной карикатуры того времени художника Г. Гагарина, закрывший бы избяную, нищую Русь. То, как эта парадность насаждалась в Осташкове, как пытались «по-столичному» выглядеть осташковские «граждане», начинаешь тем живее представлять, чем больше вглядываешься в его архитектуру второй четверти — середины XIX столетия. Одно лишь строение на улице Володарского № 32, возникшее в начале прошлого столетия, принадлежавшее, по-видимому, художникам Митиным, выгодно отличается от массовой застройки улиц. В Осташкове на тот или иной архитектурный стиль наслаивались местные мнения, вкусы, сдобренные косными купеческими традициями, стремлением ни в коем случае не отстать от соседа, подкрепленные примером самого Федора Кондратьевича Савина. На всем этом и выросла местная культура середины прошлого века. XVIII век для осташей еще во многом питался традициями, способными породить такие памятники, как колокольня Преображенской церкви, Вальский столп; первая четверть XIX века еще дала прекрасные образцы местного творчества, в николаевское же время Осташков предстал в лице купцов первой гильдии Савина и К°. Они поднялись, заполнили собой весь город, навязали ему свои мысли и привычки, задушили его, а чтобы не слишком была видна его агония, заставили оркестр играть гимн «гражданам» Осташкова.

Осташков во второй половине XIX века постепенно нищал, превращался в серенький уездный городишко, кичащийся больше своим прошлым, нежели настоящим. Мастерство местных строителей угасало, на смену им приходил профессионал-ремесленник. Общественные здания в городе строились на пожертвования местных богатеев и на средства, собранные по подписке среди населения. Возводились они

подчас по проектам второстепенных архитекторов. Так возникло здание городского театра, дом земских учреждений и жилые особняки, где на фасады вместо благородных классических гирлянд иногда вылезали примитивные аллегории водных стихий, похожие на бородатых мужиков.

Были и другие причины, влиявшие на мировоззрение Остаха, на уклад его жизни. Километрах в восьми от города, на противоположном берегу озера Селигер, находится монастырь Нилова пустынь. Летом туда можно легко добраться по воде, а зимой, когда озеро замерзнет, — по льду. В самом же Осташкове существовало еще два монастыря: Знаменский женский, перед въездом в город на большой Московской дороге, и мужской на Житном острове, некогда отделенном от города узким проливом. Через Осташков в эти монастыри и дальше, в Нилову пустынь, проходили тысячи богомольцев. Богатства монастыря быстро росли. Слава о «чудотворных мощах» Нила Столобенского разносилась по всей России. В праздник «чудесного обретения его мощей» город заполняли толпы паломников.

Осташковский Знаменский женский монастырь возник на пустыре Старое Струговище, или Убогое, к северу от городских стен. Место это почиталось священным — здесь хоронили странников и юродивых. Тут же селились монашки. В описании Знаменского монастыря сказано: «...в 1655 году было их 23 инокини и главными между ними были Параскева и Голендуха. Патриарх Никон, бывши в этом году проездом через Осташков, пожаловал им милостыни каждой старице по гривне...»¹⁹. Разрешение на основание монастыря было дано царем Алексеем Михайловичем в 1673 году по просьбе осташковских стариц, живших в городе при церквях. Дальнейшая история Знаменского монастыря мало отличается от судьбы ему подобных. Обитель стариц начала очень скоро приобретать земли, покосы, получать вклады, пожертвования, и уже в 1692 году был заложен новый деревянный храм, а спустя пятьдесят лет состоялось торжественное освящение каменного. К сожалению, этот храм, построенный в период начавшегося по всей России оживления каменного строительства, дошел до нас с большими утратами. Его несколько раз перестраивали, расширяли в XVIII—XIX веках, а после большого городского пожара 1868 года, когда выгорел весь монастырь, собор переделали по проекту местного техника Демидова. Но и то, что замыслил Демидов, до конца не осуществили. После его смерти прибывший из Твери архитектор побоялся про-

должать строительство и распорядился приступить к отделке интерьеров, приказав немедленно прекратить эти работы, если в кладке стен и сводов будут замечены какие-либо трещины. Обилие всяких «рюшечек», ширинок, кокошников, крестиков в декоре собора, которых Демидов не пожалел для его отделки, превратили здание в лубочно украшенный терем. Только со стороны апсиды можно увидеть небольшие остатки древнего здания, представить по которым его первоначальный облик трудно. Лишь по описаниям в монастырских документах можно попытаться реконструировать эту церковь. Она была «об одной главе. И церковь и приделы крыты тесом... Колоколья с шатровым верхом... Около церкви и приделов были устроены в четырех местах паперти, или крыльца... на столбах. При приделах — ризничная и казенная палатки, хлебная и келарская»²⁰. Традиционное пятиглавие появилось у монастырского храма во время его ремонта в 1780 году, для чего потребовалось устройство четырех полукруглых фронтонов. Помимо этого

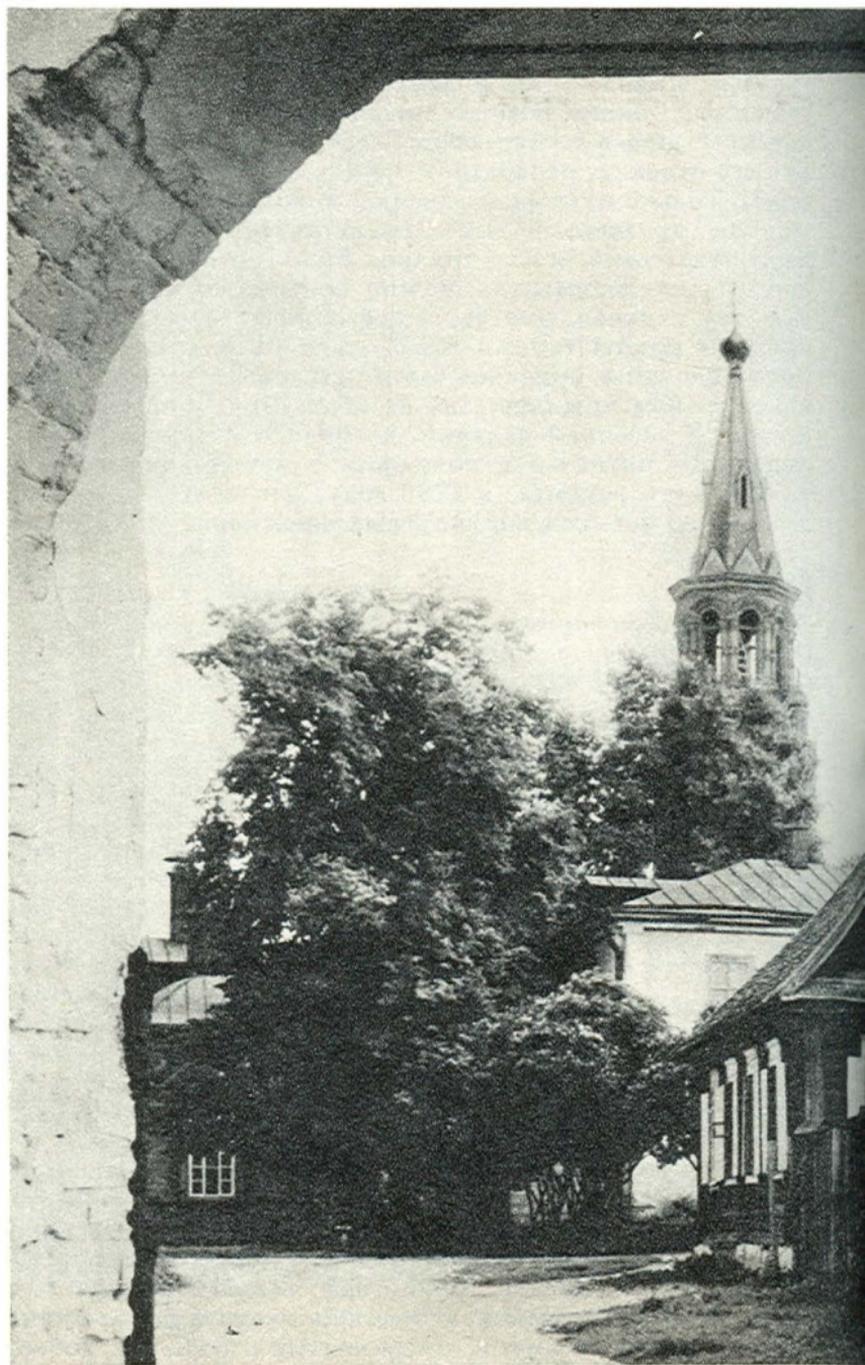
*Осташков.
Знаменский монастырь.
Стены и башни.
Середина XVIII в.*

←

*Осташков.
Знаменский монастырь.
Застройка
монастырского двора
конца XIX — начала XX в.*

→

собора в монастыре была еще одна, ныне не сохранившаяся Тихвинская церковь, стоявшая над восточными воротами. Ограда вокруг монастыря возведена в 1760 году на пожертвования купца Саввы Яковлевича Яковлева (Собакина), разбогатевшего на торговле в Санкт-Петербурге и получившего чин коллежского асессора. Со строительством ограды с четырьмя башнями в основном закончилось формирование монастырской территории. Одновременно ограда как бы оформила парадный въезд в город по главной улице. В ее архитектуре наряду с барочными элементами еще продолжали жить формы и декор допетровского зодчества. Стены разделены лопатками и украшены широкими барочными «накладными досками», со стороны двора оформлены аркадой. Невысоким башням с металлическим шатровым покрытием (вначале стены и башни были крыты тесом) придан внушительный вид. В 1864 году северо-западная часть стены была перестроена, монастырь несколько расширили, сделали пятую башню и новые святые ворота. На добавоч-

ной территории разместились монастырские кельи. Часть из них, выстроенная вскоре после городского пожара, сохранилась по сей день. Невысокие деревянные домишки, крытые щепой, проросшей мховой прозеленью, обступив собор, образуют в монастыре небольшие улочки и, несмотря на свое позднее происхождение, дают наглядное представление о деревянной застройке окраин старого Осташкова.

Другой монастырь — Житенный — моложе Знаменского, но его памятники много интереснее. Расположен он на одном из островов вблизи Осташкова. В 1853 году на средства бывшего в то время городского головы купца Федора Савина и на деньги, собранные среди горожан, построили широкую дамбу, соединив остров с материком. Дамбу обсадили по сторонам в четыре ряда березами. По сей день сохранилось несколько старых деревьев. По мостикам тропинка шла дальше на Кличен, где по праздникам водили хороводы. До сих пор оба эти острова остаются излюбленным местом гуляний горожан.

Название Житного острова произошло якобы от житниц, устроенных здесь кличенскими поселенцами. Стояла в древности тут и какая-то деревянная церквушка. Причина же возникновения на острове монастыря не совсем ясна. По одной из версий, основанием монастыря послужило строительство в 1716 году деревянной церкви, куда перенесли икону Смоленской богородицы (Одигитрии), защитницы и покровительницы Осташкова, стоявшую до 1711 года на главных крепостных воротах города, а так как остров оставался изолированным от города, то возле церкви и поселились монахи, ищущие уединения. Церковные власти дважды пытались закрыть монастырь. Жители Осташкова и окрестные поселяне отважились воспротивиться провинциал-инквизитору. Челобитную подписали 115 человек, и монастырь чудом уцелел. В 1737 году был заложен, а спустя пять лет закончен каменный храм, посвященный также иконе Богородицы Одигитрии. Заказчиком строительства церкви был иеромонах Тарасий Валтухов. По композиции она, видимо, повторяла церковь Знаменского монастыря, такую же одноапсидную, типа «восьмерик на четверике», и увенчанную одной главой. Пятиглавой Смоленская церковь стала примерно тогда же, когда и церковь в женском монастыре. (К сожалению, венчающий храм восьмерик не сохранился, его разобрали до основания, и он известен только по фотографиям.) В декоре фасадов монастырской церкви еще много черт «дивного узорочья» XVII века, а основание венчающей главы даже было украшено кокошниками.

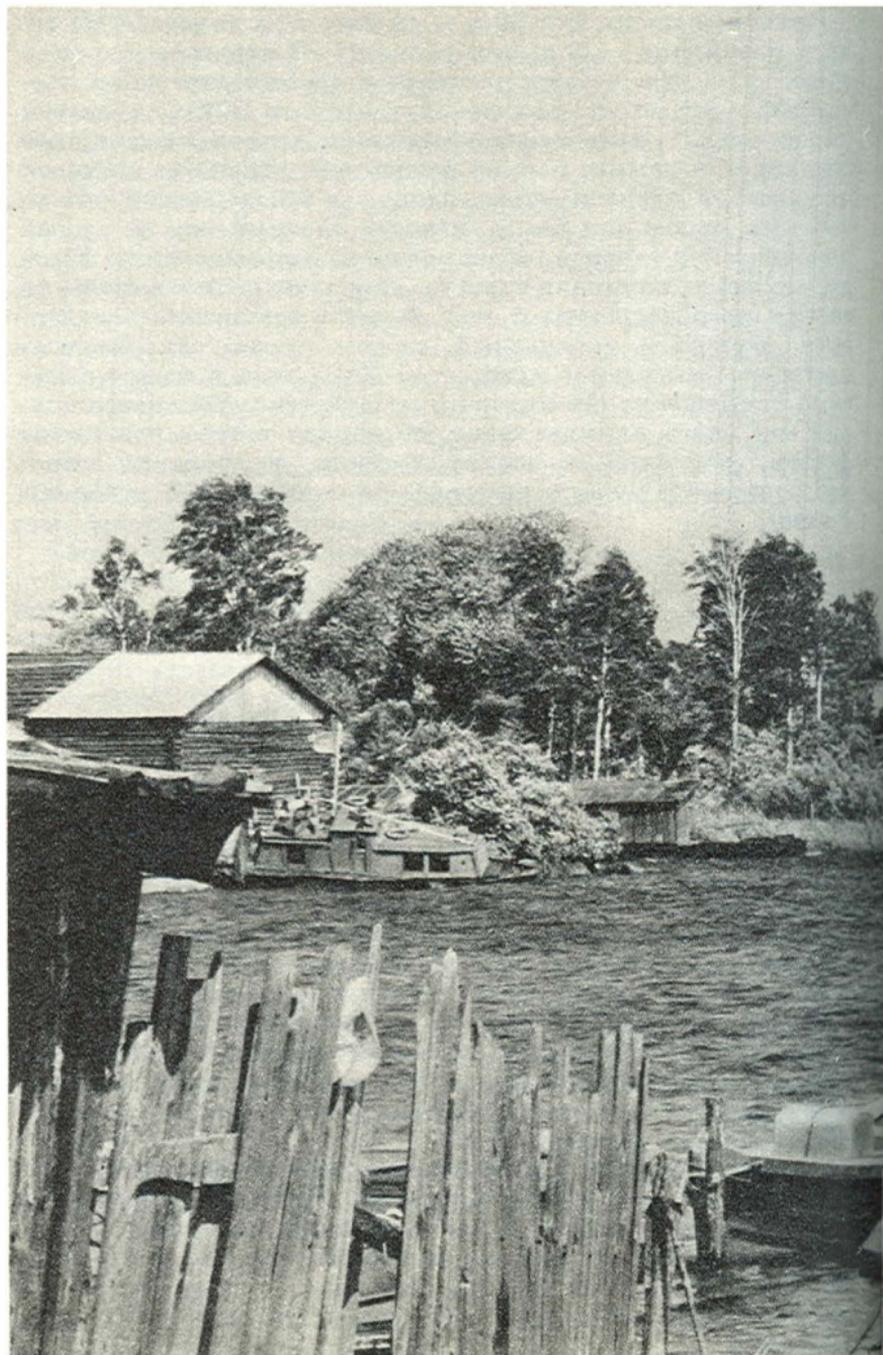
Каменные постройки 30-х — начала 40-х годов XVIII века в провинции — большая редкость. В эти годы строили очень мало, и в многочисленных храмах отчетливо выступают традиции архитектуры конца XVII столетия (чаще всего — московского барокко). Артели каменщиков сохраняли в памяти пышно расцветшее убранство построек прошлого и одевали новые здания в классический декор, заботясь, чтобы они были «красно» сделаны, но, не усвоив канонических законов ритма распределения декора по фасаду, его форм, изменяли строгую ордерную систему согласно своему представлению о ней. В этом отношении Смоленская церковь — прекрасный пример того, как барокко постепенно вытесняло «узорочье» XVII века и вместе с тем само испытывало его активное воздействие. Убранство здания еще очень аппликативно, но наряду с этим появились формы, свойственные новому времени, получившие широкое распространение в архитектуре центральных губерний России.

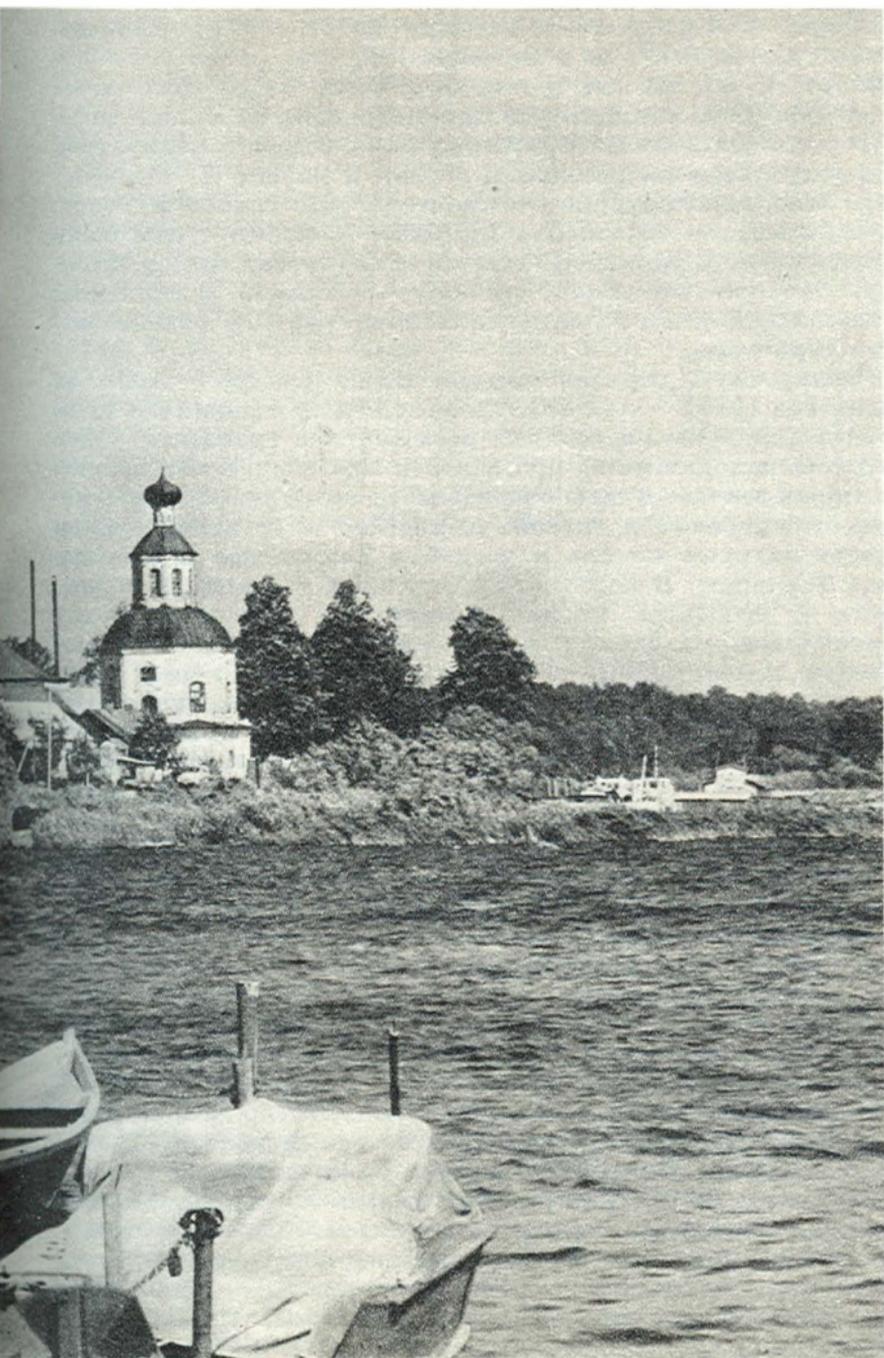
*Осташков.
Житный остров.
Общий вид
Житенного монастыря.
XVIII—XIX вв.*

→

Спустя почти десять лет к церкви была пристроена трехъярусная колокольня с мощным столпообразным восьмигранным ярусом звона на четверике, композиция которой повторяла некоторые известные торопецкие памятники (например, церковь Рождества Богородицы 1742—1762 гг.). Прихотливое сочетание декоративных мотивов на колокольне можно было бы принять за случайность, если бы в дальнейшем при обстройках храма, когда с севера к нему добавили в 1756 году монастырскую трапезную и кузню, а затем в 1762 году с юга придел, не повторилось то же самое.

Следующим этапом большого строительства в монастыре стали 60-е годы XVIII века. В это время на средства все того же купца Саввы Яковлева были возведены стены, а вслед за ними, по заказу настоятеля монастыря Алеврасия Потемкина, — надвратная церковь Иоанна Богослова и Андрея Первозванного с примыкающей к ней с севера трапезной.

Стены у Житенного монастыря по своему оформлению более интересны, чем у Знаменского. Они расчленены пилястрами, так же, как и там, со стороны двора оформлены аркадой. Если внимательно присмотреться, то можно заметить, что часть стены, примыкающая с севера к надвратной церкви, построена раньше, в первой половине XVIII века, вероятно, одновременно со строительством главного собора, а остальные — позже. Значит, какое-то время стены были деревянные. С западной стороны существовал выход к озеру. Башенки по углам, имевшие шатровые завершения, миниатюрнее, чем в Знаменском монастыре, но разнообразнее украшены.

Надвратную церковь возвели очень быстро — всего за один год (1767—1768). С севера к ней примыкали в нижнем этаже кельи, в верхнем размещалась трапезная. Сама церковь находится над проездными воротами, в восьмерике, который венчает в свою очередь массивный световой восьмерик с барабаном и главой. Аналогией надвратной церкви могут служить церкви в усадьбах Знаменское и Якшино под Торопцом. В композиции основных объемов, в убранстве, в отдельно взятых деталях, в том, как декор расположен на фасаде, и, наконец, в пропорциях сохраняется почерк одних и тех же мастеров. Скорее всего, пришедшая в Осташков артель была сопричастна строительству в Торопце и сравнительно легко приспособила хорошо знакомый ей вариант здания для надвратной церкви, сделав в основании четверика проездную арку ворот, а само помещение церкви разместив в восьмерике. Планировка тут продиктована чисто утилитарными соображениями, тогда как декор был одинаковый как для жилых, так и для культовых строений. Мастера, возводившие такие постройки, оставались в своем творчестве крайне рациональными. Они, не задумываясь, использовали одни и те же мотивы для самых различных сооружений, насыщая декором фасады церквей, сознательно упрощая его в жилых домах или почти полностью отказываясь от него в строениях хозяйственного назначения. Надвратную церковь Житенного монастыря можно с полным правом считать вершиной недолгого расцвета местного зодчества. Ее аппликативный барочный наряд, пришедший на смену «узорочью» XVII столетия, как нельзя лучше соответствовал народному представлению о красоте. Убранство главного фасада, по результатам последних исследований, принятых архитекторами В. Якубени и Т. Борисовой, дополнялось кованой барочной решеткой, ограждавшей балкон над проездными воротами.

Вскоре после окончания строительства надвратной церкви в одну линию с ней возводятся два одноэтажных корпуса братских келий, и на этом почти на сто лет всякая строительная деятельность в монастыре прекращается. В 1861—1863 годах в глубине двора возникает еще один корпус келий. В дальнейшем здания ремонтировали, перестраивали, поновляли живопись, но каких-либо существенных изменений уже не было. Монастырь, как и город, постепенно нищал. 60-е годы прошлого века для Осташкова, как и для всей России, стали временем катастрофического упадка некогда высокой художественной архитектурной культуры. Город окончательно надел на себя мундир. «...Почти все каменные здания Осташкова, по обычаю, кажется, заимствованному от Остзейцев, выкрашены белой краскою, что в сочетании с беспрестанно мелькающею в Ваших глазах водою производит весьма унылое впечатление»²¹, — отзывался о городе один из посетивших его в эти годы.

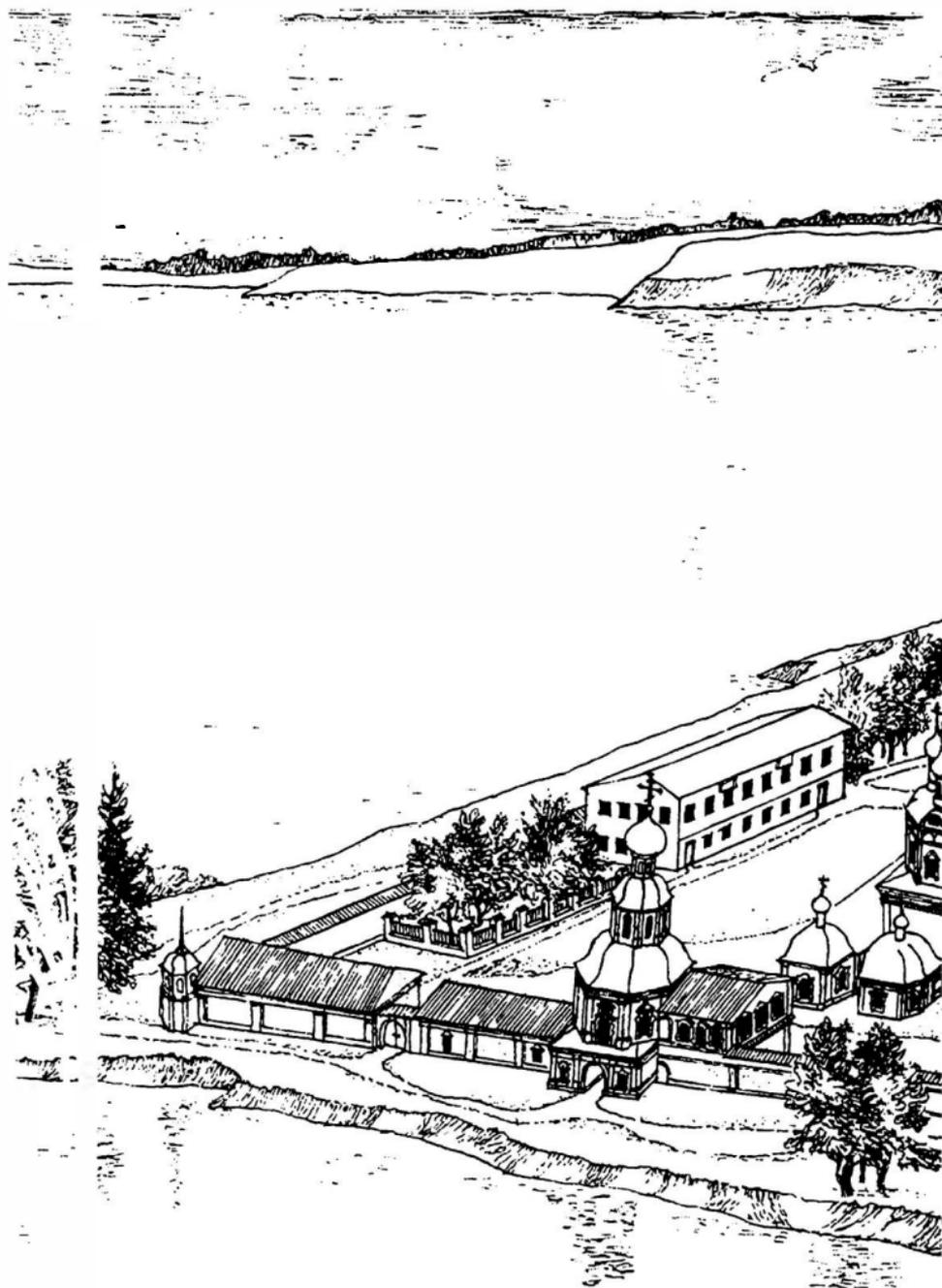
Но есть в городе памятники, которые особенно дороги на-

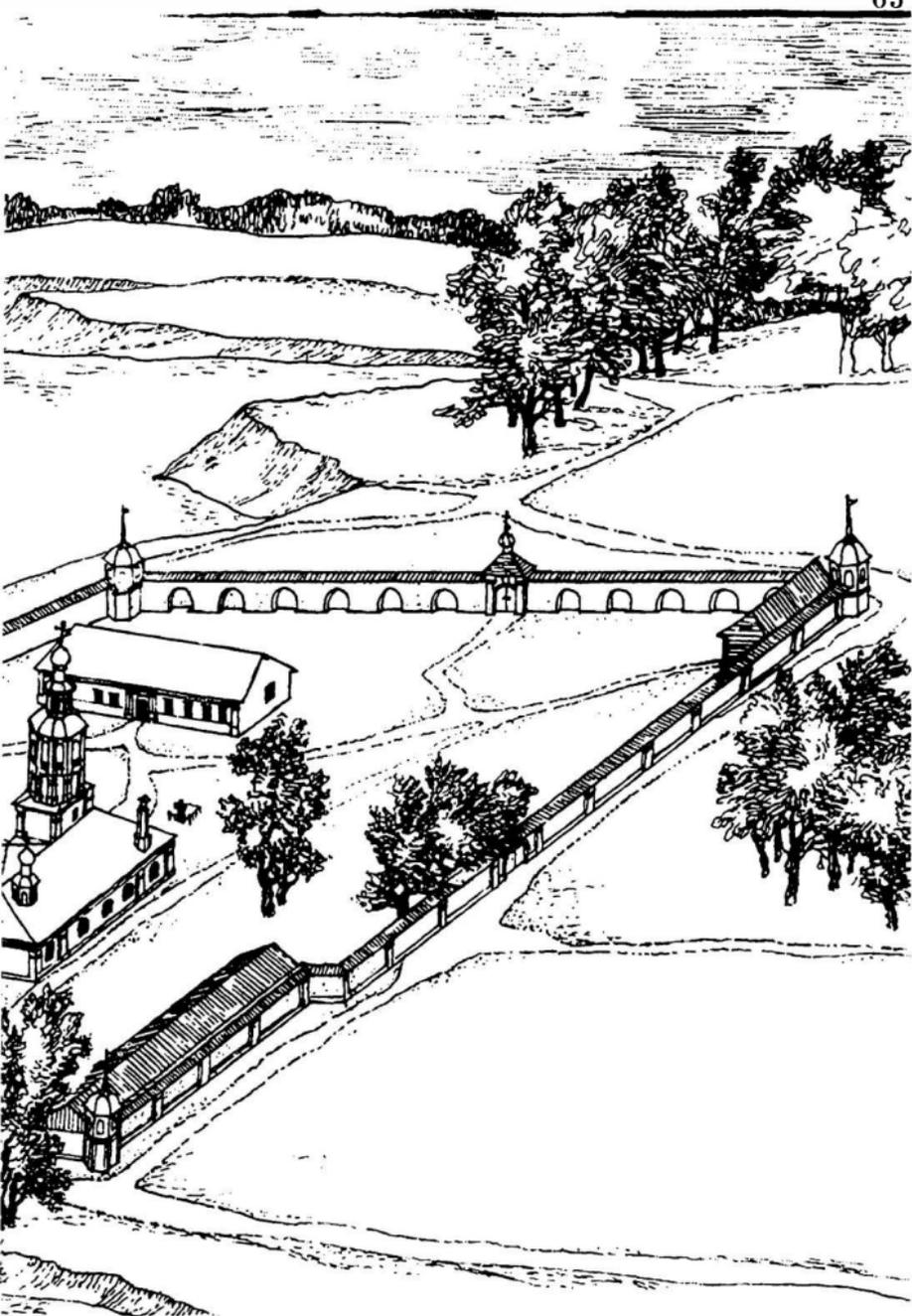
*Осташков.
Житенный монастырь
в конце XIX в.
Реконструкция
архитектора
Н. И. Караваевой*

→

шему народу. И пусть некоторые из них пока не отличаются своим художественным совершенством, пусть многие остаются еще чересчур скромными по сравнению с подвигом людей, отстоявших завоевания Октября, защитивших свою страну от фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне, само величие людей, свершивших этот подвиг, наделяет их всеобщей любовью и преклонением.

В годы Великой Отечественной войны город находился в прифронтовой полосе. Он не был захвачен фашистами. Здесь под руководством штаба Северо-Западного фронта формировались отряды и соединения народных мстителей, в городе размещались госпитали, отсюда в январе 1942 года началось наступление наших войск, закончившееся полным разгромом немцев и освобождением Селигерского края. В годы войны в окрестностях Осташкова в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками совершили свои бессмертные подвиги Лиза Чайкина, капитаны озерных судов Иван Маркович Марков и Алексей Сергеевич Хоробрых. Их

*Осташков.
Житенный монастырь.
Колокольня
Смоленского собора.
1737—1742*

*Осташков.
Житенный монастырь.
Надвратная церковь
Иоанна Богослова
и Андрея Первозванного.
1767—1768*

имена носят сейчас суда, плавающие на просторах Селигера. На подступах к городу партизаны держали оборону. Народные мстители совершали глубокие рейды по тылам врага. Вот почему в Осташкове на его главной площади как память об их подвигах установлен «Памятник партизанам Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». На гранитном постаменте, высоко над землей установлена скульптурная группа из трех фигур — мужчины, женщины и юноши с оружием в руках, — олицетворяющая героических народных мстителей — защитников озерного края.

В Осташкове родился Герой Советского Союза, легендарный разведчик-партизан Константин Сергеевич Заслонов, один из организаторов беспримерной в истории борьбы с захватчиками войны на рельсах. Дом Заслоновых стоял в начале главной улицы города, прямо у самой воды. Дом не сохранился, его место отмечено скупым памятным знаком.

За Житенным монастырем, на самом мысу Житного полуострова, там, где сейчас братская могила бойцов, пав-

ших за установление Советской власти в Осташковском районе и в городе Осташкове в 1918—1919 годах, предполагается создать мемориальный комплекс, посвященный памяти защитников города и его жителей, отдавших свою жизнь на фронтах в битве за Родину. Над проектом мемориала работает скульптор Г. И. Старостин. Им же выполнена для города бронзовая скульптура В. И. Ленина, установленная на центральной площади.

Давно закончилась война. С трудом можно теперь на Селигере найти солдатские окопы и партизанские лесные землянки. Местом туристического паломничества стал этот край. В Осташкове создан большой Историко-краеведческий музей, где собраны экспонаты, повествующие о далеком прошлом и о становлении Советской власти на Селигере, о его героической защите во время Великой Отечественной войны и о том, как изменился Селигерский край после Великой Октябрьской социалистической революции.

Особый интерес вызывают живописные работы местных художников XVIII—XIX веков, изображающие жителей Осташкова в характерных для них костюмах и головных уборах. Большая часть коллекции полотен осташковских художников, к сожалению, хранится в запасниках музея. Можно надеяться, что с получением дополнительных помещений эти полотна станут постоянной частью музейной экспозиции.

Основные залы музея размещаются в отреставрированном Троицком соборе, где находится и лекционно-концертный зал. Заканчивается реставрация Воскресенского собора и еще целого ряда памятников. По новому генеральному плану административный и жилой центр Осташкова будет в основном сосредоточен за пределами старого города, на участке между железнодорожным вокзалом и берегом озера. Здесь уже начато строительство многоэтажных жилых домов, построена новая гостиница, магазины, участок набережной, будут выстроены гостиницы для туристов, кемпинги, стадион, кинотеатр, клуб. Сюда же переселятся различные городские учреждения. Одновременно началась реконструкция старого города. Внешний вид городских улиц остается почти без изменения. Жилая застройка Осташкова XVIII—XIX века, составляющая его неповторимое своеобразие, будет постепенно приобретать свой первоначальный вид, освобождаясь от поздних наслоений и неинтересных, искажающих здания пристроек. Внутри эти здания получат все современные удобства. На месте ветхих домов, которые сохранить невозможно, поднимутся новые, но их этажность

*Осташков.
Памятник партизанам
Великой Отечественной
войны.
Скульптор А. И. Тенета*

*Осташков.
Набережная
с жилой застройкой
первой половины XIX в.
Ул. Орловского*

→

и внешний вид не должны менять исторически сложившуюся панораму улиц и самого города.

С каждым годом в Осташков станет приезжать все больше и больше людей, и не надо бояться того, что кому-то на Селигере не хватит места, кто-то не найдет тут для себя желанной тишины или укромного уголка, где можно поставить палатку, порыбачить или побродить по лесу. Но слишком нежен и чист Селигер, очень уж легко обидеть его, осквернить... Даже в старое время, век назад, осташи в городе на столбах делали такие надписи: «Кто нарушает правила, установленные для общего блага, тот есть общий враг всех»²². И что греха таить, такие люди есть и поныне. Необходимы самые действенные меры по охране природы озера. Таким мероприятием должна стать организация национального парка-заповедника на озере Селигер, разработка проекта перспективного развития селигерской зоны. Но какие бы законы ни издавались, какие бы проекты ни разрабатывались, они не способны в полной мере обес-

печить сохранность природного богатства без того, чтобы каждый житель, каждый приезжающий сюда помнил — богатство и красоту озера природа творила веками, а разрушить их можно в один миг. Пользуясь тем, что дает Селигер сегодня, надо постоянно помнить — после сюда придут твои дети, твои внуки, и они получат то, что ты сумел для них сохранить и уберечь. Ради этого стоит отказаться от минутной прихоти погубить дерево, нарвать охапку цветов, добыть как можно больше рыбы, удвигать как можно больше лесных даров. Живя на берегу, в лесу, на озерных протоках, помни — вслед за тобой сюда придут люди. И, конечно, самая большая ответственность за будущее озера ложится на тех, кому поручено проектировать и строить по его берегам. Свою творческую фантазию, свои порывы надо постоянно измерять с тем, что дала природа — самое прекрасное творение на нашей планете Земля.

Селигер — щедрый и гостеприимный хозяин. Осмотреть его владения не хватит никакого отпуска. Но, приезжая сюда, не торопитесь поскорее вырваться на просторы озера. Всегда бывает обидно за тех, кто прямо с вокзала спешит на пристань, спешит побыстрее уехать из города. В Осташкове надо пожить не день и не два, а хотя бы неделю. Ежедневно бывать на улицах, уходить на Житный остров и дальше на Кличен, вновь и вновь возвращаться в город на пристань, туда, где лежат перевернутые днищами вверх лодки. Их надо потрогать, чтобы почувствовать тепло крутых просмоленных бортов, непременно посидеть на береговых скамейках, послушать шум теплоходов, однообразную воркотню лодочных моторов, крики чаек и лопотание озерных волн. А еще лучше встать рано-рано, когда солнце только покажется над Селигером. В это время поезд, привозящий туристов, еще где-то далеко в пути, теплоходы спят, приткнувшись к пристани, и можно встретить только старого деда, по вековой привычке поднявшегося к утренней рыбалке. Шаги по асфальту в эти часы звучат особенно громко. На перекрестке надо непременно остановиться и посмотреть, как улицы разбежались на четыре стороны. Утром они покажутся особенно прямыми. Куда они уходят, где кончаются — не видно. Улицы тонут в туманной дымке, упираясь в озеро. Одна из них солнечной дорожкой продолжается дальше. Где-то протяжно загудит теплоход, пробуя с утра голос. С шумом прокатит пустой автобус. С озера набегит ветерок, и дорожки на воде не станет. Она рассыплется на прыгающие блики, и сделается немного грустно оттого, что она исчезла.

2. По речке Селижаровке

Недалеко от того места, где из озера Селигер вытекает речка Селижаровка, находится село Рогожа, или, как иногда его называют старые документы, — Рогоза. В селе на берегу Селижаровского плеса стоит Преображенская церковь. Добраться туда нетрудно. По шоссе Осташков — Торжок всего девять километров можно проехать автобусом или пройти пешком вдоль берега озера, которое постепенно будет сужаться. Берега, извиваясь, подойдут вплотную друг к другу, окрестности станут совсем непохожи на приволье Осташковского плеса, и сквозь негустой прибрежный лес будет казаться, что за следующим поворотом они сомкнутся.

Село Рогожа — одно из древнейших на Селигере — появилось у истока речки Селижаровки не случайно. Для одних тут заканчивался озерный участок нелегкого «серегерского пути». Для других Рогожа становилась преддверием желанной новгородчины. Тут же возник небольшой женский монастырь — Пелагеина пустынь, основание которого литературные источники прошлого столетия относят к концу XV века, то есть к тому времени, когда эти земли принадлежали волоцкому князю Борису Васильевичу. В смутные годы польско-литовского нашествия пустынь, видимо, была полностью разорена. До конца XVII века она оставалась очень бедной: «И по тем де Нашим грамотам воеводы Наши земли не отмежевали и Игуменья де Ираида голодною смертью умерла, а они де (монашен-

ки. — А. Г.) ныне скитаются меж дворов и помирают голодною смертию»²³, — записано в жалованной грамоте царя Михаила Федоровича Пелагеиной пустыни. Но и после этого положение монастыря не улучшилось. Опись второй половины XVII века вновь сообщает о его бедственном положении: «А в нем церковь Преображения Спасова деревян клетки. На монастыре три кельи, а в них живут старицы... питаются Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича и всея Руси жалованием, милостынными деньгами, а вотчины к тому монастырю нет»²⁴. Некоторое оживление наступило в 80-е годы XVII века, когда пустынь получила земли и монах Нилова монастыря старец Герман Лутохин, бывший до пострижения полковником и головою московских стрельцов Юрием Петровичем Лутохиным, на свои средства построил деревянную церковь. В 1694 году в Пелагеиной пустыни строится другая деревянная церковь, но вплоть до середины XVIII века никакого каменного строительства там не ведется. В 1756 году на месте второй деревянной церкви состоялась закладка каменной. Вначале была построена трапезная, освященная в 1758 году, а вслед за ней и сам храм. Но достраивали его после упразднения монастыря по указу Екатерины II в 1767 году. Живших в нем монахинь перевели в осташковский Знаменский монастырь, и церковь освящали в 1770 году уже как приходскую. Такое подробное знакомство со строительной историей рогожской церкви необходимо для того, чтобы можно было отчетливо представить, как развивались местные архитектурные традиции. Ведь закладка церкви состоялась примерно в одно время со строительством соборов в Житенном и Знаменском монастырях в Осташкове, а закончили ее тогда, когда была освящена городская Преображенская церковь и началось формирование нового центра Осташкова.

Храм в селе Рогожа, сохранивший свой облик в первоизданном виде, имеющий сходство с монастырскими соборами в городе и испытавший влияние более поздних архитектурных вкусов, является памятником переходного периода, где лучше всего можно проследить, как постепенно местное зодчество, тяготевшее к наследию конца XVII столетия, начинало впитывать новые веяния и осваивать новые формы.

Эта церковь, как и городские монастырские соборы, тоже типа «восьмерик на двусветном четверике» и увенчана пятиглавием. С запада — трапезная с приделом, с востока — граненая апсида. Но первое, на что сразу же обращаешь внимание при ближайшем рассмотрении здания, — не

*Село Рогожа.
Спасо-Преображенская
церковь.
1756—1770*

композиция его объемов, не их сочетание друг с другом, а то, как разнообразно украшены его фасады и как перемешались два различных стиля. Слияние их поистине редкое! Трапезная, придел, нижний ярус четверика храма и апсида оформлены наличниками из фигурного кирпича в формах декора XVII столетия. Колонки, обрамляющие окна, с перехватами и дыньками. Наличники завершены кокошниками, причем на трапезной и апсиде их рисунок почти одинаковый. Наиболее нарядно декоративное обрамление ложного окна в центре апсиды. Если к этому добавить крыльца на столбах с севера и юга и перспективные порталы из фигурного кирпича, то может статься, что речь идет о памятнике архитектуры XVII века или о каком-то запоздалом всплеске в провинции форм, давно ставших анахронизмом в столице. Но последнее определение, на наш взгляд, неприемлемо к постройкам такого рода. Декор фасадов выполнен с удивительным совершенством. Словно демонстрируя свое умение делать наряду с узорными наличниками барочное обрамление окон, второй ярус четверика

мастер оформляет плоскими «дощатыми» наличниками. На первый взгляд может даже показаться, что ярусы церкви строили разные мастера. Но, приглядевшись к рисунку венчающего карниза, базам и капителям, понимаешь, что это не так. Церковь от подошвы до глав построена одними и теми же мастерами. Кульминацией в композиции храма служит завершение восьмерика традиционным пятиглавием, с диагональной расстановкой барабанов, обработанных декоративными арочками.

Возникает вопрос, чем объяснить появление такого памятника в русской архитектуре — неумением строивших выдержать его в одном стиле, явным архаизмом или же он служит наглядным примером поисков собственных путей в архитектуре в рамках традиций? Последнее предположение будет, пожалуй, наиболее правильным. Примерно то же самое происходит в Каргополе и Тотьме, в Вятке и под Калугой, в Гороховце и Кашине. Барокко с его изящными формами, пришедшими на смену «узорочью» XVII столетия, пришлось по душе народным мастерам. Здесь мы видим тот редкий пример, когда прежняя декорация еще не была забыта, а новая естественно уживалась с ней рядом.

Медленно и неуклонно столичные вкусы изживали вологодские, калязинские, вятские, осташковские, ярославские и прочие особенности быта, языка, нравов, архитектурные разновидности. Наступит тот момент, когда артель каменщиков уже не сможет просто построить церковь или дом. Она должна будет строить его «по плану и фасаду», присланному из столицы или утвержденному «господином губернским архитектором». И постепенно артель каменщиков все больше и больше превращается в ремесленников, для которых процесс созидания сведен к воспроизведению чужих проектов. Но даже и тогда время от времени проявляется то, что, казалось бы, давно забыто. Пример далеко искать не надо. Вплотную к трапезной примыкает колокольня, строительство которой было начато в 1856 году на месте деревянной. Это довольно заурядное столпообразное невысокое сооружение, завершенное деревянным шатром. Однако, украшая ее фасады, мастера пытались повторить те самые вазоны, которыми были некогда оформлены Вальский столп и колокольня Преображенской церкви в Осташкове. Последнее, на что следует обратить внимание, — это на добротню выполненную реставрацию памятника по проекту архитектора В. И. Якубени Осташковским реставрационным участком под руководством А. А. Ковалева. Вскоре в памятнике разместится интересный музей природы Селигерского края.

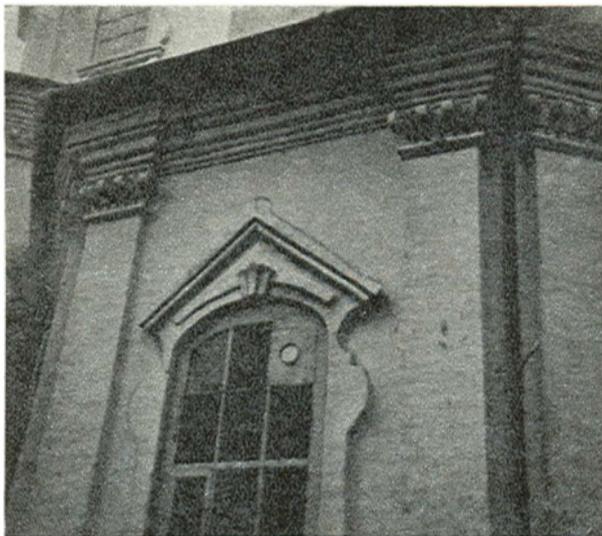
*Село Верхние Котицы.
Казанская церковь.
1774—1803*

Осташковские мастера-каменщики не раз будут обращаться к прошлому, и в этом легко убедиться, увидев другой памятник, находящийся в селе Верхние Котицы, километрах в пяти-шести от села Рогожи. Но прежде чем направиться в Котицы, надо спуститься к берегу, туда, где бьют холодные прозрачные ключи и где стояла мельница, принадлежавшая монастырю Нилова пустынь. Ключи здесь очень сильные, вода кажется кипящей и вытекает небольшим ручьем, впадающим в озеро. Берега и русло ручья окрашены в ярко-бурый цвет — это оседает вымытое ключами из земли железо. Мельницы давно не существует. От нее осталась лишь земляная насыпь плотины да болотце, где застоявшаяся вода подернута густой пленкой с металлическим отливом.

Село Верхние Котицы стоит на правом берегу, почти у самого истока речки Селижаровки, и в документах XVIII—XIX столетий иногда называлось погостом, что

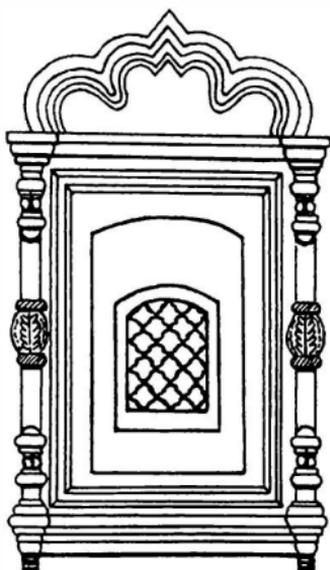
говорит о его древнем происхождении. Селижаровский плес тут становится совсем узким, начинаются мели и перекаты. Кое-где торчат валуны, между которыми вода бурлит, крутится, сердито шумит, досадуя на преграду.

В конце XVIII и в первой половине XIX века село принадлежало помещикам Елчаниновым. Казанская церковь в селе построена на средства вдовы полковника Елчанинова — Прасковии Авраамовны. Разрешение на ее строительство было дано в 1774 году, то есть спустя всего четыре года после того, как освятили рогожскую, но разница между ними очень большая. Строительство церкви растянулось на долгие годы. В 1789 году был освящен только придел, а сам храм — в 1803 году. Все здание, кроме северного придела, сделанного позднее, вероятно, строилось одной артелью каменщиков, хорошо знакомой с окрестной архитектурой и принимавшей участие в строительстве других церквей. Аналогией для этого памятника, вероятно, послужили постройки Житенного монастыря в Осташкове и некоторые церкви в Торопце. Поэтому, не останавливаясь подробно на объемном построении здания, обратимся сразу к тому, что нас больше всего волнует при знакомстве с памятниками этого круга, — как местные мастера понимают классические барочные формы и как они их видоизменяют, тем более, что котицкая церковь дает обильную пищу для размышления над этим. Ее фасады украшены пилястрами, при этом капители пилястре на апсиде сделаны с четырьмя волютами, а на четверике храма — с пятью волютами. Эта небольшая деталь убранства говорит о многом. Мастер, строивший церковь, обращается с формами классического ордера так же свободно, как он привык обращаться с декором XVII века. Для него важна прежде всего не строгая система построения ордера, а то, что можно извлечь из него, декорируя плоскость. Чтобы разместить такое количество волют, мастеру пришлось буквально «прилепить» их перпендикулярно к плоскости пилястры, и волюты эти в его руках превратились в орнаментальный узор, утратив свое классическое назначение — завершение колонны или пилястры в местах наибольшего конструктивного напряжения. Такое истолкование классических форм проще всего было бы объяснить незнанием мастером самых простых вещей. Но это далеко не так. Те же самые капители на восьмерике и на колокольне сделаны правильно — с двумя волютами, почти в соответствии с классическими образцами. Однако и тут мастер остается верен себе и вводит небольшую деталь орнамента — поребрик, — заимствованную из архитектурной декорации предшествующего столетия. Другой

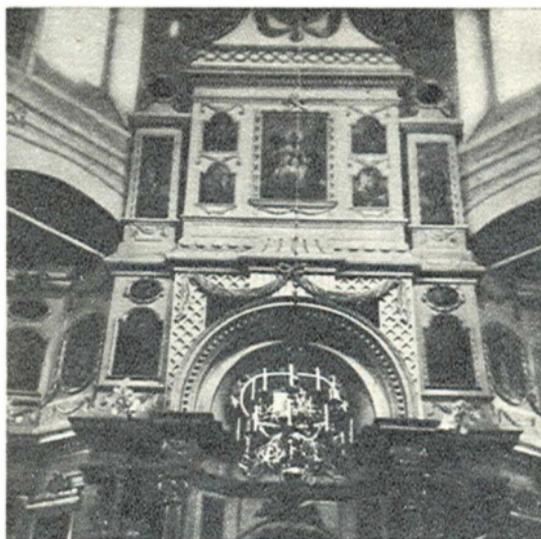
*Село Верхние Котицы.
Апсида Казанской церкви.
1774—1803*

вопрос — насколько удачно это получилось, чем были вызваны эти поиски. Но достаточно вспомнить, в каком направлении шло развитие русской архитектуры XVII века, с какой жадностью она переосмысливала все привнесенное извне, и сопоставить это с зодчеством середины XVIII столетия, развивавшимся вдали от Петербурга, чтобы почувствовать однородность этих явлений, то, как сильна была тяга к наследию, как любили узоры прошлого и насколько «своими» их считали. Примерно то же самое можно наблюдать, рассматривая наличники окон трапезной и южного придела и сопоставляя их с декорацией церкви в селе Рогожа. В первый момент покажется, что они тут такие же, как и там. Но, приглядевшись, сразу поймешь, что это лишь добротная копия, взявшая от оригинала самые общие формы. Не меньший интерес вызывает и декорация наличников северного придела. Определить время его возникновения, то есть когда была расширена трапезная, достаточно трудно. В описи дел, касающейся строи-

*Село Верхние Котицы.
Наличник окна
с западного фасада
трапезной
Казанской церкви.
1774—1803.
Рисунок В. И. Якубени*

тельной истории церкви и хранящейся в Калининском государственном областном архиве, встречается упоминание «о возобновлении приделов в 1854 году»²⁵. Из этого упоминания остается не совсем ясным, что имеется в виду под возобновлением приделов — речь идет то ли о каком-то новом строительстве, то ли об очередном ремонте. Несомненно только одно — и это очень хорошо видно при осмотре памятника — северный придел выстроен спустя какое-то время после освящения церкви в 1803 году. Декор наличников похож по формам на прежний примерно так же, как наличники похожи в свою очередь на наличники церкви в селе Рогоже. Но ведь аналогичные по композиции обрамления окон встречались на соборе Житенного монастыря и на городских соборах в Осташкове. Получается как бы цепочка постепенного изменения одних и тех же декоративных форм на протяжении более ста лет. Но изменения произошли не в сторону насыщения их деталями, а в сторону все большего обобщения и схематизации.

*Село Верхние Котицы.
Иконостас
Казанской церкви.
Конец XVIII — начало XIX в.*

В Петербурге и Москве примерно тогда же заканчивали свою деятельность такие маститые последователи палладианства, как Джакомо Кваренги и Николай Львов, на смену им пришел Карло Росси, а под Осташковом все еще продолжали любоваться килевидными кокошниками и наверхшиями наличников — формами, которые ревнители классики назовут варварскими. Примерно то же самое и в эти годы происходило в окрестностях Суздаля. Там сложившийся в конце XVII — в начале XVIII века тип храма и его убранства продолжал бытовать вплоть до середины XIX века. Подобный процесс эволюции древнерусского наследия можно достаточно полно проследить только на примере периферийного строительства, и есть надежда, что внимательный его анализ в дальнейшем принесет еще много открытий.

Иконостас церкви в Верхних Котицах — редкий пример местного убранства интерьера — отдаленно напоминает по композиции иконостас Успенской церкви Ново-Девичь-

его монастыря в Москве, тогда как некоторые детали характерны для искусства осташковских резчиков по дереву.

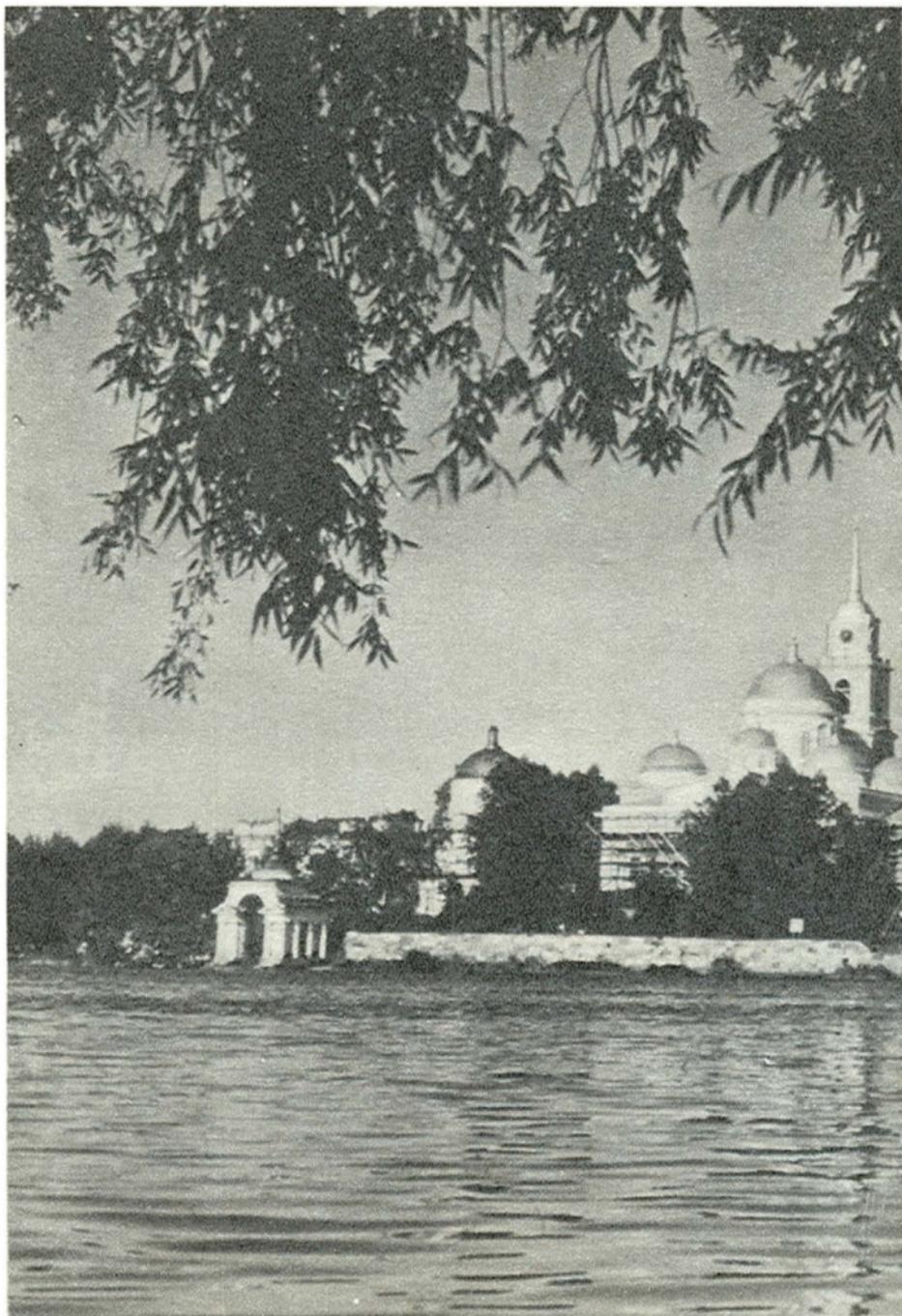
В Верхних Котицах заканчивается наше первое знакомство с окрестностями Селигера. Чтобы обратная дорога в Осташков не показалась скучной, лучше всего вернуться в город пешком или на автобусе по правому берегу Селижаровского плеса и уже из Осташкова добираться до других пунктов.

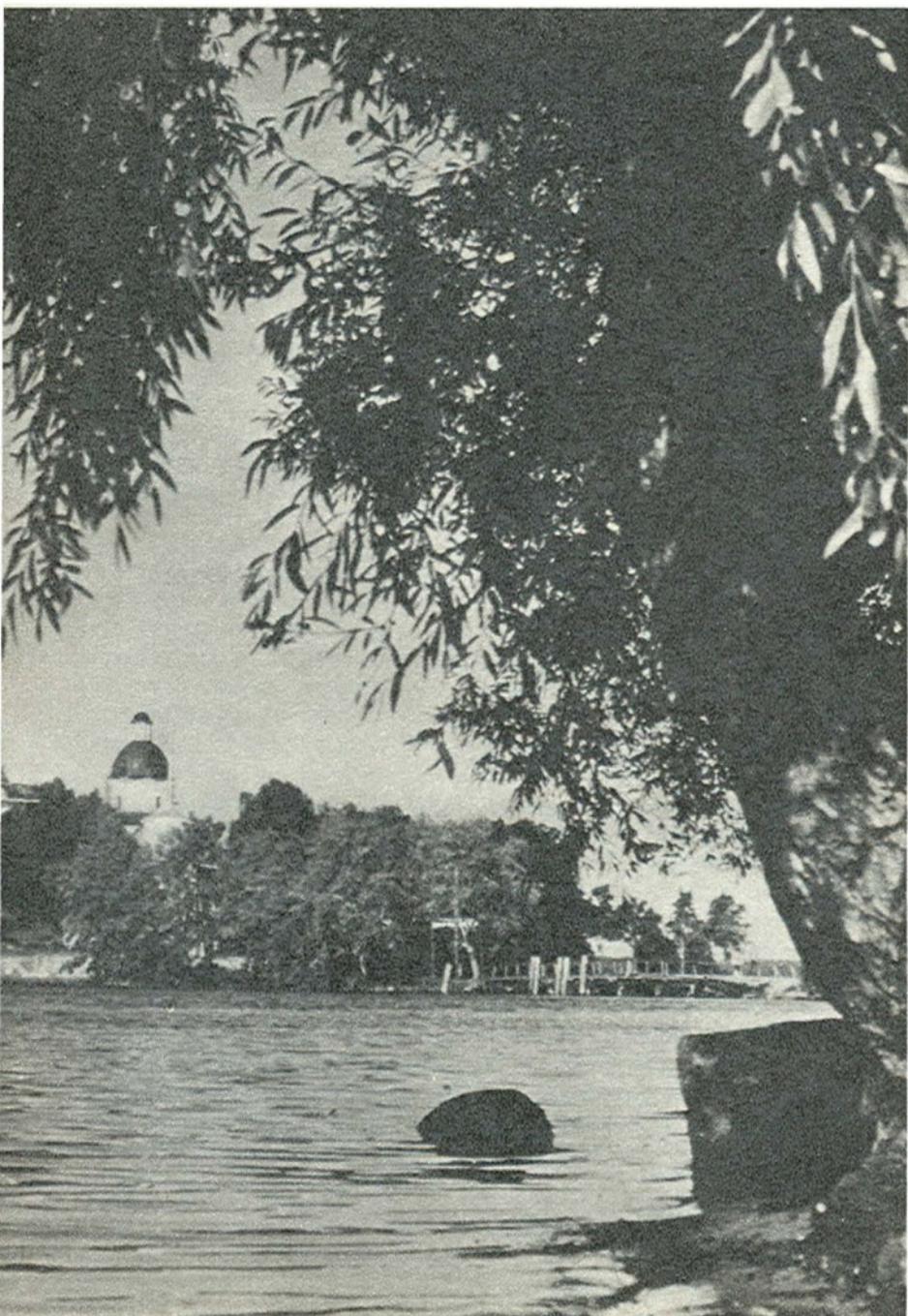
3. По восточному побережью Селигера

С острова Кличен открывается вид на остров Городомля с высокой вековой ратью сосен. Это второй по величине остров на Селигере. Невысокие берега Городомли на востоке переходят в песчаную косу, по которой бродят чайки. Иногда их собирается так много, что кажется, будто за косу зацепилось облако, купавшееся в прибрежных водах.

Городомля в начале XVII столетия принадлежала боярину Лыкову, состоявшему в близком родстве с царем Михаилом Федоровичем. Жена Лыкова была сестрой патриарха Филарета и родной теткой царя. В 1629 году Лыков подарил остров монастырю Нилова пустынь с правом косить, пахать, рубить лес и ловить рыбу на внутреннем озере. Монастырь в XIX веке основал на Городомле так называемый Гефсиманский скит, куда отправляли на покой престарелых монахов, ссылаемых за провинность на хлеб и воду, и куда стремились ищущие уединения. До сих пор на острове, в лесу, на берегу внутреннего озера сохранилось несколько маленьких рубленых домиков-келий с одним или двумя окошками и поздняя деревянная ярусная церковь. Здесь, на Городомле, в конце прошлого столетия побывал Иван Иванович Шишкин. Дремучий лес острова, предрассветный селигерский туман — все это художник запечатлел в своих этюдах.

В ясную погоду с Городомли хорошо виден еще один остров — Столобный, на котором находится монастырь Нилова пустынь. Остров небольшой, равнинный, и монастырские постройки кажутся стоящими прямо на воде. Когда же приближаешься к острову на лодке или на катере,

то монастырские сооружения начинают на глазах подниматься из воды, напоминая театральную декорацию. Сравнение с декорацией, возможно, навеяно не самим открывающимся видом, а лубочными картинками прошлого века с изображением крестного хода в Нилову пустынь; тем не менее впечатление это не пропадает до тех пор, пока не подплывешь близко к монастырю. Вблизи многочисленные церкви и сооружения пустыни не вызывают ощущения неприступного места, отгороженного от мира, каким выглядят монастыри Москвы и Подмосковья с высокими крепостными стенами.

Нилова пустынь, скорее, напоминает какую-то ленинградскую площадь, когда на нее смотришь с Невы или с канала: гранитные набережные, опоясавшие весь остров, башенки с колоннами, похожие на парковые беседки, высокий парапет перед главным собором монастыря, строгие ордерные формы монастырских сооружений XVIII—XIX столетий.

Монастырь Нилова пустынь.

XVII—XIX вв.

Фото Ю. Васильева

←

Возникновение монастыря Нилова пустынь связано с именем монаха Нила, получившего по названию острова Столобного прозвище Столобенского. Нил Столобенский — личность исторически достоверная. Он действительно был послушником Крыпецкого монастыря под Псковом, где принял постриг, а затем поселился на речке Серемхе. Но там жители окрестных сел, узнав о монашеских подвигах будущего святого, стали якобы докучать ему своим чрезмерным вниманием, лишавшим его уединения, и он решил удалиться от мира в более глухое место. Таким местом стал остров, неподалеку от которого находились Осташковские слободы, на другом берегу озера — Николо-Рожковский монастырь, и поблизости, вероятно, существовало несколько деревень. Слава об этом отшельнике распространяется по всему побережью, и он время от времени дает о себе знать; то совершает очередное «чудо» — исцеляет страждущего, то избавляет от неминуемой гибели рыбака, застигнутого бурей на озере.

В эпоху формирования Московского государства одновременно происходил процесс канонизации местных святых. Именно эти местночтимые святые становились помощниками и защитниками, ходатаями перед престолом господним и советчиками в любых начинаниях для жителей тех или иных земель. В число святых очень рано попадают князья — Александр Невский, Дмитрий Донской, Михаил Тверской, основатели монастырей — Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский и другие. Здесь, в озерном крае, желание иметь своего небесного заступника, видимо, стало причиной канонизации отшельника, жившего на Столобном острове, и Николо-Рожковский монастырь активно содействовал утверждению имени этого святого в окрестностях. Николо-Рожковский монастырь на западном побережье Селигера (на месте которого нам еще предстоит побывать) возник как пограничный с Литвой монастырь Московского княжества. Житие Нила Столобенского было заказано его монахами и составлено в Москве. От других канонизированных святых Нил Столобенский отличается такими подвигами, как истязание своей плоти постоянными бдениями и молитвами, когда даже в короткие минуты отдыха он не ложился, а повисал на деревянных костылях, вбитых в стену. С этими атрибутами его чаще всего и изображали на иконах и в деревянной скульптуре. Много позже Нилу Столобенскому припишут функции врачевателя болезней ног, спасителя путешествующих по воде и на трудных дорогах. После смерти столобенского отшельника на его могиле, по утверждению житийной литературы, продолжали совершаться чудеса исцеления, что и послужило причиной образования на острове монастыря.

Первым настоятелем и фактическим основателем Ниловой пустыни стал иеромонах Николо-Рожковского монастыря Герман. Он построил над могилой Нила часовню, а спустя около сорока лет после кончины Нила, в 1591—1594 годах, — первую деревянную Богоявленскую церковь и колокольню «столб дубовый». Тогда же появилось первое иконописное изображение Нила Столобенского, исполненное «со слов старцев, знавших Угодника Божия лично и помнивших черты лица его», двумя иноками Иовом и Нифонтом Вознесенского Оршина монастыря, находившегося недалеко от Твери, ниже по течению Волги²⁶.

В первые годы пустынь влачила жалкое существование. Ее разорили поляки, и только счастливое стечение обстоятельств спасло монастырь от полного исчезновения. Земли вокруг Столобного острова и сам остров принадлежали, так же как и Городомля, боярину Лыкову — ближайшему

*Монастырь
Нилова пустынь
в начале XVII в.
Прорись
с иконы XVII в.*

родственнику царя, а настоятелем в монастыре после смерти Германа стал уроженец Осташкова, человек, несомненно, большой энергии и высокообразованный для своего времени, — Нектарий. Родовитому боярину было лестно содержать в своей вотчине монастырь. Нил Столобенский становился тем самым как бы его небесным покровителем. Поэтому пустынь получила от Лыкова всяческую поддержку. Вслед за ним сюда делали вклады князья Трубецкие, Дмитрий Пожарский, боярин Колотовский и, наконец, сам царь не оставлял «святое место» без внимания. Вклады оказались столь значительными, что Нектарий заново отстроил монастырь. В 1622 году возвели «о пяти главах на клетках» деревянную Покровскую церковь, а вместо сгоревшей Богоявленской над могилой Нила в 1635 году была построена вторая деревянная церковь того же наименования. Монастырь обнесли оградой с «осьмистенной колокольней» над воротами, устроили больничные и гостиные кельи. О том, как выглядела пустынь при

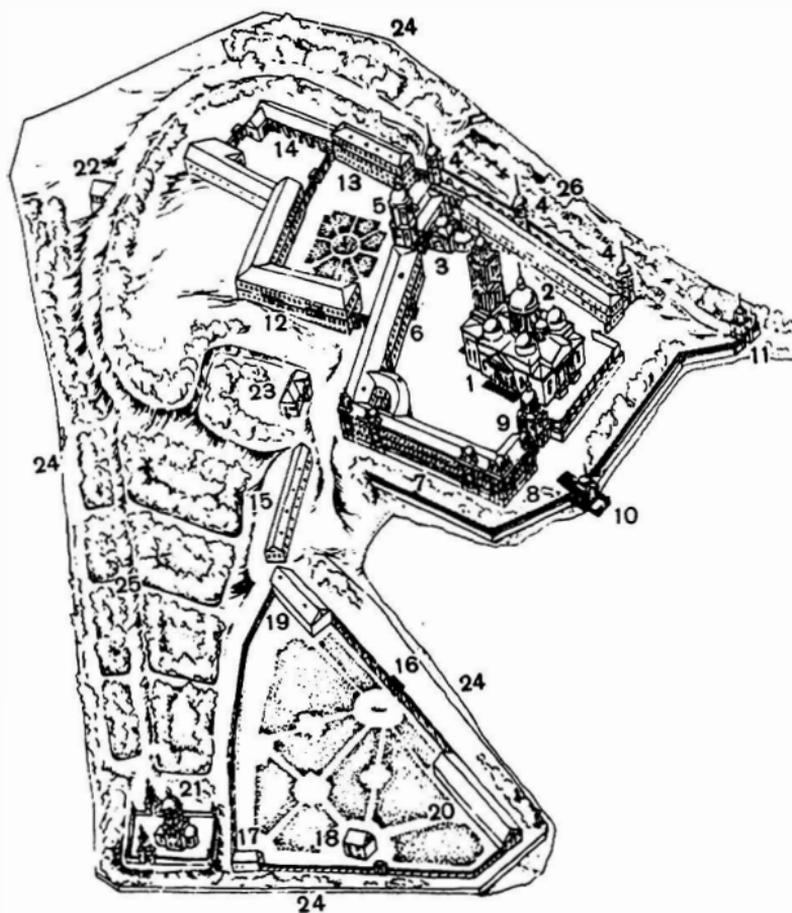

*Монастырь
 Нилова пустынь
 в начале XVII в.
 Икона. ГИМ*

Нектарии, хорошее представление дает икона с ее изображением, хранящаяся в музее «Коломенское» в Москве. Деревянная церковь «на клетках» живо напоминает церковь Ширкова погоста с такими же ярусами убывающих четвериков, покрытых на восемь скатов. Вторая, несколько меньших размеров, явно клетского типа. Бревенчатые монастырские стены и колокольня невысокие, за ними вплотную друг к другу стоят небольшие кельи. В таком виде монастырь просуществовал совсем недолго. В 1665 году случился сильный пожар. К утру на месте деревянных построек тлели лишь угли, но пустынь к этому времени была настолько богата, что Нектарий просит разрешения на строительство каменной церкви и для этой цели отправляется в Москву, «и в тое поры Великий Государь пожаловал на завод каменной церкви 200 рублей»²⁷. Там же, в Москве, закупается кирпич, железо, известь, находится и подрядчик каменных дел — «крестьянин князей Черкасских — Яков Никитин сын Голубин», уроженец села Павлова

Перевоза под Нижним Новгородом. В 1667 году в монастыре заложили первую каменную Богоявленскую церковь. Спустя три года она была освящена. «Во время строительства от царя и его родственников по жене Милославских и Морозовых... время от времени, были присылаемы на строение каменной церкви денежные пособия, которые и ускорили ход этого строения»²⁸. Однако первое каменное монастырское здание оказалось несовершенным. Уже через два года пришлось разобрать церковь над трапезной и кблокольную, так как «от несоразмерной тяжести ея скоро оказались трещины и в трапезе, над которой она стояла, и в ней самой...»²⁹. Вместо разобранных церквей пристраивается придел. Первый каменный монастырский собор не сохранился. На его месте теперь стоит величественное классическое сооружение начала XIX столетия, получившее же наименование — Богоявленский собор, о котором предстоит еще поговорить. Многочисленные иконы с видами монастыря, разбросанные сейчас по различным собраниям, дают достаточно хорошее представление о не дошедшем до нас соборе. Судя по ним, можно реконструировать хотя бы основные объемы здания, что представляется крайне важным, так как это было первое каменное строение в окрестностях Осташкова, несомненно, ставшее прототипом для городских соборов, возводившихся в 80-е годы XVII века, а декоративное убранство его продолжало волновать воображение местных зодчих вплоть до конца XVIII века. На изображениях собора можно отметить высокий двусветный четверик, увенчанный рядами кокошников, над кокошниками поднимались массивные барабаны с большими главами, стены прорезали стройные широкие оконные проемы в сложном нарядном обрамлении. И композиция и декоративное убранство храма больше напоминают не московские, а ярославские постройки конца XVII века. Уже в 1703 году к собору была пристроена еще одна церковь с трапезной, в декоративном убранстве которой повторили прежние формы. Над созданием этой церкви трудились местные мастера — «осташковской слободы каменщики Филат Селезнев да Ермолай Королев подрядились в Ниловой пустыни построить каменную церковь с трапезною к старой соборной церкви и к трапезе за 105 рублей»³⁰.

Одновременно с собором приступили к возведению стены вокруг монастыря (работы завершены к 1676 году). О первоначальном их облике можно судить также по иконописным изображениям и по небольшим сохранившимся в натуре фрагментам. После мощных крепостных сооружений подмосковных монастырей стены Ниловой пустыни вы-

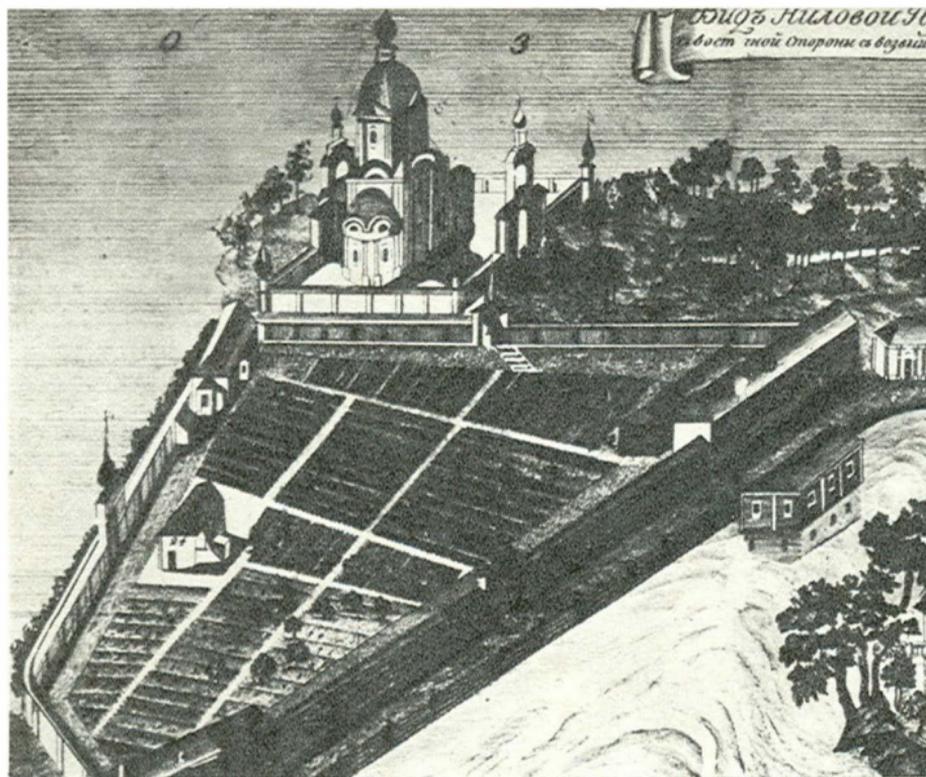

**Монастырь
Нилова пустынь.**

Генплан.

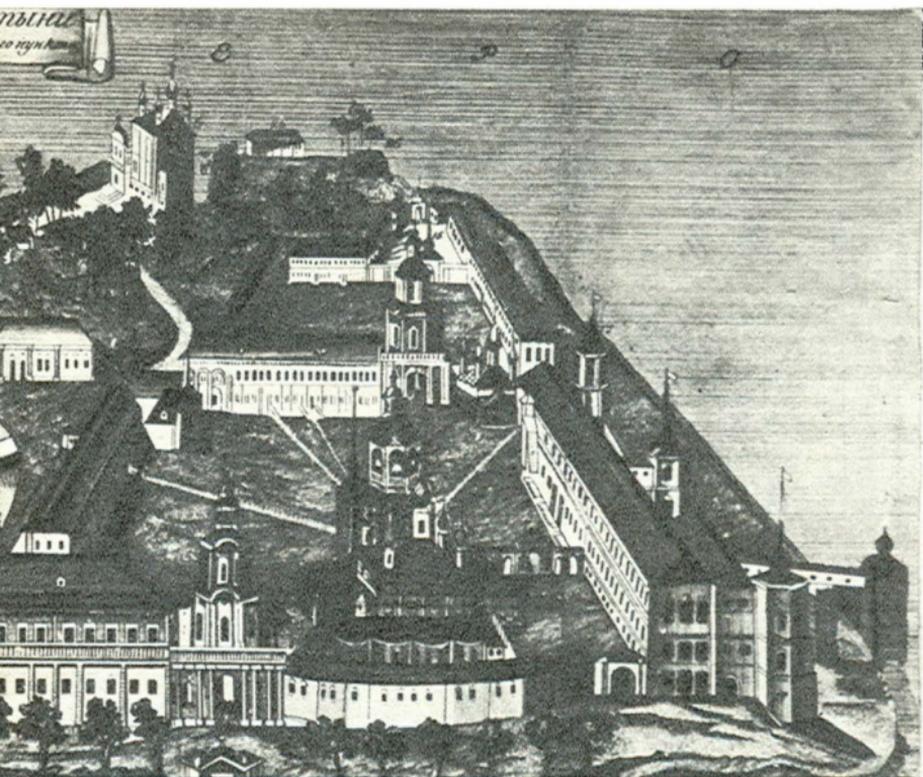
**Реконструкция
архитекторов В. И. Якубени
и Т. С. Борисовой**

1. Собор Богоявления. 1821—1833.
2. Трапезная палата. 1669—1781.
3. Больничная церковь с кельями. 1699—1723. 4. Монастырская ограда с башнями. 1766. 5. Надвратная церковь Петра и Павла. 1760—1764.
6. Настоятельский корпус. 1723—1794. 7. Братский корпус. 1675—1838. 8. Архиерейские кельи. 1751—1838. 9. Надвратная церковь Нила. 1751—1755. 10. Архиерейская пристань. 1814. 11. Светлицкая (Сторожевая, Входная) башня. 1863.
12. Монастырская гостиница. 1734—1799. 13. Странноприимный дом. 1737—1809. 14. Конный двор. 1762—1764. 15. Судоремонтные мастерские. 1769. 16. Ограда фруктового сада. 1769. 17. Монастырская сторожка. 1769. 18. Монастырская баня. 1769. 19, 20. Монастырские амбары. 1769—1818. 21. Церковь Воздвижения. 1784—1788. 22. Монастырский погреб. Первая половина XIX в. 23. Монастырская пекарня. Середина XIX в. 24. Гранитная набережная. 1833—1851. 25. Парк. Конец XVIII в. 26. Липовая аллея. Начало XIX в.

глядят слабым им подражанием. Но это была единственная каменная крепость в обширном озерном крае, о ее оборонительном назначении свидетельствует наличие бойниц. Ритмичное членение стен снаружи на прясла пилястрами с примитивными базами и капителями придало этим сооружениям не столько вид крепости, сколько монастырской ограды, также более характерной для последующего строительства конца XVII — начала XVIII столетия. Каменное строительство в монастыре с небольшими перерывами продолжалось до начала XX века.

На плане монастыря сразу видно, что его территория очень четко разделяется на три части. Это хорошо чувствуется и тогда, когда бродишь среди многочисленных строений. Центром монастырской композиции служит парадный двор с Богоявленским собором, открывающийся с озера. По сторонам от собора, почти по всему периметру двора, поставлены кельи. Особо важных гостей, прибывших в Нилову пустынь, встречали на Архиерейской пристани, вели вверх

по широкой лестнице через арку надвратной церкви Нила. Чтобы попасть в собор, надо было пройти почти по всему двору, вдоль архиерейских келий и братских корпусов. Перед собором была устроена смотровая площадка с видом на залив и на Архиерейскую пристань; именно с этой стороны к монастырю приближался крестный ход из Осташкова.

За собором находится вторая надвратная церковь — Петра и Павла, миная арку ворот которой, попадаешь на просторный Гостиный двор, где размещались гостиница для приезжих и дом для ночлега странников. За этим двором — несколько меньший третий, Конюшенный двор. В небольшом заливе была устроена пристань и док, вдоль берега стояли монастырские склады и здания, предназначенные под различные хозяйственные службы: погреба, мыльни, амбары, а в стороне — кузни, мастерские и другие постройки обширного монастырского хозяйства. Вся южная часть острова отводилась под сады и огороды.

За садами и огородами находилось кладбище, где хоронили только монахов и лиц, пожертвовавших в монастырь значительную сумму денег. Неподалеку от пустыни, в небольшом искусственном пруду, подолгу сохранялась пойманная рыба, откуда ее вылавливали по мере надобности. На некоторых окрестных речушках были устроены монастырские мельницы. Муки требовалось много, чтобы накормить нескончаемые толпы богомольцев, изготовить и раздать нищим просvirки, разносившиеся отсюда по всей Руси.

Среди монастырской братии были кузнецы, сапожники, скорняки, художники, слесари, каменотесы, столяры. Во второй половине прошлого века в Ниловой пустыни были даже монахи-механики и монахи-капитаны, водившие по озеру два монастырских парохода, которые перевозили богомольцев из Осташкова и обратно и доставляли их в село Свапуща, откуда начинался паломнический путь к истокам Волги. Большой доход приносили монастырю скульптуры

*Монастырь Нилова пустынь
в начале XIX в.*

Гравюра из книги

Н. Я. Озерецковского

«Путешествие

на озеро Селигер». 1817.

←

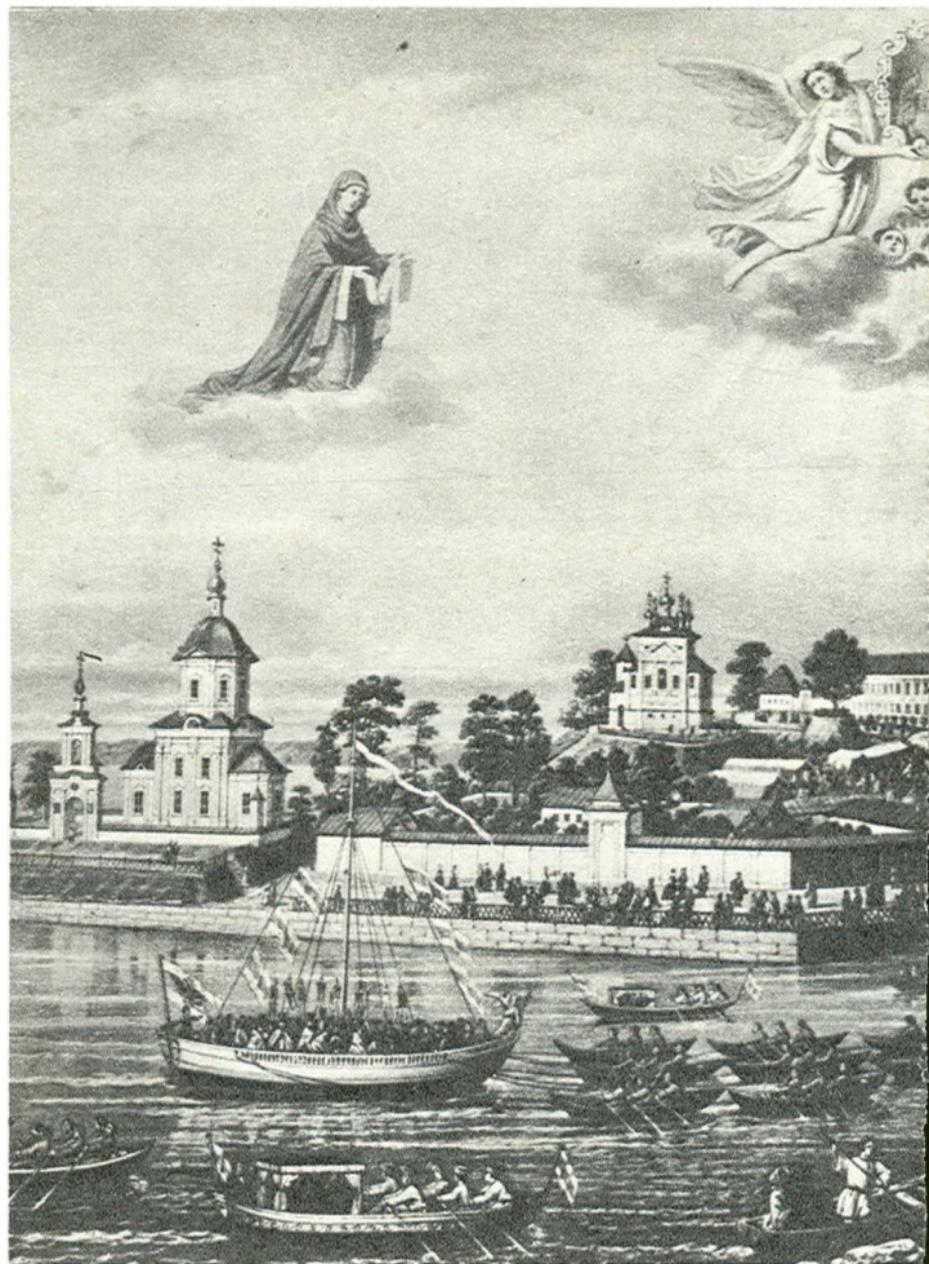
Нила Столобенского, вырезанные из дерева. Фигурки эти были различные — величиной с ладонь и в высоту человеческого роста. Самые большие резались для церквей, а маленькие разносились повсюду богомольцами, вместе с ними попадая даже далеко в Сибирь. Предприимчивые крестьяне из окрестных сел очень быстро поняли доходность этого «промысла» и стали сами резать и продавать деревянных Нил. Народная фантазия наделяла облик святого яркими бытовыми подробностями. Скульптурки эти вызывают улыбку своей наивной трактовкой образа старца, в них откровенно проступают черты, рассмотренные в жизни. Такая свободная интерпретация образа не очень нравилась церковным властям, издавшим указ, строго запрещающий крестьянам резать и продавать фигурки Нила Столобенского. Но с указом мало считались, и вплоть до конца XIX века деревянные Нилы продолжали выходить из-под резца местных умельцев. Нередко вырезыванием скульптур занимались женщины.

Помимо деревянной скульптуры в монастырях изготавливали медные иконки, нательные крестики, а со второй половины XIX века эти производства все больше вытесняет продажа раскрашенных лубочных картинок с изображением крестного хода в Нилову пустынь. Каждый участник крестного хода, собиравшего несметные толпы богомольцев со всей России, стремился унести с собой на память такую лубочную картинку, напечатанную в типографии и продававшуюся в монастыре или в Осташкове. Для особо богатых посетителей монастырь мог предложить иконы с житием и чудесами Нила Столобенского, книги, среди которых были книги и по истории монастыря и даже чайные сервизы с изображением крестного хода в пúстынь. Но, несмотря на развитое монастырское хозяйство и побочные промыслы, основную статью дохода составляли вклады, пожертвования, те медные полушки, что приносили с собой верующие.

Комплекс монастыря Нилова пустынь очень большой. Он состоит из двух десятков самостоятельных зданий и сооружений. Реставрация комплекса только начинается, и уже первые исследования, предпринятые архитектором В. И. Якубени, показали, что некоторые монастырские постройки дошли до нас, пережив пять-семь строительных периодов.

Наиболее древние монастырские строения относятся к концу XVII столетия, но замечаешь их не сразу. Так, например, церковь Нила, переименованная в 1723 году в церковь Всех Святых и стоящая в северо-западном углу парадного двора, построенная в 1699 году подмастерьем каменных дел Никифором Терентьевым «с товарищи»³¹, после нескольких переделок приобрела вид позднеклассического здания. Вместо пяти глав (четыре угловые были деревянными) осталась одна, но и ту надстроили, чтобы церковь казалась выше. Фронтоны поднялись над кокошниками, да и сами они скрылись под толстым слоем штукатурки, а стены украсились пилястрами. Вернуть первоначальный облик этому зданию, состоявшему из четверика, перекрытого сомкнутым сводом и соединявшегося переходами с больничными палатами и с двумя палатами просфоропекарни того времени, видимо, будет сложно.

Рядом с церковью Всех Святых, вдоль северной стороны парадного двора, несколько раньше, в 1667—1669 годах, вплотную к крепостной стене построили одноэтажное здание, так называемый трапезный корпус, где разместились: кухня, квасоварня с погребом и ледником, над ними два сушила, запасная палата, кельи больничные и три кельи братские. Только по характерному для конца XVII века

*Монастырь
Нилова пустынь.
Гравюра 1902 г.*

*Нил Столобенский.
Середина XIX в.*

←

поребрику, украшавшему когда-то пояс карниза, отделявшему нижний этаж от верхнего, и по небольшим уцелевшим фрагментам северного фасада, служившего некогда крепостной стеной, можно понять, что основа этой постройки — древнее здание. Одноэтажным оно просуществовало немногим более ста лет. В 1779—1781 годах осташковским мещанином каменщиком Федором Дмитриевым над западной частью корпуса были построены кельи³², предназначавшиеся для богатого монастырского вкладчика — торопецкого помещика Ивана Сергеевича Челищева, принявшего постриг и поселившегося в пустыни. В 1804—1805 годах также осташковский мещанин каменщик Яков Емельянов Коробанов «с товарищи» надстроили, теперь уже с восточной стороны, второй этаж и, вероятно, тогда же удлинили корпус³³. Скромный протяженный фасад этого здания, оформленный по верху одинаковыми рамочными наличниками, напоминающими наличники осташковских домов, был, видимо, рассчитан на то, чтобы подчеркнуть богатое

*Монастырь Нилова пустынь.
Наличники окон
в полукруглом дворике
братских, настоятельских
и казначейских келий.
Конец XVII в.*

«узорочье» архитектурной декорации старого монастырского собора.

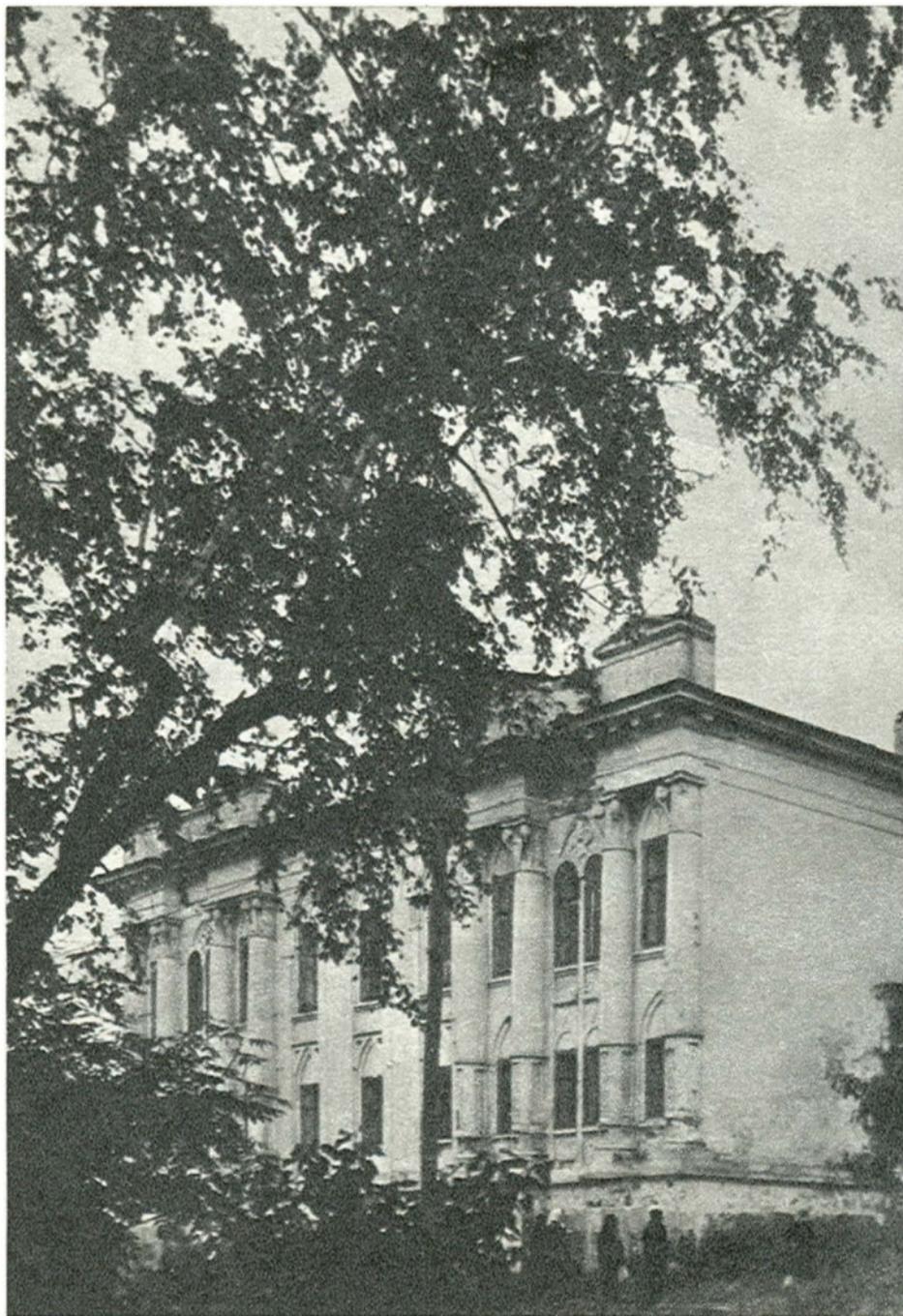
С юго-западной стороны от монастырского собора в 1680—1698 годах строится Казенная палата с казначейскими кельями. Именно этот корпус и был больше всего обстроен, и сейчас увидеть его древнюю часть можно, только зайдя в небольшой внутренний дворик, расположенный за зданием с портиком. На одной из стен этого внутреннего дворика чудом сохранилось несколько не сбитых наличников окон Казенной палаты. Один из них явно мог послужить прототипом для декора церкви в селе Рогоже. Внутри палаты в некоторых помещениях уцелели сводчатые перекрытия. Над строительством этого корпуса, представляющего сейчас целый конгломерат разновременных помещений, на протяжении более двухсот лет трудились многие оставшковские мастера. Среди них следует назвать Ивана Семенова Мосягина, несомненно, одаренного мастера, творчеству которого принадлежит оригинальная

церковь Смоленской Богоматери Одигитрии (1750—1756) в селе Оковцы (село находится недалеко от поселка Селижарова — районный центр Калининской области). Имя этого мастера предостит еще раз упомянуть в связи с постройками Ниловой пустыни. Вместе с другим мастером — Логиним Сусленниковым — в 1775 году они построили «позади настоятельских келий каменные кельи и кухню»³⁴. В 1751 году с восточной стороны парадного двора было начато строительство Архиерейских покоев. Верхний этаж покоев оставался недолгое время деревянным. Начало строительства их связано с именем Фомы Павлова (Козлова?) — крестьянина подмонастырской слободы Троицкого Селижаровского монастыря. Высокоодаренный мастер, он на протяжении более десяти лет был связан со строительством в Ниловой пустыни, беря крупные подряды и возглавляя большую артель мастеров. Фома Павлов не только руководил работами, но и сам участвовал в строительстве³⁵. Позже, в 1800—1801 году, Архиерейские покои были соединены с Казенной палатой и настоятельским корпусом братскими кельями. По-видимому, в 1822 году братские кельи и Казенная палата были объединены полуциркульным глухим двориком. Как выглядели эти разно-стильные и разновременные здания, представить сейчас почти невозможно, потому что в 30-е годы XIX века все они были подведены под одну крышу, а фасад, обращенный к озеру, получил единую архитектурную обработку, выполненную по проекту тверского губернского архитектора Ивана Федоровича Львова в формах псевдоготики. Подрядчиком работ по перестройке всех этих корпусов выступал купец города Владимира Василий Феофилактович Кирюгин. Работы велись интенсивно «за складку рабочими их людьми на том же месте на особо ими сделанном цоколе и граните... двухэтажных внизу иверху... братских келий с совкуплением с западной стороны казенной кладовой палатки одной лицевой стены со внутренними старыми стенами... заплачено... 2250 рублей»³⁶.

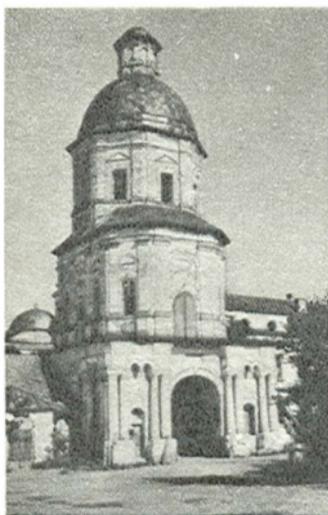
Середина и вторая половина XVIII века — период интенсивного строительства в монастыре, когда появились его наиболее интересные здания и сооружения. В 1751—1755 годах на месте старых восточных святых ворот на пожертвованные суммы строится надвратная церковь Нила. Подрядчиком и строителем стал Фома Павлов. Многочисленные монастырские документы тех лет рисуют картину взаимоотношений, царивших между заказчиком и подрядчиком: «Фома Павлов против учиненного договора работников содержит меньше и в надлежащем строении чинит свое-

вольство и послушание, и прочие непорядки, и сверх наряду за разборание старых Святых ворот и келий и требует денег 50 руб., и забрав денег по подряду половину, а именно 200 рублей, бежал... Велено оного беглеца сыскать и наказать плетьюми, содержать при деле скована. А за разборание Святых врат и старых келий выдать ему денег 30 рублей»³⁷. Первый ярус здания надвратной церкви Нила — проездные ворота с двумя калитками по бокам, через которые проходили прибывшие в монастырь богомольцы, а верхний ярус — сама церковь центрического типа, восьмилепестковая в плане, напоминающая надвратную Тихвинскую церковь Донского монастыря в Москве 1713 года. Среди оставшихся памятников — это единственное здание подобной композиции. По-видимому, Фома Павлов был достаточно хорошо знаком со столичным зодчеством. Фасады церкви Нила разделены на два яруса. Нижний украшен лопатками, над окнами наличники с белокаменными картушами и с поливными синими изразцами; карнизы со сложной профилировкой, выгибаясь над окнами, образуют своеобразные лучковые фронтоны. Верхний ярус более скромный — ротонда, перекрытая куполом и расчлененная с фасадов лопатками. До 1832 года эту церковь венчал восьмерик, завершавшийся пятью главами. Как только был построен новый монастырский собор, восьмерик разобрали. Его пышное многоглавие перестало гармонировать с силуэтом массивного собора. Вместо него ротонду перекрыли куполом со скромным барабанчиком и главкой на нем.

Работы по перестройке церкви Нила закончились в 1838 году, а осуществлялись ямщиком Никифором Гавриловичем Пожарским из города Торжка³⁸, одним из родственников тех самых Пожарских, которые содержали в Торжке знаменитую гостиницу и которых А. С. Пушкин прославил в своих стихах. То, что строительные работы велись ямщиком, — удивлять не должно. Просто-напросто Никифор Пожарский был лишь приписан к ямщицкому сословию, но, как и его родственники, будучи человеком предприимчивым, забросил маловыгодный и тяжелый ямщицкий извоз и занялся строительным ремеслом, одновременно беря подряды. Попутно заметим, что в документах Ниловой пустыни не раз упоминаются люди различных сословий, казалось бы, не имеющие никакого отношения к строительным и отделочным работам: мастера-живописцы — поручик Илья Михайлович Верзин, купец Иоаким Федорович Самсыгин, мастер-резчик — купецкий сын Петр Гаврилович Филошин и т. д.

*Монастырь Нилова пустынь.
Надвратная церковь Нила.
1751—1755.
Мастер Фома Павлов.
Восточный фасад
архиерейского корпуса.
1823. Архитектор И. Ф. Львов.*

*Монастырь
Нилова пустынь.
Надвратная церковь
Петра и Павла.
1760—1764.
Мастер Фома Павлов*

Вторая надвратная церковь — церковь Петра и Павла с помещением для привратника, находящаяся над западными воротами, ведущими на Гостиный двор, построена в 1760—1764 годах также каменщиком Фомой Павловым. Интересно, что, будучи церковью, она одновременно напоминает колокольню Троицкого собора в Осташкове, особенно оформлением нижнего яруса спаренными колоннами с висячей гирькой между ними и кирпичными картушами во втором ярусе. В отличие от церкви Нила в этом памятнике гораздо меньше прослеживается столичных черт. Сходство надвратной церкви Петра и Павла с колокольней не случайно. До строительства многоярусной колокольни Благовещенского собора ее высокий венчающий восьмерик с барабаном, поставленный на несколько удлиненное восьмигранное основание собственно храма, в панораме монастыря действительно выглядел как самая высокая вертикаль, выполняя роль композиционного акцента. Попасть в само помещение храма можно только по внутри-

стенной лестнице. На уровне второго яруса проходила галерея с металлической решеткой. Вслед за окончанием строительных работ была начата отделка интерьера. Лепные картуши и барельефные композиции на евангельские темы на стенах церкви Петра и Павла имеют прямые аналогии с лепным убранством в другой монастырской церкви — Воздвижения, исполненным Кондратием Семеновым Конягиным³⁹, а несохранившийся резной иконостас и саму лепнину расписывал Борис Еримеев Уткин — один из мастеров многочисленной династии осташковских живописцев Уткиных⁴⁰.

Церковь Воздвижения, построенная в 1784—1788 годах, стоит в стороне от монастырского комплекса, на небольшом мысу. На первый взгляд она может показаться сооружением не местных каменщиков, а приглашенных со стороны — очень уж непривычны ее пропорции, объемы и декор. Однако доподлинно известно, что капители для ее пилястр делались осташковским мастером. Лепная декорация здесь более строгая, сдержанная, нежели в церкви Петра и Павла, в ней гораздо заметнее влияние столичных образцов. Даже монаршее внимание Александра I, посетившего Нилову пустынь, привлекло убранство именно этой церкви, исполненное осташковским «рещиком Кондратием Семеновым Конягиным». По словам историка прошлого века В. В. Успенского, Кондратий Семенов Конягин занимался не только лепными работами, но и перепиской книг, отличался «благочестивою подвижническою жизнью» и под конец принял монашеский постриг. Его мастерство было далеко известно за пределами Ниловой пустыни, он приглашался для выполнения лепных и резных работ в Валаамский монастырь на Ладожском озере. Живопись в церкви исполнили Илья Михайлов Верзин и Семен (Еремеев?) Уткин⁴¹ — еще один представитель потомственной династии осташковских живописцев. По наблюдениям, сделанным реставраторами В. В. Филатовым и Л. М. Колтуновой, росписи Воздвиженской церкви имеют большое сходство с живописью надвратной Петропавловской церкви в монастыре и Воскресенского собора в Осташкове. Не исключено, что над убранством всех этих церквей трудилась одна и та же артель.

Среди построек Ниловой пустыни несколько выделяются две башни, входившие в состав северной монастырской стены, возведенной в 1766 году. В их формах еще продолжают жить традиции крепостного зодчества, тогда как пышная обработка углов рустованными пилястрами с капителями, мелко профилированные карнизы и оконные наличники носят барочный характер, а рядом с ними сделано

Монастырь Нилова пустынь. Надвратная церковь Петра и Павла. 1760—1764. Лепной рельеф «Крещение» в интерьере

Монастырь Нилова пустынь. Церковь Воздвижения. 1784—1788

обрамление оконного проема с фигурным килевидным навершием и колонками из бусин и жгутов, повторяющих декоративное убранство наличников окон Казенной палаты.

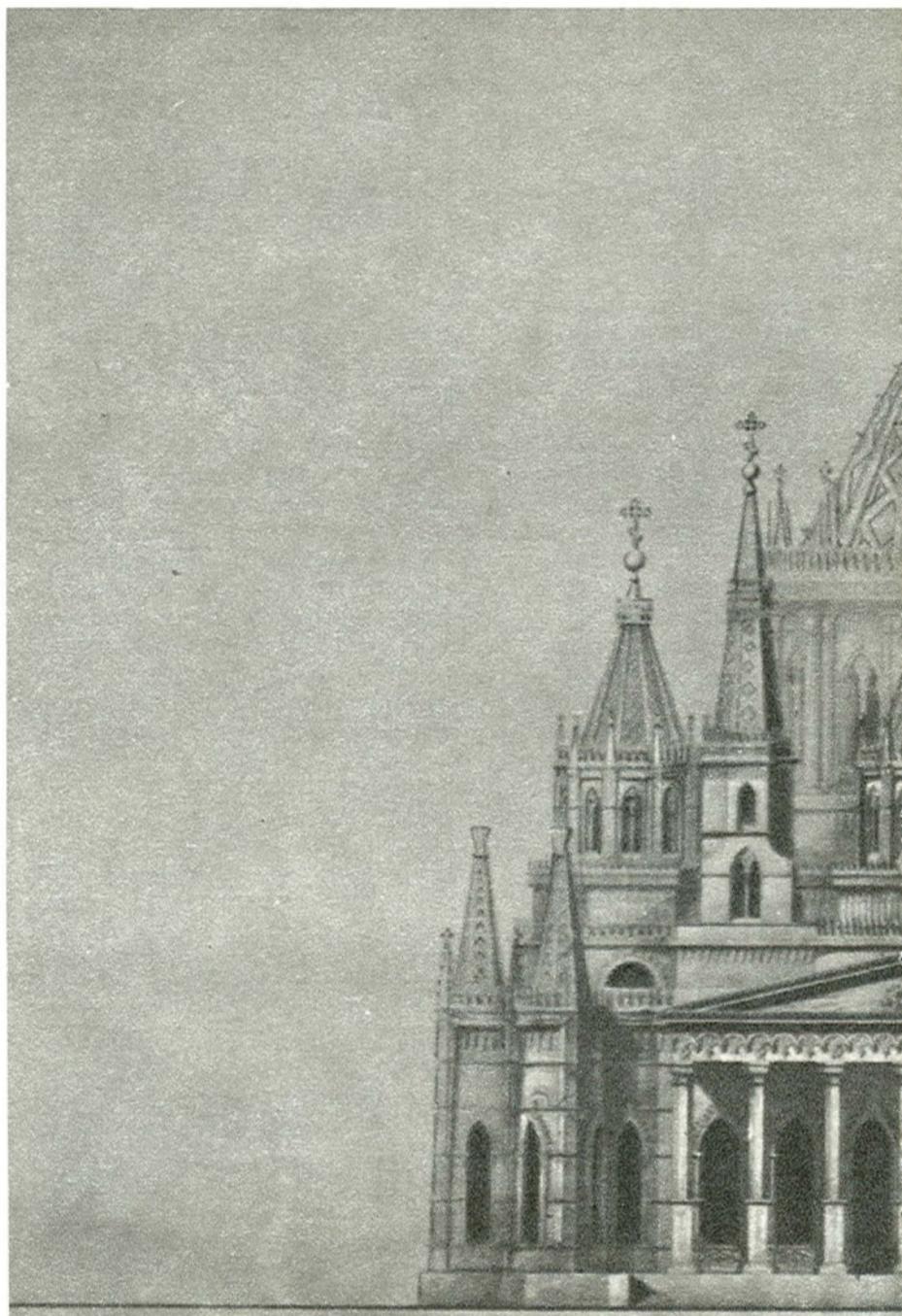
После пышного великолепия парадного монастырского двора и многочисленных церквей хозяйственные и жилые постройки выглядят более скромными, хотя по сравнению с такими же зданиями в городе некоторые из них очень велики. Монастырское хозяйство требовало больших погребов, складов, конюшен и подсобных помещений, и во всем этом чувствуется размах, достаток, крепкая хозяйственная рука. Многие из этих зданий возведены одновременно с церквями, во второй половине XVIII — в начале XIX столетия, так что, познакомившись с ними, начинаешь полнее представлять, сколь велик был размах всего монастырского строительства в это время. В 1764 году Иван Семенов Мосьгин, упомянутый уже нами, вместе со своим братом Алексеем начали возводить Конюшенный двор. Со стороны озера его отгородили высокой каменной стеной, украшен-

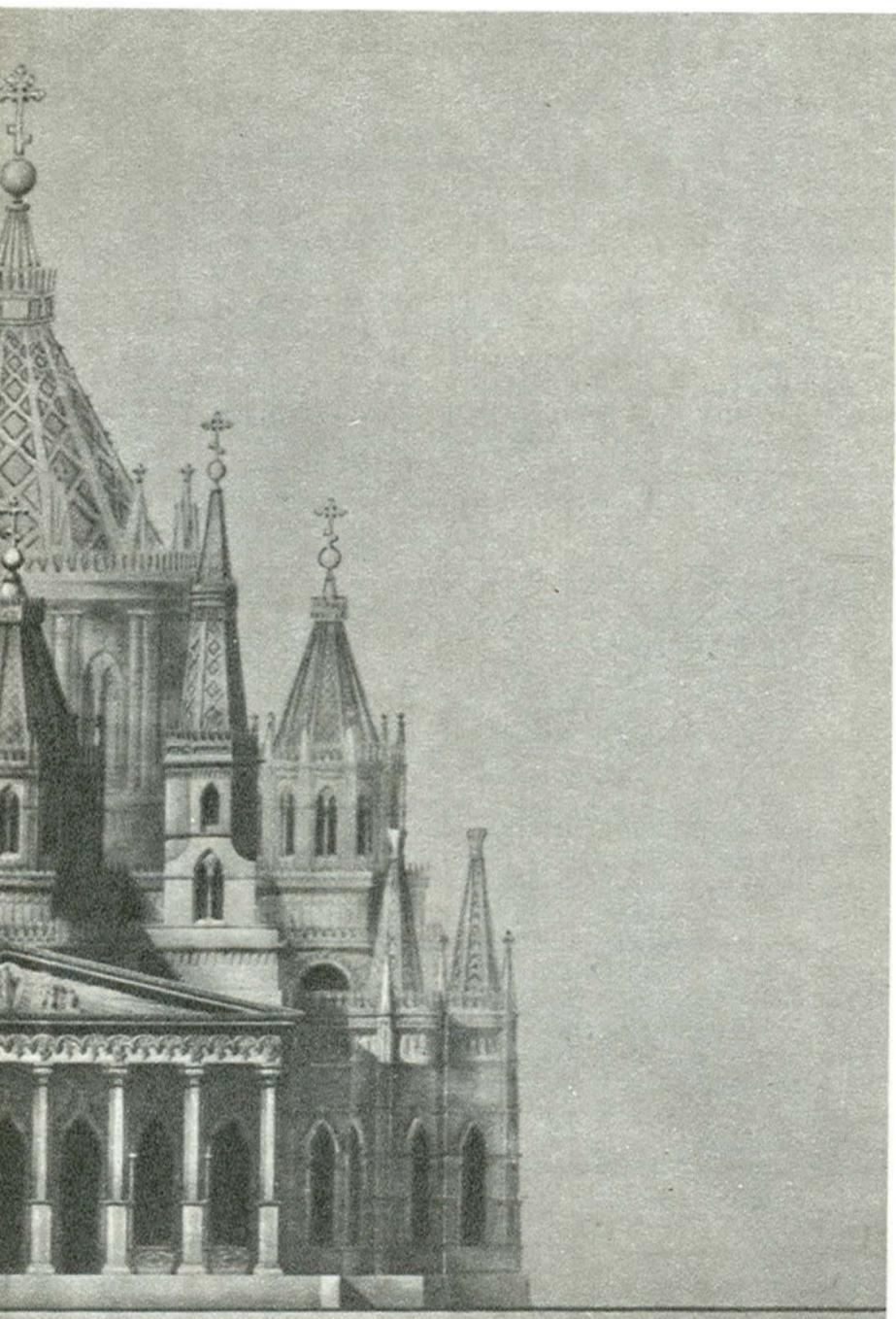
ной рустованными пилястрами, а со стороны Гостиного двора поставили высокие въездные ворота с аттиком и киотцем в центре, которые придали воротам вид триумфальной арки. Конюшни и хозяйственные постройки размещены свободно по периметру двора. В начале XIX века северный конюшенный корпус был перестроен мастером Сергеем Потаповым Толстиковым, добавившим к нему несколько помещений и открытую аркаду. Даже не зная имен мастеров, чьими руками сделаны все эти здания, сразу же понимаешь, что строительство конюшенного комплекса велось местными каменщиками. Стены здания украшены декоративными деталями с характерным сочетанием форм барокко и XVII столетия, киот над въездными воротами во двор удивительно похож на киот у колокольни Смоленской церкви Житенного монастыря, а аркада вдоль северного корпуса придала этому хозяйственному сооружению вид общественного городского строения. По-видимому, сразу после завершения Конюшенного двора братья Мосягины приступили к строительству других хозяйственных монастырских строений — «четырёх каменных амбаров и лодшника», стоящих вдоль небольшого залива к югу от основного комплекса. Хозяйственные постройки за время своего существования не раз переделывались, расширялись. Поэтому часть из них утратила свой первоначальный облик, и только по небольшим фрагментам, сохранившимся кое-где на фасадах, можно догадаться, когда они возникли. Точно так же неоднократно были перестроены два других монастырских здания — гостиный и странноприимный корпуса, возведенные один — в 1731, а другой — в 1737 годах.

Многочисленные иконописные изображения Ниловой пустыни XVII — XIX веков, хранящиеся в различных художественных музеях и встречающиеся еще в церквях, дают прекрасное представление о том, как менялся облик монастыря, как он богател и обстраивался. Из небольшого заброшенного монастырька, какие десятками возникали в XVI — XVII столетиях, пустынь превратилась в один из крупнейших монастырей России, стала целым городом монашествующих на острове. Для его особо богатых посетителей в конце XVIII века на месте ставших тесными одноэтажных гостиных келий поставили большой двухэтажный корпус, а через несколько лет закончили строить не менее обширный трехэтажный странноприимный дом, где доживали последние дни монастырские вкладчики и размещались постоянно менявшиеся так называемые трудники, работавшие в монастыре по обету. Оба эти здания,

построенные в классическом стиле с деталями барочной декорации в оформлении фасадов, почти не имеют себе равных по величине площади в монастырях того времени.

Пустынь с каждым годом становилась все популярнее и многолюднее. Даже в небольшие праздники от наполнивших Нилов монастырь паломников делалось тесно в старом монастырском соборе. На его месте было решено построить новый собор. В начале XIX века монастырь настолько богат и популярен, что его настоятель просит «дозволения снестись с архитектором Росси... Ея Императорское величество княгиню Екатерину Павловну... о составлении плана для нового собора...»⁴². Карл Иванович Росси, занятый в те годы перестройкой Тверского путевого дворца, видимо, с большой охотой принял за проект монастырского собора и вскоре его закончил. Исследователи творчества Росси отмечают, что это было, пожалуй, самое причудливое создание фантазии зодчего, и усматривают в сложном проекте объемно-пространственной композиции собора, сочетающем формы псевдоготики и классицизма, влияние ранних сооружений молодого зодчего периода его работы и обучения в экспедиции Кремлевского строения (церковь Екатерины в Вознесенском монастыре Московского Кремля — не сохранилась — и надстройка шатра Никольской башни)⁴³. В 1813 году монастырь уплатил зодчему за проект крупную по тем временам сумму и выдал прогонные деньги на проезд из Санкт-Петербурга в Нилову пустынь и обратно. Работа поначалу, видимо, увлекала зодчего, и он тщательно разрабатывал планы, фасады, разрезы «со означениемъ иконостаса». Трудно понять, почему проект не был осуществлен: то ли сам зодчий, побывав в монастыре, убедился в нереальности без постоянного надзора с его стороны воплотить замысел, то ли колоссальная загрузка по выполнению заказов царствующей фамилии поглощала все его внимание, то ли время было упущено, и сам он, отказавшись от своих увлечений в молодости псевдоготическими формами, не захотел, чтобы его фантазия обрела плоть. Проект, вероятно, не был даже передан в монастырь, и на все запросы относительно него К. И. Росси отвечал упорным молчанием. Отчаявшись заполучить творение столичного мастера, монастырь заказал проект менее известному зодчему — «уволенному от должности бывшему Тверскому Губернскому архитектору Андрею Алексеичу Трофимову», который предложил вариант перестройки древнего собора, но и он осуществлен не был⁴⁴. Помимо А. А. Трофимова собор проектировал еще один

архитектор — Мельников (имя в документах не указано)⁴⁵. Однако и этот проект остался лишь на бумаге.

Только в 1821 году наконец было начато строительство нового Богоявленского собора по проекту Иосифа Ивановича Шарлеманя⁴⁶, закончившееся вчерне к 1833 году. По своим размерам это грандиозное сооружение может сравниться с собором какого-нибудь уездного города вроде Кашина или Арзамаса. Не так давно, собирая документы для реставрации Богоявленского собора, М. Г. Карпова установила весьма любопытный факт. И. И. Шарлемань вначале предложил свой проект на конкурс для Исаакиевского собора, но его замысел не удовлетворил петербургские власти, и проект почти без всякого изменения осуществили в Ниловой пустыни. И. И. Шарлемань был только автором проекта, возводилось же здание под наблюдением каменных дел мастера — швейцарца, уроженца города Лозанны — Анжело Дементьева Боттани⁴⁷. Строительство велось очень интенсивно: в течение одного года старый собор сломали

*Проект
Богоявленского собора
монастыря Нилова пустынь.
Архитектор Карл Росси.
1813. Неосуществлен*

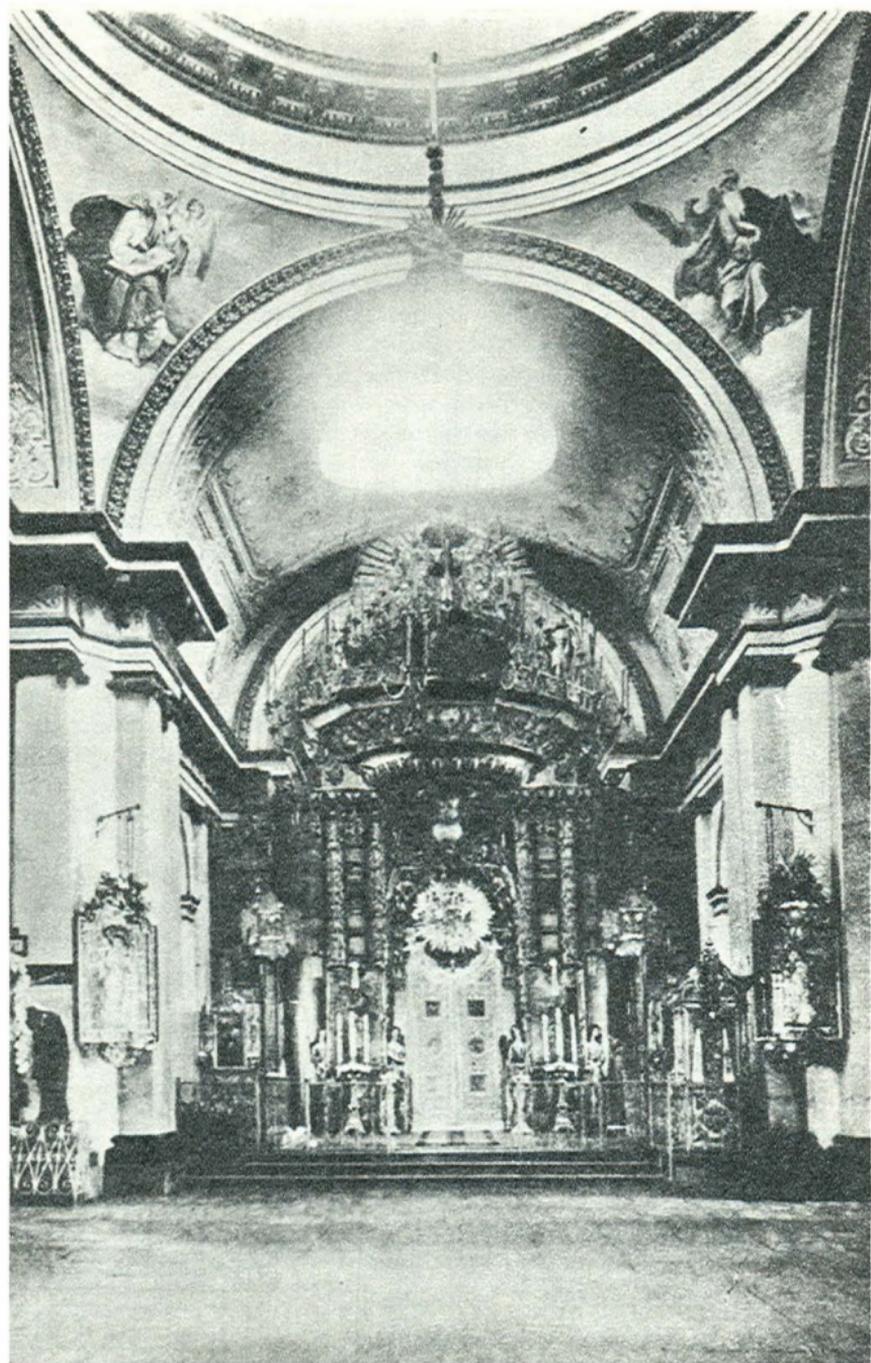
←

*Монастырь
Нилова пустынь.
Богоявленский собор.
1821—1833. Архитекторы
И. И. Шарлемань
и Анжело Боттани.
Интерьер
Фото начала XX в.*

→

и заложили фундаменты для нового, «чтоб скласть в оной пустыни по одобренному плану и фасаду Соборную каменную церковь с колокольнею... особым смотрением каменных дел мастера, в четыре, а по крайней мере в пять лет...»⁴⁸ подрядились каменщики с артелями — Стрельцов Василий Семенов из города Подольска и Малинин Агафон Косьмин, уроженец деревни Старково Судогдольского уезда Владимирской губернии. Окончательная отделка интерьера затянулась на долгие годы. По своей пышности он превосходил многие дворцовые и культовые позднеклассические сооружения столичной архитектуры. Над его убранством трудились не только оставшиеся, но и привлеченные из других мест мастера. Некоторые проекты по отделке интерьера выполнялись тверским губернским архитектором И. Ф. Львовым⁴⁹.

По своему типу Богоявленский собор близок к трехнефным базиликальным постройкам, увенчан пятью куполами (шестой, надалтарный, купол — поздний), с запада

в его объем вкомпонована четырехъярусная колокольня, а фасады украшают мощные шестиколонные тосканские портики. Центральный высокий световой барабан оформлен полуколонками с ионическими капителями и опирается внутри на огромные пилоны сложной конфигурации. Остальные четыре барабана — низкие, глухие, почти без всякого декора и широко расставлены по углам. Вместе с центральным они пирамидой завершают здание. Надо сразу заметить, что основной объем здания рассчитан больше на восприятие его с озера. Находясь же на парадном дворе, трудно охватить взором все грандиозное сооружение. Своими тяжелыми массивными портиками и большими плоскостями стен, расчлененными лишь световыми проемами, собор, стоящий на высоком гранитном цоколе, подавляет зрителя — хочется отойти подальше, чтобы лучше рассмотреть его. И только попав внутрь, по-настоящему начинаешь понимать, как он огромен. Сквозь яркие потоки света центрального барабана и окон противоположная стена кажется тонущей в дымке. Вероятно, желанием как можно больше осветить интерьер центрального нефа и можно объяснить устройство шестого, надапсидного купола во второй половине XIX века. Все стены, столбы и пилястры были отделаны искусственным разноцветным мрамором. Поверху шел широкий лепной карниз с золочеными деталями пышного орнамента. Столбы завершались лепными капителями, своды и купола покрывала светлая темперная роспись с архитектурным орнаментом, выполненным в технике гризайль, в нишах стояли серебряная и золоченая раки со «святыми мощами».

Вслед за окончанием собора в Ниловой пустыни приступили к укреплению берегов Столобного острова гранитными набережными. Собственно, эти работы велись и раньше. Сильные ветры, дующие с Кравотынского и Осташковского плесов, пригоняли с собой волны, разрушавшие берега острова. Сосланный в Нилову пустынь по приказу Синода митрополит Крутицкий Игнатий Смола, приверженец царицы Евдокии Лопухиной, первый занялся укреплением берегов дубовыми сваями, но они гнили, и их приходилось заменять. Судя по монастырским документам, гранитные набережные («стенки из дикого камня») частично возводились уже в середине XVIII века.

Формирование парадного монастырского фасада со стороны озера — Архиерейской пристани — началось в 1813 году, когда на берегу поставили павильон, украшенный портиками и шпилем. После постройки собора требовалось завершить оформление этой части острова. Воз-

двигнутая перед собором под наблюдением вольнопрактикующего архитектора из Саратова П. Н. Урюпина гранитная подпорная стена с чугунным парапетом, предохранявшая оползание почвы и служившая смотровой площадкой, стала как бы основой дальнейшего строительства гранитных набережных вокруг всего острова. Перед собором у Архиерейской пристани набережные сделали высокими, а дальше они местами понижались, поднимаясь над водой всего на три-четыре ряда блоков. Материал для них в изобилии добывали с окрестных полей. Длина блоков была различна, в зависимости от величины камня, а высота соблюдалась примерно одинаковая, чтобы легче было вести кладку. Блоки вплотную подгонялись друг к другу и только в верхних рядах и наиболее ответственных местах «дикоотесанный камень» набережных крепили металлическими пиронами и связями, гнезда для которых заливались свинцом. Проект гранитных набережных был разработан губернским архитектором И. Ф. Львовым, автором псевдо-

*Монастырь Нилова пустынь.
Архиерейская пристань.
1814. Монастырская
набережная. 1833—1851.
Архитектор И. Ф. Львов.
Светлицкая (Входная)
башня, 1868*

→

готических фасадов братских корпусов монастыря. Личность этого интересного и плодовитого зодчего, учившегося в «школе экспедиции Кремлевского строения», много и успешно трудившегося более четверти века в Тверской губернии, еще ждет своего исследователя. Работы по возведению набережных в пустыни велись хотя и по проекту архитектора, но без его непосредственного участия крестьянами села Яконово Новоторжского уезда — Иваном Тимофеевым и Агафоном Ивановым — и были закончены в основном в 50-е годы прошлого столетия.

Последняя крупная монастырская постройка — это надвратная Светлицкая башня (1863), стоящая на северо-восточном мысу Столобного острова. Башня возведена в запоздалых формах классицизма. Ее нижний ярус служил воротами, через которые проходили в монастырь, в верхнем помещались кельи привратника и сторожа, над барабаном поднимался высокий шпиль, где во время ненастья, пурги или бури на озере ночью зажигался фонарь. Много

позже пролив перед башней, отделявший остров от материка, почти полностью перегородили дамбой, ставшей главной дорогой в пустынь. После Светлицкой башни в монастыре уже не появлялись новые здания, хотя кое-какие ремонтные работы и переделки еще велись. Сюда, по старой памяти, толпами продолжали стекаться богомольцы, но среди них все меньше было тех, которые, заканчивая свой земной путь, могли отказать монастырю состояние или сделать богатый вклад. Именно в эти годы в пустыни, чтобы поддержать ее былое величие и привлечь богомольцев, налаживается массовый выпуск лубочных картинок, посуды с видами монастыря, медных иконок и крестиков, выпускаются массовым тиражом книги с историей и жизнеописанием столобенского отшельника, но все это способно было лишь поддержать монастырь, мало что добавляя к прежнему богатству. Нилова пустынь начала постепенно беднеть. Сократилось количество монахов и бесплатных рабочих рук трудников. Монастырь в начале нашего века пережил, как и город Осташков, недолгое оживление с открытием железнодорожной ветки Бологое — Великие Луки, но и оно длилось всего несколько лет. Началась первая мировая война. Пустынь становилась все менее нужной, а вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, когда здесь свила свое гнездо контрреволюция, молодой Республике Советов пришлось принять крайние меры — ликвидировать зревший в монастыре заговор и закрыть монастырь. На его территории была образована коммуна, затем детская трудовая колония. Во время Великой Отечественной войны тут был госпиталь. На высоком холме у пристани — братская могила воинов Советской Армии, умерших в госпитале от ран. После войны бывший монастырь вновь был отдан детям, а вскоре в нем разместился Дом престарелых. Сейчас в Ниловой пустыни находится турбаза «Рассвет», где можно получить снаряжение и отправиться в увлекательное путешествие по озеру. Обширные монастырские строения реставрируются и приспособляются под крупнейшую на Селигере базу отдыха, куда можно будет приезжать круглый год.

Неподалеку, километрах в семи от Ниловой пустыни, на берегу Селигера находится одно из древних сел Осташковского района — Кравотынь (давнее название обширному Кравотынскому плесу), где стоит интересный памятник архитектуры — Введенская церковь 1791 года. Дорога до села нетрудная, но лучше идти не по берегу Селигера, а

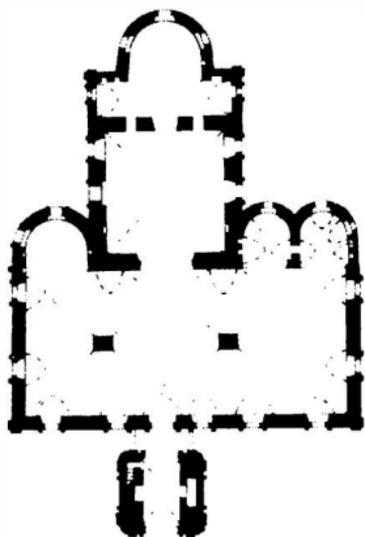
мимо небольшого озера Глубокое. Расстояние увеличится ненамного, тем более что обратно все равно возвращаться по побережью, и можно будет увидеть живописные селигерские места, связанные с событиями истории Русского государства, а также колокольню часовни Богоматери Троеручицы.

До конца XV века эти земли принадлежали новгородскому архиепископу, а после присоединения Новгорода к Московскому княжеству были взяты великим князем «на себя». В XVI веке окрестностями монастыря, куда входили села, сохранившиеся по сей день, — Зальцо, Пачково, Ляпино, Кравотынь, Глубокое — владел боярин Богдан Яковлевич Бельский, обласканный Грозным и подвергшийся опале при Годунове. У опального боярина кравотынская вотчина была взята в казну, а из казны в 1608 году перешла во владение к князю Борису Михайловичу Лыкову, которому царь Василий Шуйский пожаловал ее за победу над паном Ливовским. Князь Лыков владел Кравотынской вотчиной до самой смерти и завещал ее на поминание души Пафнутьев-Боровскому монастырю, который получал с нее доход вплоть до указа Екатерины II (1764 г.), когда вотчина вторично была отписана в казну. В смутное время польско-литовского нашествия в небольшом сельце Пески, раскинувшемся напротив монастыря, происходили переговоры русских и шведских послов. В переговорах участвовали посредники из Англии и Голландии.

Возникновение часовни Богоматери Троеручицы на озере Глубоком, по-видимому, связано с образованием монастыря Нилова пустынь. Отсюда монастырь впервые открывался идущему богомольцу, здесь же, покидая его, можно было в последний раз перекреститься на виднеющиеся вдали купола пустыни. Устройство подобных часовен при подходах к монастырям или городам было распространенным явлением.

Возле самой часовни пересекались две дороги и сходились границы земель нескольких ближайших сел. В таких местах обычно и возникали часовенки или ставились придорожные поклонные столбы с иконами. Кстати, икона с изображением Марии с тремя руками, держащей младенца Христа, находившаяся в часовне, особенно почиталась местными жителями. Один из историков прошлого века пытался даже объяснить возникновение тут часовни Троеручицы тем, что она «служит как бы безмолвным памятником бывшего при... совещании о мире трехсоставного (троеручного) посольства: Русского, Шведского и третьего, в качестве посредствующего к миру — Английского»⁵⁰,

*Село Кравотынь.
Введенская церковь.
1791—1802*

←

*Село Кравотынь.
Введенская церковь.
1791—1802. План.
Обмер автора
и архитектора В. И. Якубени*

почему-то забыв упомянуть Голландское. Часовня долгое время оставалась деревянной, и только в 1915 году построили каменную в традициях классической архитектуры. Сейчас от нее уцелела лишь невысокая колокольня да часть трапезной. С пригорка от колокольни открывается вид на озеро Глубокое в окружении темных хвойных лесов, а по другую сторону — на небольшое высохшее болотце, где осенью краснеет на кочках сочная клюква. Мимо часовни проходит песчаная дорога, круто взбирающаяся на холм и ведущая в село Кравотынь. Большая часть дороги идет вдоль побережья Селигера, но, чтобы попасть в село, надо обогнуть один из заливов Кравотынского плеса, глубоко врезающийся в материк. Когда-то залив был еще больше, и село казалось стоящим на полуострове. Сейчас на месте залива заболоченный луг с кочками, почти непроходимый в распутицу. Дальше на пологом холме виднеются главки кравотынской церкви.

Село Кравотынь очень древнее. В XVI веке оно стало

*Село Кравотынь.
Иконостас
Введенской церкви.
1791—1802*

центром волости и не раз фигурировало в различных документах. Например, известно, что когда этими землями владел боярин Бельский, в селе уже существовала деревянная церковь «Введения Пресвятыя Богородицы во Храм». Ее название сохранилось на долгие годы, и вновь выстроенная в конце XVIII века церковь была посвящена этому же празднику. Строительство Введенской церкви в селе Кравотынь происходило почти одновременно со строительством церкви в селе Верхние Котицы. Кравотынскую заложили вскоре после 1782 года, а к 1791 году она была готова. Окончательная отделка храма затянулась вплоть до 1802 года, но и после этого отдельностоящая колокольня и кровля еще долгое время оставались деревянными. Высокий двусветный четверик Введенской церкви, перекрытый сомкнутым сводом и увенчанный традиционным пятиглавием, — не новость в местном зодчестве. Первое, что замечаешь в памятнике, — это присутствие в его декоре, как и в котицкой церкви, фрагментов архитек-

турного наряда XVII столетия и то, что основные объемы остались по композиции близкими постройкам этого же времени. К высокому четверику храма примыкает обширная трапезная с двумя приделами, вытянутая с севера на юг, причем у южного придела две апсиды. Традиционные черты в объемах здания и в его декорации, наверное, были бы не так заметны, если бы не постаменты под барабанами, украшенные декоративными кокошниками, и сами барабаны, оформленные аркатурными поясками из полуколонок, перехваченных бусинами. На апсиде неожиданно вкраплена деталь, словно перенесенная сюда из XVII века, — киот, где некогда помещалась икона. Его обрамление напоминает форму киота колокольни Житенного монастыря. Внимательно приглядевшись к остальному убранству церкви, невольно приходишь к выводу, что и оно, несмотря на барочные формы, больше похоже на аппликативную декорацию XVII столетия.

В кравотынской церкви до недавнего времени сохранялся редкий по красоте иконостас, по-видимому, являвшийся произведением осташковских резчиков по дереву, которыми город славился в прошлом. Иконостас сделали сразу после завершения строительства и впоследствии он почти не менялся. Его украшали каннелированные пилястры ионического ордера, увитые гирляндами из роз. На резных царских вратах помещалась скульптурная композиция «Благовещение», над которой в облаках и сиянии восседал строгий мужиковатый Саваоф. Среди узоров орнамента повсюду были вкраплены головки херувимов, они же парили в резных облаках над иконами и украшали капители пилястр, а над дверями в жертвенник и диаконник летящие ангелы распахивали тяжелые балдахины. Теперь от всего этого великолепия почти ничего не осталось. Единственный в своем роде иконостас осташковских мастеров погубила безжалостная мода на коллекционирование предметов церковной утвари, икон и скульптуры. Лишь небольшую часть иконостаса — царские врата со сценой «Благовещения» — удалось вывезти в Осташков, и теперь она хранится в запаснике краеведческого музея.

Невысокая колокольня, стоящая рядом с церковью, построена в конце 20-х годов XIX века. Над квадратным основанием поднимается высокий круглый ярус звона, украшенный полуколонками, а еще выше — небольшой ярус-резонатор, увенчанный шпилем. В ее композиции и декорации нет произвольного смещения стилей. Все более строго, более сдержанно. Отдельные детали убранства фасадов, такие, как рустованные углы, замковый камень

в виде трилистника над входом, безордерные полуколонки и наивные фронтоны, говорят, что ее строили местные мастера и проект на нее если и был сделан архитектором, то претерпел в их руках существенные изменения.

С селом Кравотынь связано имя одного из интересных и малоизученных художников первой половины XVIII века — Мины Колокольниковца, родоначальника целой династии осташковских художников. Мина Колокольников вначале обучался у местных живописцев, а в 1726 году переехал в Петербург, где стал учеником у Ивана Никитича Никитина — знаменитого художника, пенсионера Петра I. Колокольников — единственный известный ученик И. Никитина. После того как Никитина сослали в Сибирь за участие в заговоре против императрицы Анны Иоанновны, Колокольников стал учеником придворного живописца Каравакка. С 1730-х годов начинается его самостоятельная деятельность: «Посылаем бывал на казенные работы в Москву, для писания в церкви Головинского дворца, портретов и других картин к Киевским триумфальным воротам и Красным триумфальным воротам, а в Санкт-Петербурге писал плафоны в Зимнем и Летнем дворцах и в Царском Селе и образа для дворцовых церквей»⁵¹. Из этого обширного перечня работ остается доподлинно известной только одна, хранящаяся в Калининской областной картинной галерее, — портрет князя Ивана Терентьевича Мещерского, исполненный в 1756 году. «В глубоко реалистическом портрете он дал удивительно меткую характеристику Мещерского со всеми его индивидуальными особенностями. Интересна композиция портрета — ее монументальность, с фигурой, почти полностью заполняющей все полотно, с известной суровостью колорита и выразительной простотой сочетания зеленого тона с красным»⁵².

Еще находясь в Ниловой пустыни, замечаешь, что некоторые дома в селе на другом берегу залива построены из кирпича. В Кравотыни такие дома образуют целые улицы. По своему размеру и композиции они мало чем отличаются от деревянных изб. Только строительный материал, оштукатуренные и побеленные фасады, декорация фронтонов которых подчас совершенно не похожа на привычную деревянную резьбу, выделяют эти избы из застройки улицы. Первая мысль, которая приходит при виде их, та, что кирпичные избы были выстроены какими-то зажиточными хозяевами в конце прошлого века или в начале нашего.

*Вид на село Заплавье
с озера Селигер
Фото Ю. Васильева.*

Однако кирпичные избы начинают попадаться все чаще. Чтобы окончательно убедиться в этом, надо посетить несколько сел, лежащих дальше за Кравотыню. Они находятся и на берегу озера и в нескольких километрах от него, поэтому, какой путь избрать — пешком или водой, вернувшись в Нилову пустынь, зависит от желания путешественника. Но лучше катером добраться до села Заплавье и оттуда продолжить знакомство с селигерским краем.

Село Заплавье лежит севернее Кравотыни. Бурный Кравотынский плес, по которому в ветреную погоду небезопасно плыть на небольших лодочках, постепенно сужается, превращается в протоку. С одной стороны подступают лесистые берега острова Хачина, с другой — покрытое не менее густым лесом побережье. Леса вокруг Заплавья — охотничий заповедник, где водятся даже медведи, а на болотах много всякой птицы. Заплавье с катера открывается неожиданно. В любую погоду, даже сквозь непрогляд-

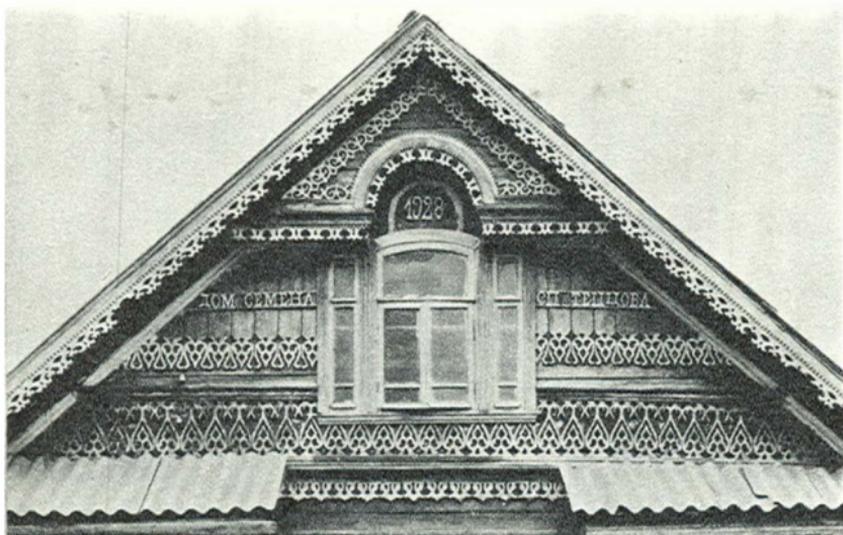
ную сетку осеннего дождя, оно выглядит необычайно чистым, приветливым. Летом, когда солнце скрывается только затем, чтобы выкупаться в озере, белые кубики домов, будто вымытые, стоят, тесно прижавшись друг к другу, и не сразу поймешь, сколь велико село. Его накрахмаленная белизна источает радостное сияние, постепенно исчезая на посеребренных временах срубах бань и сараев, поднимающихся прямо от воды. Вдоль берега на приколе покачивают носами лодки. Утром или вечером в безветрие они выглядят тяжелыми, словно отлитыми из чугуна. Но стоит теплоходу или катеру подойти поближе и расколыхать спокойную гладь воды, лодки весело запрыгают, закивают, приветствуя прибывших. Тут и там развешана на просушку паутина сетей. Заплавье — также одно из древних поселений на побережье Селигера. Его жители — коренные рыбаки. Это их предки славились искусством рыбной ловли и доставляли в Осташков рыбу, развозившуюся оттуда купцами в Москву, Петербург и в другие города России. Славилось Заплавье и своими резчиками по дереву. В селе изготовлялись в большом количестве деревянные скульптурки Нила Столобенского.

Только вступив на заплавский берег, понимаешь: самое удивительное еще впереди. При виде домов села невольно испытываешь изумление, и лишь много позже, пройдя по его нешироким улицам, обретаешь способность осмыслить увиденное. Почти все избы построены из кирпича и побелены, а фронтоны над светелками украшены архитектурным декором — пропиленной резьбой. Какую только эпоху, какой только стиль не обнаружишь среди этой декорации! Буквально на одном фасаде собраны поребрик с висячими полуколонками — мотив, характерный для XVII века, многообломные карнизы, типичные для барокко, пилястры с дентикулами — распространенная классическая декорация. Какие-то замысловатые фестоны, ширинки, подзоры, для которых не подберешь и определения, и все это непонятным образом уживается вместе, органично соединяется, не мешая одно другому. Все сочно, пластично, словно талантливый ребенок перелистал пособие по архитектурной декорации, вылепил запомнившиеся детали, узоры, фрагменты, не задумываясь о стилях, и, забавляясь, развесил их по фасадам. Так откуда же взялись здесь такие дома, кто их строил из кирпича в краю непроходимых лесов? Ответ на эти вопросы можно найти тут же. Большинство каменных изб — одноэтажные. Чердак напоминает не то светелку, не то мезонин. У некоторых домов он деревянный, и тогда сплошь покрыт пропиленной резьбой,

*Село Заплавье.
Светелка
дома Михайлы Спир.
Архипова.
Плотник Алексей
Федоров Мазов. 1916*

а у других — с кирпичной фасадной стенкой и деревянными боковыми, которые оштукатурены, чтобы придать им видимость кирпичных. Чтобы понять, почему боковые стенки чердаков-светелок не делали из кирпича, надо заглянуть внутрь избы. Оказывается, внутри никаких капитальных перегородок нет. Вся изба — четыре кирпичных стены, образующих в плане квадрат или прямоугольник. Поэтому продольным стенкам чердаков, если бы их сделали из кирпича, было бы не на что опереться. Но интересны эти чердаки-светелки не только своим сходством с мезонином и не тем, что помещения их, оставаясь холодными, не использовались совсем или использовались только в летнее время. Интересны они своим декором и пропиленной резьбой, сплошь покрывавшей фронтоны чердаков-светелок и простенки между окон, если дом был деревянным. Среди пропиленного кружева узора неожиданно замечаешь надписи, повествующие о владельцах избы, о том, когда и кем она построена. Буквы надписей тоже выпилены

*Село Заплавье.
Фронтон дома Семена
Ст. Тепцова. 1928*

из дерева. Иногда в тексте с именем и фамилией владельца и строителя встречаются наивные орфографические ошибки или произвольные сокращения, говорящие о невысокой грамотности его создателей. В самой вершине фронтона, как правило, надпись с именем владельца избы и датой ее построения, к примеру, такого содержания: 1910 Г СЕИ ДОМЪ БРАТЬЕВЪ КАРПОВЫХЪ ИВ ПАВ ФЕ (то есть Иван, Павел, Федот или Федор). В основании же фронтона — автограф строителя: ПЛОТНИКЪ АЛЕКСАНДРА МИТРИЕВЪ АКОВИ. Пропильная резьба по полю и в простенках простого рисунка из повторяющихся растительных раппортов орнамента, сделанных по шаблону. Но из-за того, что орнамент сплошь покрывает фронтон, он кажется очень сложным. Надписи, искусно вкрапленные в рисунок, дополняют его и сами порой похожи на фантастические травы.

— Кто делал эту резьбу? — спросили мы местных жителей.

*Село Заплавье.
Жилые дома начала XX в.*

— Даст мастер какому-нибудь мальчишке-ученику рисунок, тот и сидит целый день, пилкой выпиливает, — ответили нам.

— А кто были эти мастера?

— Да местные или из соседних сел приходили. Иногда издалека. По весне артелью нанимались к хозяину и за лето избу ставили.

Вскоре, попав в село Святое, мы сами убедились в этом. На одном из домов красовалась подробная надпись, с гордостью повествующая о заказчике и строителе: ПЛОТНИКЪ ЯКОВЪ ДМИТРИЕВЪ ОРЛОВЪ ДЕРЕВНИ ЗАМОШНЯ ДОМЪ ИВАНА ФЕОДОРОВА ГУСТЫШКИНЪ 1914 ГОДА. Так вот кто был строителем этих деревень из кирпичных изб — местные жители! (Деревня Замошня входила в состав Осташковского уезда, ныне — Осташковский район.)

В надписях на домах мастер-строитель называется плотником, вне зависимости от того, какая это изба — деревян-

ная или кирпичная. Один и тот же человек рубил деревянный дом и клал кирпичный. В Заплавье сразу три дома почти одновременно построены плотником Алексеем Федоровичем Мазовым. Два из них — кирпичные, а один — деревянный. (Надпись на одном из домов почти полностью исчезла и с трудом угадывается по отпечаткам букв.) Есть еще в селе две избы, вероятно, также построенные одним мастером. На деревянной избе он назван полным именем — ПЛОТНИКЪ АЛЕКСАНДРА МИТРИЕВЪ АКОВИ, а в надписи на кирпичной — сокращенным — ПЛОТНИКЪ АЛЕКСАНДРЪ МИТРИЕВЪ. Точно так же и в соседних селах плотниками названы строители кирпичных изб. Например, в селе Святое на двух домах надписи с любопытным содержанием: ПЛОТАЛИ АБРАТ СЪ БРАТЬЯМ СУРКОВЫ 1913 ГОДА и ПЛАТАЛ ТА БРАТ СЪ БРАТЬЯМИ СУРКОВЫ 1914 ГОД. Там же есть еще одна кирпичная изба, удивительно похожая на предыдущие и, по преданию, построенная теми же плотниками, но на ней, к сожалению, надпись отсутствует.

— Почему у вас в селах строили дома из кирпича? — задали мы вопрос одному плотнику, чинившему свою избу.

— Лес был дорогой, — ответил он нам. — Берегли его. Рубили только на продажу, а для себя строили из кирпича.

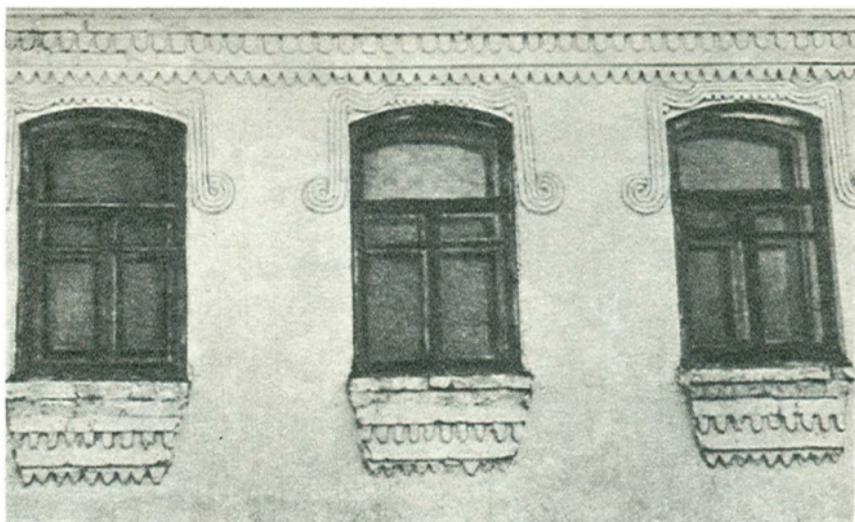
— А где кирпич брали? Покупали?

— Нет. Сами обжигали. Вот, к примеру, мой отец, когда женился, дед его отделил. Он с братом намесил глины, и сам кирпичу сколько надо, столько и приготовил. Потом избу сам поклат.

— А ваш отец плотником был?

— Да тогда все тут плотниками были. Строили сами для себя. Мир или родственники помогали. Правда, были и такие, которые этим ремеслом промышляли. Артелью работали. Но артель нанимали те, кто побогаче был. А так сами для себя делали. Глины да песка нам не занимать. Вон сколько вокруг.

Действительно, при ближайшем рассмотрении кирпич оказался самодельным, местами плохо обожженным, тесто грубое, с примесью крупного песка и камешков. Размеры его тоже были разные. Фигурного лекального кирпича, необходимого для выкладки архитектурного декора, почти нет; только кирпичи со скругленными тычками, применявшиеся в выкладке полуколонок, да изредка встречается кирпич с заостренным тычком — вот и весь нехитрый набор, из которого составлялся узор. Когда же мастеру хотелось украсить дом более сложным орнаментом, то кир-

*Село Красуха.
Наличники окон*

пич просто-напросто тесали. Поэтому, несмотря на кажущееся обилие орнаментальных форм, декор очень прост и состоит из набора однородных деталей, по-разному варьирувавшихся в кладке, и зависит рисунок от вкуса заказчика или строителя. В соседних с Заплавьем селах декор фасадов менее развит. На некоторых домах его нет совсем или же узоры на стенах лепные. Именно по таким узорам особенно остро чувствуется, как плотник, запомнив увиденные где-то орнаменты, стремился воспроизвести их. Тут и картуши, обработанные «под шубу», расплзлись по плоскости стены, тут и вылепленные, словно из теста, жгуты, рисунок которых трогательно похож на очертания орнамента столичного модерна. Часто в оформлении фасадов наивно воспроизводятся человеческие черты: подзор под окном с кирпичным декором клином и наличник будто с прической на прямой пробор удивительно напоминают бородатого мужика. На другой избе плотник к окну приделал развесистые уши, и оно от этого расплылось в какой-

*Фрагмент
декоративного убранства
каменного жилого дома*

то добродушной улыбке. А на избе в селе Лежневе пилястры превратились в баб, размахивающих в танце руками. Установить имена сотворивших такой орнамент можно не всегда. Надписи на многих домах исчезли, поломались, осыпались. Кое-где их, видимо, не было совсем, а кое-где они говорят только о владельце дома и ничего — о его строителе. Наблюдается лишь интересная закономерность. Избы с пространственными надписями отличаются и большими размерами. Вероятно, их строили артели, и надпись служила для такой артели своего рода рекламой. Орнаментальный узор этих домов, возможно, становился образцом на селе, и его копировали, варьируя, другие. Удалось проследить и еще одну любопытную деталь — это границы распространения изб из кирпича и примерное время их создания. Кирпичные деревни сосредоточены в основном на восточном берегу озера Селигер. Появляются они в районе монастыря Нилова пустынь, сначала отдельными постройками, затем севернее из кирпича строится большинство домов в селе.

Похожие избы можно видеть в селах Новгородской области, граничащих с Калининской, где они возникли, вероятно, даже раньше. Вдоль западного же побережья озера Селигер таких домов почти нет. Не исключено, что это связано с более удобными дорогами, проходившими по восточному берегу, вдоль которых стояли богатые села.

Время возникновения каменных изб устанавливается довольно точно. Каменные избы стали строить на новгородчине в середине XIX века, откуда они быстро распространились по всему восточному побережью Селигера, а продолжали их строить вплоть до 30-х годов нашего времени. На более поздних домах орнамент несколько меняется, становится сдержаннее. Появляются узоры с новым содержанием, где хотя примитивно, но все-таки нашли отражение черты нового уклада жизни села.

Излюбленным мотивом становятся звезды, серп и молот, а на одном из домов в селе Мошенке плотник попытался воспроизвести целую символическую композицию, изобразив Спасскую башню Кремля, с лучами, расходящимися от звезды, и по сторонам ее — фигуры двух людей, шагающих в этих лучах.

Бродить по деревням вокруг Заплавья очень интересно. Все они разные, совершенно непохожи друг на друга. Деревни расположены по берегам речушек и протоков, соединяющих внутренние озера с Селигером, вдоль его заливов, далеко растекшихся по впадинам и ложбинам и глубоко прорезавших материк; некоторые же из них «при ключах или при колодцах». Тот, кого заинтересуют этнографические особенности края и крестьянское жилое строительство, найдет здесь неисчерпаемый материал. Ведь в научной историко-этнографической литературе об этих местах не написано почти ни строчки. А тот, кто пожелает продолжить знакомство с архитектурой XVIII—XIX столетий, может посетить еще три пункта. До одного из них — села Сосница — легко доплыть катером из Заплавья. В селе стоит церковь, видная сразу же, как катер выйдет на Сосницкий плес. Церковь построена во второй половине XVIII века, а недалеко от нее небольшой парк поздней помещицкой усадьбы и дом. Сама церковь была сильно перестроена в прошлом веке. Без переделок уцелел только первоначальный объем храма — восьмерик на двусветном четверике, интересный тем, что он имеет много общего с памятниками Осташкова и его ближайших сел. Однако и тут есть детали, которые не встречаются больше нигде. Например, лучковые фронтоны, венчающие по сторонам света грани восьмерика, и пояс декоративных кокошников, утративших свое киле-

*Село Щучье.
Успенская церковь.
1778—1790*

видное завершение, превратившихся в своего рода карниз, отделяющий четверик от восьмерика.

До двух других памятников — в селах Щучье и Трестино — можно добраться из Заплавья пешком или на попутных машинах. У этого пути есть свое неудобство — хотя дорога туда проходит через множество сел, с которыми можно познакомиться, но она очень трудная. Если на катере вернуться в Осташков, то из города попасть в эти села проще.

Село Щучье, принадлежавшее в XVII веке боярину Ивану Романову, находится на берегу Щучьего озера, километрах в семи-восьми на север от станции Горовостица, тогда как Трестино примерно на таком же от станции расстоянии на юг. Строительная история Успенской церкви села Щучье не отличается от истории многих сельских церквей. После того как в 1778 году сгорела деревянная Никольская церковь, началось строительство каменной. Вначале буквально за один год возвели трапезную с южным Никольским

приделом, а храм, посвященный празднику Успенья, достраивали вплоть до 1790 года. Вскоре после освящения трапезной и южного придела к ним с запада пристроили колокольню, а северный придел сделали только после 1864 года, тщательно повторив декор старых частей здания. Невысокая каменная ограда вокруг церкви со святыми воротами, крытая тесом, появилась в самом конце XVIII или в начале XIX столетия. По композиции Успенская церковь отличается от осташковских построек этого времени. Тип храма — восьмерик на двусветном четверике, с граненой апсидой и трапезной с южным приделом — остается в рамках традиций, а приземистые пропорции и особенно убранство — совершенно иные, нежели у тех зданий, которые приходилось видеть прежде. Объемы церкви подчеркнута массивные, декор много проще, в нем нет того причудливого «узорочья», как в церкви села Рогожи, преобладают строгие прямые линии. Храм венчает широкая приплюснутая глава на тонком барабане. Формы ее напоминают главу деревянной церкви в Ширковом погосте конца XVII века, а во всем объеме здания многое сохранилось от массивных грузных построек предшествующего столетия. По сравнению с храмом колокольня кажется изящной. Не исключено, что ее строила другая артель каменщиков — очень уж она похожа на колокольню Преображенской церкви в Осташкове и на несохранившуюся колокольню Корсунского собора в Торопце. Это сходство с последней особенно велико при ее сравнении с изображением торопецкого Корсунского собора на гравюре прошлого века, где художник несколько стилизовал формы, опустив отдельные детали.

В отличие от этого памятника Христорожденственная церковь в селе Трестино — типичный пример постройки позднего классицизма. Разрешение на ее строительство было дано в 1820 году, а освящена она была в 1847 году. Возводилось здание явно «по плану и фасаду», составленному архитектором, и оно имеет много общих черт с «высочайше опробованными образцовыми проектами», рекомендованными для строительства церквей в селах. О том, что в основу этого здания положен проект, составленный архитектором, достаточно ясно видно по тому, как исполнен венчающий храм восьмерик — граненый снаружи, он сделан внутри круглым. Этот прием неизвестен мастерам-каменщикам, строившим в селах прежде, к тому же оформление фасадов храма пилястровым портиком, увенчанным фронтоном, декор трапезной, воспроизводящий форму тройного, «венецианского», окна и даже такая мелочь, как по-

становка вокруг завершающего храм барабана круглой металлической ограды, — все это дело рук архитектора академического толка, хорошо знакомого с классическими формами. Само же техническое исполнение проекта и его деталей несколько грубовато. Некоторые части декора, простодушно-наивные, как, например, капители пилястр у колокольни, а также обработка карнизов, выдают руку неискушенных в столичных тонкостях умельцев, старательно исполнявших составленный проект.

То, как местные каменщики осваивали классические формы, как они изменялись у них в руках и что из этого получалось, нам еще не раз предстоит увидеть в путешествии по окрестностям города и западному побережью озера Селигер к истокам реки Волги, а оттуда вниз по верхневолжским озерам. Начало же этого маршрута — в городе Осташкове.

4. По западному побережью Селигера

Путешествие по западному побережью Селигера и к истокам Волги начнется от ставшей уже знакомой Осташковской пристани, где перед отплытием катера царит обычная в этих случаях толчея. Местные жители, приплывшие в город по делам или за покупками, стоят степенно, с улыбкой поглядывая на шумящих туристов, которые резко выделяются среди пассажиров своим походным снаряжением. Среди них сразу же узнаешь рыбаков, не раз побывавших на Селигере и вновь решивших попытать тут свое рыбацкое счастье. Они не суетятся, никуда не торопятся, а терпеливо ждут чуть поодаль, обсуждая места предстоящих стоянок и обмениваясь впечатлениями от предыдущих уловов. Но вот начинается посадка. Недолгая суматоха в узком проходе, наконец все устраиваются и успокаиваются. Кто-то непременно опоздает и будет бежать по пристани, нелепо размахивая купленными билетами и смешно подбрасывая на спине тяжелый рюкзак. Прощальный традиционный гудок всегда неожидан. Под ногами в глубине начинает что-то урчать, палуба чуть-чуть вибрировать, трап убирается. Вдруг катер слегка дрогнет, и берег станет плавно удаляться. Город отодвигается все дальше и дальше, пристань и ближайšie к ней дома растворяются в общей панораме береговой застройки, вот наконец сам Осташков открывается с озера полностью, мелкие детали все больше стираются, и городские кварталы будто подравниваются. Катер резко поворачивает влево и идет плесом между островами Городомля и Кличен. Это так называемый Средний плес, или, как его окрестили в на-

*Погост
Николо-Рожок.
Успенская церковь.
1763—1768.
Колокольня
второй половины XVIII в.*

роде, «чертовы ворота», — самое бурное место на Селигере. Здесь часто даже в тихую безветренную погоду гуляют большие волны. Прямо впереди по курсу еще издали на высоком холме над лесом встает стройная колокольня и пятиглавая церковь погоста Никола-Рожок — первая остановка на этом маршруте. С пристани Заречье хорошо видно, как прямо из воды круто поднимается холм, заросший деревьями, среди которых стоит церковь. Если же забраться на этот холм, то станет ясно — это небольшой полуостров, имеющий очертание изогнутого рога. За такую форму полуостров и получил название Рожок, а второе наименование — Никола — сохранилось от существовавшего здесь долгое время Никольского монастыря, упраздненного в XVII столетии. Однако поселение на рожковском мысу возникло много раньше. В IX веке жившие тут кривичи торговали со скандинавскими и прибалтийскими странами. При археологических раскопках были найдены перстни, бусы, шиферные пряслица. Жители занимались

ювелирным ремеслом, изготавливая бронзовые украшения, получившие распространение только на Селигере. Среди археологических находок железные ножи, зернотерки, глиняные льячки, грузила для рыбной ловли и обломки посуды.

В XV столетии здесь была большая слобода, принадлежавшая ржевскому удельному князю Константину Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского. В 1434 году князь Константин незадолго до смерти постригся в московский Симонов монастырь, приняв имя Кассиана. Когда же он умер, то на поминание «по своей душе и своим братьям» великий князь московский Василий Дмитриевич, по сообщению Карамзина в «Истории государства Российского», пожаловал в Симонов монастырь во Ржевском уезде слободу Рожок с деревнями, с озерами и угодьями, а также церковь во имя чудотворца Николая. Поселившимися тут монахами и был основан первый мужской монастырь — оплот великокняжеской власти на окраинных землях. Расположенный на высоком холме, с которого видны окрестные острова и противоположный берег Селигера, монастырь стал не только местом затворничества монахов, но при случае мог предупредить об опасности со стороны беспокойных западных соседей.

С последними лучами заходящего солнца, когда над озером повисают темные грозовые тучи, окрестности наполняются багряными отблесками заката и в сочетании с густой окраской глубоких проток, по которым вытягиваются длинные тени-пики, становятся особенно живописными. От них будто веет первозданным хаосом. Может быть, именно таким предстал Селигер перед взором писателя-историка И. И. Лопатина, известного автора увлекательных книг о Москве, на всю жизнь полюбившего эти места, да так и не захотевшего расстаться с ними, а после смерти завещавшего похоронить себя на крутом мысу рожковского кладбища. Могила писателя с памятником из гранита, на котором высечен его профиль, — недалеко от церкви, возле кладбищенской ограды.

Николо-Рожковскому монастырю в древности, по-видимому, долгое время придавалось большое значение. Например, в 1460 году великий князь Василий Темный освобождает его от всякой дани сроком на десять лет, в 1499 году волоцкий князь Федор Борисович жалует ему земли, а в годы опричнины Иоанн Васильевич Грозный освобождает крестьян Рожковской вотчины «от всех царских податей, кроме ямских денег и посошной службы и городского дела»⁵³. Однако монастырю не хватало своего мест-

*Погост
Николо-Рожок.
Южный фасад
Успенской церкви.
1763—1768*

ночтимого святого, и таким святым становится столбенский отшельник Нил. Именно монахи этого монастыря стали позже основателями Ниловой пустыни. Но с образованием ее рожковский монастырь стал ненужным в этом крае и вскоре после литовского разорения прекратил свое существование. На его месте осталась слобода. «В означенном погосте нашем Рожке две церкви деревянные... а оные церкви весьма обветшали, а мы... желаем вместо оных церквей, новую каменную... построить»⁵⁴, — написано в прошении прихожан слободы в Тверскую духовную консисторию в 1763 году.

Через пять лет Успенская церковь с трапезной и южным Никольским приделом была закончена, а спустя лет десять рядом с ней с южной стороны возвели высокую, отдельно стоящую надвратную колокольню и кладбище вокруг церкви обнесли каменной оградой с башнями. В 1859—1863 годах церковь была несколько перестроена: с севера к трапезной добавлен еще один придел, а с юга и с запада —

притворы. Успенская церковь погоста Никола-Рожок — удивительный пример живучести традиций в местной архитектуре, их сочетания с пришедшим на смену стилем барокко. Основа композиции Успенской церкви — хорошо известный тип храма: двусветный четверик, перекрытый сомкнутым сводом и увенчанный пятиглавием. С востока — граненая апсида, с запада — трапезная с приделом. Четверик завершен двумя рядами кокошников. Причем нижний ряд — само завершение четверика, а верхний трактован как «трибун» под массивное пятиглавие. Квадратные постаменты под барабанами глав также с кокошниками, а сами барабаны — с аркатурными поясами из полуколоннок с перехватами. На углах кокошники второго яруса, обегая по периметру трибуна, ломаются пополам, одновременно выходя на два фасада, — мотив, встречающийся в конце XVII века в Осташкове у Троицкого собора и в Торопце у церкви Спасо-Преображения. Поребрик, проходящий по верхнему ярусу четверика, по барабанам пятиглавия и дополняющий профилировку кокошников, — деталь, заимствованная от более ранних построек. А вот базы пилястр, наличники окон «с ушами» на трапезной храма и апсиде, завершение окон сделаны уже по образцу декорации, распространенной в 60-х годах XVIII столетия в Торопце и Осташкове. Не забыт даже замковый камень над окнами в форме трилистника, и базы пилястр на трапезной украшены заглубленным равноконечным крестом — деталь, которую можно видеть, к примеру, у церкви села Сосницы. При расширении трапезной прежние особенности убранства фасадов были повторены, и надо внимательно приглядеться, чтобы уловить разницу между старыми и новыми частями здания.

В отличие от церкви колокольня — характерный пример местной барочной архитектуры. Она имеет много общих черт с колокольней Троицкого собора в Осташкове и с надвратной церковью Петра и Павла в Ниловой пустыни.

Когда мысленно возвращаешься к памятникам Осташкова и его ближайших сел, вызывая в памяти увиденное, просматривая шаг за шагом развитие архитектуры этих мест, то удивляешься не столько приверженности местных мастеров традиционным формам, сколько поиску, характеризующему творчество здешних мастеров. Иногда это выглядело несколько наивно, как, например, декорация церкви Верхних Котиц, иногда нарочито, даже чуть-чуть манерно, как в церкви села Рогожи, или прямолинейно, как в церкви на рожковском мысу, но поиск этот был постоянен, его

можно увидеть почти в каждом здании той поры. Строившие их мастера, составляли сравнительно немногочисленные артели, представлявшие сложное явление в культурной жизни России тех лет. Все эти артели на необозримых просторах Русского государства послепетровского периода объединяло стремление к сохранению традиционных приемов строительства, целенаправленный отбор, переосмысление, заимствование и преломление в своем творчестве того, что давала им столица. Своеобразное понимание стилистических особенностей в сочетании с традиционным наследием определяло оригинальность строительства на местах подчас в пределах одного города или уезда. Причем это своеобразие было настолько ярко выражено, что речь теперь может идти если не о специфике формирования архитектурных школ, то, во всяком случае, о сложении архитектурных традиций в отдельных местностях, особенно таких, как Селигерский край.

Отсюда, с мыса Никола-Рожок, хорошо виден самый большой остров на Селигере — Хачин, омываемый с юга водами Осташковского, с востока — Кравотынского, а с запада — Троицкого плесов и Непринской протокой. Старые сосны на нем заросли седым лишайником. Корявые нижние ветви высохли, и с них белыми прядями свисает мох. Крепкие корневища переплелись, выпучились из-под земли. В жаркую погоду на янтарных стволах сосен играют солнечные блики, сквозь кору проступают сверкающие капельки смолы и от нее струится томная испарина. Ночью лес на острове наполняется таинственными голосами, пугающими шорохами. Жалобно кричит у озера птица — «в-ы-ы-ы-пъ», в чаще глухо пыхтит филин. С плеса по туману чуть слышно приплывает воркотня лодочного мотора. Затихая, она сменяется надоедливым комариным гудением. Где-то рядом проверещит какая-то птица, напуганная ночным хищником. По опавшей хвое, крадучись, прошуршит мелкая зверушка. Упадет отсохшая ветка или шишка. В мягком мхе загораются светлячки. Деревья под лунным светом становятся пятнистыми. Высоко в небе ярко блещут звезды. Рассвет на Хачин приходит поздно. Лучи солнца, не в силах проникнуть сквозь густую хвою, просачиваются тонкими струйками, искрясь всеми красками.

Как и все на Селигере — Хачин необычайный остров. На нем несколько внутренних озер. Все они проточные, соединены между собой и с Селигером, но спрятаны в самую глушь леса и найти их нелегко. Берега озер высокие и обрывистые. Их окружают стайки лиственных деревьев, или, как тут говорят, «березовый котлован». Если летом в жару

вдруг повеет прохладой и заметишь «березовый котлован» — значит, близко какое-то озеро. Все озера с характерными названиями. Гнилецкое — гложущее, заболоченное, к которому нет подхода; вязкие, топкие берега заросли камышами и осокой, и только в центре — желтые кувшинки и царственные лилии. В озере Пустом лучше не пытаться ловить рыбу. А вот Щучье, Карасево, Плотвичье и Остеречье всегда славились своим изобилием. В Щучьем водятся щуки, в Карасевом — конечно, караси, Плотвичье — предпочитает плотва, Остеречье — прожорливые окуни. Озера Белое и Черное овальной формы. Черное — маленькое, очень глубокое, похоже на большую чашу, втиснутую между сосен. Вода в нем всегда темная. Оно неприветливое, настороженное, суровое. Ни лилии, ни кувшинки не украшают его. А совсем рядом — светлое и прозрачное Белое озеро. Когда-то оно считалось чудодейственным. Если в его воде выкупаться, то человек некрасивый будто бы становился красавцем, а старик выходил из воды помолодевшим. Много ли людей нашло тут свое счастье — об этом предание умалчивает.

В XVII веке в южной оконечности острова Хачина, напротив деревни Неприя, на том месте, где существовал древний волок, монахи Ниловой пустыни и жители западного побережья прорыли канал протяженностью двести метров — Нектариеву копаницу, — названную так по имени настоятеля монастыря. Несколько позже имя настоятеля забылось, канал увеличили и все чаще стали называть его просто Копанка. Сейчас Копанка стала неширокой, вдоль нее вырос высокий лиственный лес. По этому каналу доставлялся на строительство монастыря Нилова пустынь кирпич, который обжигали на полуострове Коровьем, подаренном в XVII веке монастырю боярином Ртищевым.

В 1941 году рядом с деревней Неприя проходил передний край обороны. Сейчас на мысу вблизи пристани того же названия стоит памятник боевой славы — 122-миллиметровая гаубица. На постаменте надпись: «Отсюда люди гнали прочь войну»⁵⁵. Здесь в морозные декабрьские дни началось наступление частей Советской Армии.

Недалеко от этого места, на другом берегу озера, в ольховых зарослях виднеется церковь Троицы на Переволоке. Само наименование церкви говорит о многом. В древности тут проходил волок, где суда волокли из одной части озера в другую узким, шириной не более полукилометра, перешейком, которым полуостров соединяется с материком. Обогнуть полуостров на веслах или под парусами, когда дует встречный ветер, не так-то просто, долго, а порой и

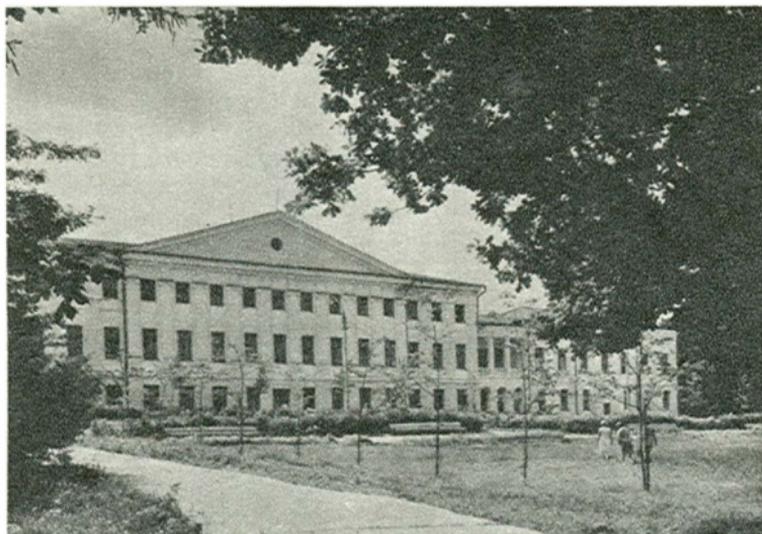
*Церковь Троицы
на Переволоке.
1852*

опасно. Было гораздо проще перетащить ладьи с плеса на плес. Здесь стояла деревянная церковь, построенная в XVII столетии, но она сгорела в 30-х годах прошлого века, и прихожанам было дано от духовной консистории разрешение построить новую, каменную церковь. Приход, видимо, был очень беден, своих средств собрать не мог, поэтому ему выдали так называемую «сборную книгу», куда заносились все пожертвования. «Доброхотных жертвователей» в этом глухом крае оказалось немного, и лишь в 1852 году освятили новую Троицкую церковь. Подрядчиком строительных работ был осташковский мастер Павел Сергеевич Толстяков. Во всей округе — это отличное от других здание. В то время, когда традиции строгой поздней классики продолжали жить в провинциальной архитектуре, когда местные мастера еще совсем недавно обращались к наследию XVII века, здесь, в глуши, возвели храм в русско-византийских формах, отвечающий новым веяниям столичного зодчества. Можно лишь догадываться,

нравились такие сооружения местным жителям или нет. Скорее всего, огромные арки порталов Троицкой церкви, высоко поднятые над землей, открытое свободное пространство здания с обилием света производили впечатление на прихожан и волновали их воображение. Немало этому способствовало и местоположение церкви на высоком перешейке между двух плесов Селигера. До сих пор Троицкая церковь — один из ярких примеров того, как здание может сродниться с пейзажем, стать неотъемлемой его частью, не только вписавшись в него, а органично закончив творение природы.

От Троицкой церкви примерно четверть часа катером до усадьбы Бухвостово. Если же плыть теплоходом, то от пристани Дубово надо пройти километра два пешком вдоль одного из живописных заливов Селигера, пересечь узкий перецеек, отделяющий его от озера Святого, и выйти на обширный Дударницкий плес. «Лука Дударница, — по описанию члена Академии наук Н. Озерецковского, посетившего Селигер в самом начале прошлого столетия, — принадлежала помещику Андрею Феоктистовичу Толстому... славна и примечательна тем, что в ней собирается рыба, из многих мест, самая лучшая и в значительном количестве»⁵⁶. Здесь, на дударницком побережье, и находится усадьба Бухвостово — бывшее имение Толстых. Прямо от самой воды начинается парк, а за ним виднеется господский дом. В парке уцелело несколько исполинских серебристых тополей. Эти деревья были привезены сюда владельцами усадьбы. Поздней осенью, когда вся листва вокруг становится желто-багровой, бархатная серебристая поверхность листьев тополей начинает блестеть еще ярче. Господский двухэтажный дом, привлекавший внимание издалека, вблизи оказывается менее интересным. Его, по видимому, построили в начале XIX века, но потом сильно переделали, изменили фасады и добавили новые комнаты. Вот как описывает свое пребывание в этом доме Н. Озерецковский: «Я пробыл несколько времени у господ Толстых, с тем, чтобы из окон каменного их дома разглядеть озеро Селигер или иначе луку его, против которой, за другою длинною лукою, стоит каменный господский дом, также одного покойного Толстова»⁵⁷.

Этот дом «за другою длинною лукою» в селе Новые Ельцы виден и сейчас из Бухвостова. Принадлежал он дальним родственникам бухвостовских помещиков. (Чтобы попасть туда, надо вернуться на пристань или переправиться через озеро на лодке.) Помещики Толстые, владельцы усадеб Новые Ельцы и Бухвостово, — дальняя ветвь семьи графов

*Усадьба Новые Ельцы.
Главный дом
начала XIX в.*

Толстых. Свою родословную, так же как и графы, они возводили к легендарному Индресу, выехавшему в Чернигов «из Цасарские земли» (немецкие) в 1353 году с двумя сыновьями и якобы с дружиною в три тысячи человек и принявшего при крещении имя Леонтия. Потомок этого Индреса получил от великого князя Василия Темного прозвище Толстого, от него и пошла многочисленная графская и дворянская фамилия Толстых. Предки осташковских помещиков в XVII столетии служили ржевскими стольниками. Тогда же они получили земли на Селигере. Впоследствии эта ветвь Толстых, в отличие от графской, оставалась малоизвестной. Некоторые из них, правда, имели генеральские чины, были уездными предводителями дворянства, но в основном вся их деятельность направлялась на устройство родовых вотчин.

В Ельцах в 1791 году родился поэт Яков Николаевич Толстой, бывший одно время близким другом А. С. Пушкина и членом литературного кружка «Зеленая лампа».

«Все те же ль вы, друзья веселья,
 Друзья Киприды и стихов?
 Часы любви, часы похмелья
 По-прежнему ль летят на зов
 Свободы, лени и безделья?» —

обращался к нему А. С. Пушкин в письме из Молдавии. Двадцатилетним юношей Яков Николаевич участвовал в войне 1812 года, был награжден орденом Святого Владимира с лентой и в 1817 году стал адъютантом у генерала Закревского. В это время в Петербурге у Всеволожских начал собираться кружок молодых поэтов и писателей, получивший название «Зеленая лампа». Членами кружка были Д. Н. Барков, А. И. Якубович, П. П. Каверин, братья Александр и Лев Пушкины. Многие члены этого кружка впоследствии выйдут на Сенатскую площадь. Здесь, у Всеволожских, и состоялось первое знакомство блестящего офицера Я. Н. Толстого и только что окончившего лицей А. С. Пушкина. Вскоре кружок перебрался на квартиру к Я. Н. Толстому, но начавшейся дружбе между ним и Пушкиным было суждено навсегда прерваться. «Минутные друзья минутной молодости», — с горечью скажет поэт, вспоминая эти годы. Вначале А. С. Пушкин вынужден был оставить Петербург, а затем Я. Н. Толстой уехал за границу лечиться, где и узнал о выступлении на Сенатской площади. Умер Я. Н. Толстой в Париже в 1867 году, где и был похоронен.

Отсутствие обширных пахотных земель на Селигере не позволяло местным помещикам ограничиваться только сельским хозяйством, поэтому в усадьбе Ельцы очень рано появляются ткацкие фабрики: «...при сем сиром доме церковь Воскресения Христова и каменная фабрика, на которой ткут и приготавлиют белением ревендук, фламское полотно и парусину»⁵⁸, — записал Н. Озерецковский, вероятно, со слов бухвостовских помещиков. Называя «сирым» дом в Ельцах, путешественник был непоследовательным в своих оценках. Несколькими страницами выше он совсем иначе описывает эту усадьбу: «Село Ельцы г-д Толстых, при коем церковь богатая каменная, дом каменный о 3 этажах, полотняная фабрика на 70 станках, кожевенный завод — тут был прежде всего театр, музыка духовая и роговая, певчие и перевоз на противоположную сторону»⁵⁹. После отмены крепостного права владельцы усадьбы быстро разорились, и имение пришло в упадок, но воспоминания о прежней поре еще долгое время оставались живы: «Пароход приближался к имению Ельцы... с церковью и большим барским домом... Вон впереди виднеется дом, так

разве только одно Юсуповское имение с ним может сравниться. Было Толстых, теперь Сафонова — ... И чего только в этом доме не было: и театр и тюрьма для крестьян... — и зала танцевальная, точно церковь, в два света, а наверху хоры. А сад... какой только чертовщины там нет...»,⁶⁰ — записал свой разговор с крестьянином один из посетивших эти места в конце прошлого века.

Ныне в усадьбе разместилась крупнейшая на озере турбаза «Селигер». Прямо от пристани начинается широкая дорога, ведущая к главному дому. Небольшие одноэтажные домишки середины прошлого века при подходе к нему предназначались, по-видимому, для управляющего имением. Бывший барский дом, стоящий на вершине холма в центре усадьбы, поражает необычайной величиной. Таких огромных хором увидишь немного на территории Калининской области. Здание построено в классическом стиле, вероятно, в самом начале XIX века. Центральная часть — со стороны главного фасада первоначально была в два этажа с мезонином — украшена десятипилястровым портиком ионического ордера и большим гладким фронтоном. Справа и слева открытая аркада галерей соединяет центр с боковыми флигелями. Галереи и центральную часть дома не так давно надстроили, точно так же, как и одноэтажные флигеля. Парковый фасад несколько иной. Вместо пилястрового портика центр выделен пятью полуротондами. Между маленькими полуротондами — небольшие ниши, предназначавшиеся, видимо, для скульптуры. Вся необычность здания, пожалуй, только в его размерах. Оформление фасадов при явной попытке придать им торжественно-представительный парадный вид, некоторую столичную помпезность осталось однообразным, даже несколько скучно-монотонным. Буквально в каждой детали проглядывает рука неискушенного архитектора, имевшего самое приблизительное представление о классической архитектуре. Это же в одинаковой мере осталось характерным и для другой постройки усадьбы — танцевальной залы. Лишь небольшое здание конца XVII столетия и фабрично-хозяйственные корпуса, возникшие раньше главного дома, выгодно отличаются от них.

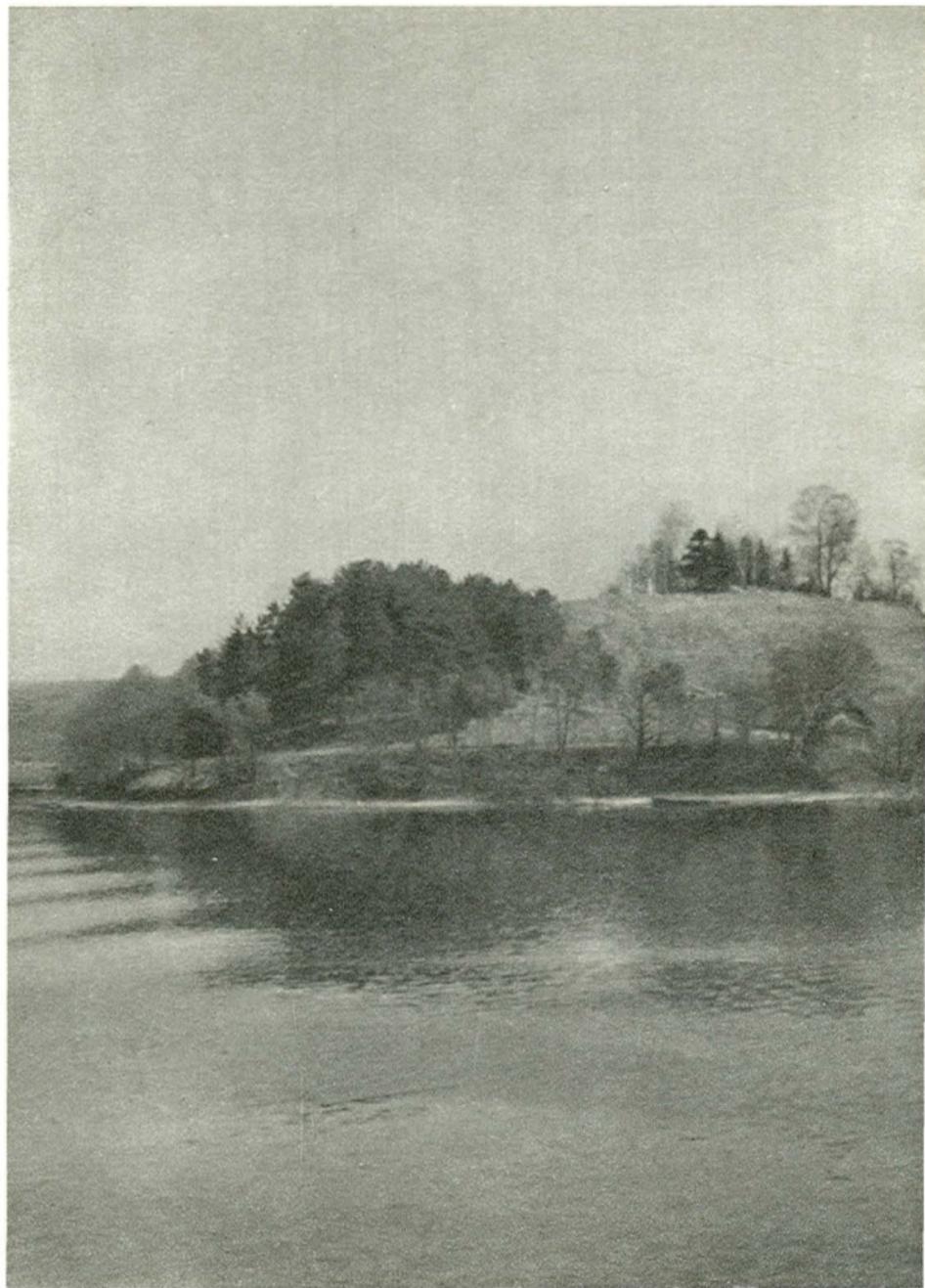
Неподалеку от усадьбы Новые Ельцы находится еще одно удивительное место Селигерского озера — Залучье. Тут так и говорят: «Кто не был в Залучье, тот Селигера не видел». Местность вокруг холмистая. Полей мало. Где-то там, далеко на горизонте, пологие холмы, всколыхнув-

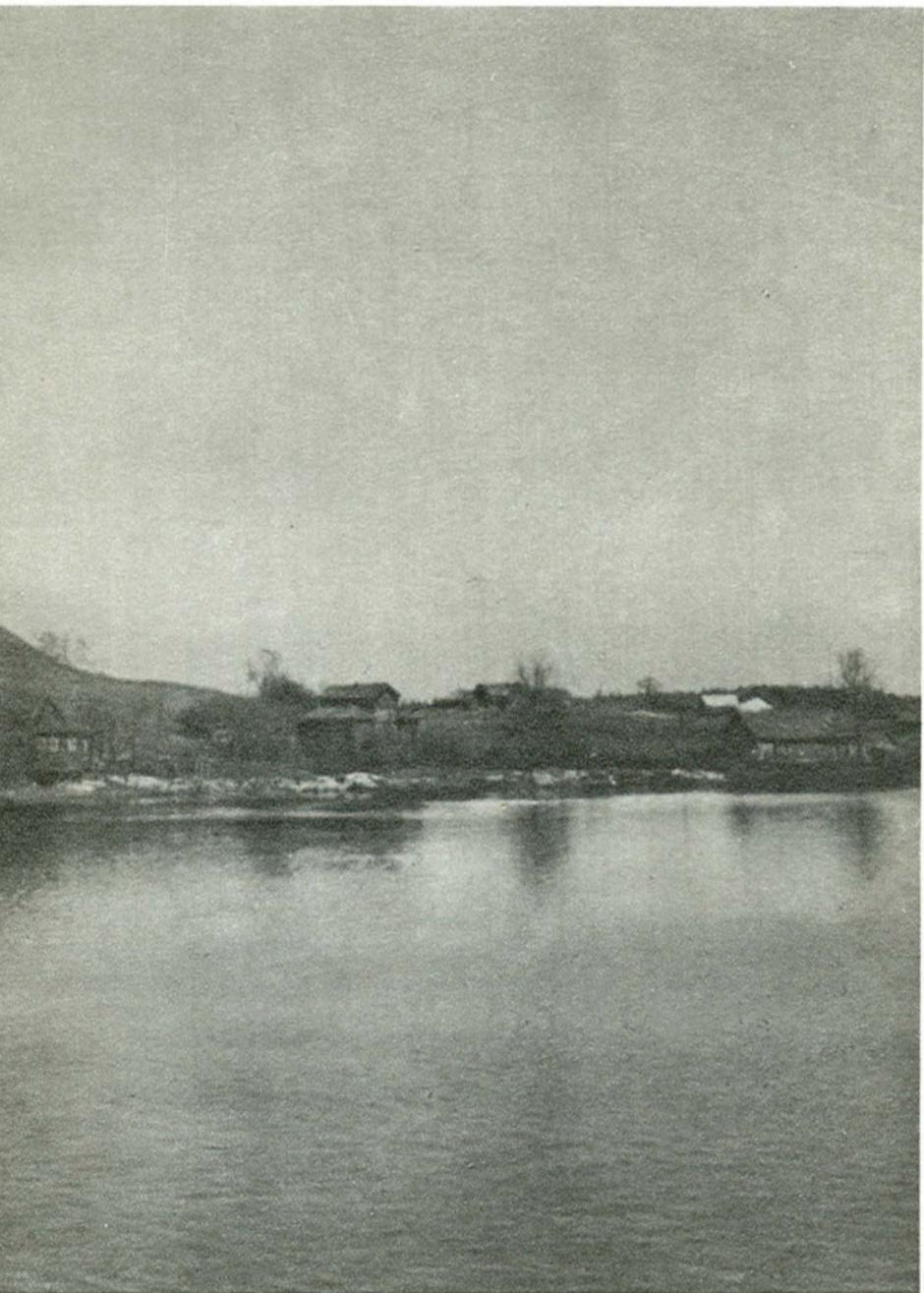

*Усадьба Новые Ельцы.
Парковый фасад
главного дома
и жилые флигеля.
Начало XIX в.*

*Березовское городище
VIII в. до н. э.
Вид с озера Селигер
→*

шись в прозрачной дымке, волной докатились до Селигера, спустились к самой воде и застыли, напоенные озерной прохладой. Кажется, что по пути они растеряли все валуны и камни, которые остались лежать повсюду — в траве, под мхом, в корнях деревьев. Среди камней попадаются круглые маленькие голыши, которые местные жители упорно считают каменными пульками. От поляны, распластавшейся треугольником у самого берега, поднимается высокий холм — Березовское городище, возникшее в VIII веке до н. э. Не исключено, что Березовское городище, или Березовец, как его называют древние документы, сложилось много раньше, нежели сюда пришли племена дьяковской культуры. Но позже городище было занято сельским кладбищем и землю не один раз перекопали, прежде чем ее коснулась лопата археолога. Лишь в одном месте, при въезде на городище, удалось проследить, каким был Березовец до разрушения. Городище располагалось на самом высоком холме восточного побережья. В узкой долине между двумя

грядами холмов, примерно в четырехстах метрах от Березовца, рассыпана группа мелких озер, за которой километрах в трех находится озеро Глубочек, а еще дальше — Щебериха, откуда начинается речка того же названия, приток Поли, впадающей в реку Ловать. По Ловати — прямой путь через озеро Ильмень в Новгород. В XVII веке по нему ходили монахи Ниловой пустыни. Им было дано право рыбной ловли на Ильмене. Этим маршрутом, особенно в половодье, можно пройти и сейчас, повторив древний «серегерский путь». На пути находились и другие городища — например, при впадении речки Ставенки в Щебериху. Верховья Волги и Селигер были для Новгорода чрезвычайно важны. Скупые летописные сведения не раз упоминают о них. Так, в 1216 году «новгородцы поидоша Серегером и быта верху Волзе».

Березовское городище с юго-восточной стороны окружено пойменными лугами. Уровень воды в Селигере еще в прошлом веке был много выше, и на месте лугов находился залив. В окрестных селениях бытует предание о том, как в заливе утонула вместе с тройкой лошадей какая-то помещица. Иногда называют и имя помещицы — Марфа Посадница. Однако Марфа Посадница, или Марфа Борецкая, никакого отношения к мифической помещице не имеет, но упоминание ее имени в легендах не случайно. Березовское городище принадлежало Борецким вплоть до присоединения Новгорода Иваном III к Московскому княжеству в 1478 году. Решительная в своих поступках и действиях, необычайно энергичная и своенравная Марфа играла видную роль в оппозиции новгородского боярства Московскому княжеству. После смерти ее мужа, новгородского посадника Исаака Андреевича, в руках Борецкой сосредоточились несметные богатства. Более трехсот деревень, от Селигера до побережья Белого моря, числилось за ней. Только к Березовской вотчине, крупнейшей среди других феодальных владений новгородского боярства, «тянули» 67 деревень. Стремясь сохранить независимость от Москвы и опасаясь за свои владения, Марфа Борецкая вместе с сыновьями Дмитрием и Федором возглавила оппозицию верхушки новгородских феодалов. Дом Марфы стал центром антимосковских интриг. В 1471 году бояре заключили тайный договор с польским королем Казимиром IV. По договору Новгородская республика практически отходила к Польско-Литовскому княжеству. В Новгород прибыл литовский наместник князь Михаил Олелькович, который должен был стать мужем Марфы Борецкой. Все эти действия ускорили выступление московского вой-

ска. 14 июля 1471 года на реке Шелони новгородцы были разбиты, сын Марфы Посадницы — Дмитрий — казнен в числе шести главарей, а в 1478 году, после окончательного присоединения Новгородской республики к Москве, Борецкую увезли в монастырь в Нижний Новгород, где насильно постригли в монахи. Владения ее великий князь Иван III взял «на себя». Не исключено, что именно притязания Московского княжества на Новгородское, постоянная опасность со стороны Литвы и Твери заставили в XIV веке укрепить Березовец — важный перевалочный пункт на перекрестке дорог с юга на север и из Новгорода на запад, в Литву. По всему периметру холма насыпали вал из глины и песка, обложив его крупными валунами. Вал скреплялся бревнами. Поверху, вероятно, проходил тын со сторожевыми башнями. На небольшом участке, у въезда в Березовскую крепость, удалось обнаружить широкую полосу камней, по-видимому, остатки древней мостовой. На городище, как сообщают документы, стояли «церковь Рождества Присвятыя да двор большой»⁶¹. Внизу на плато находилось селище Березовский погост, простиравшееся до современной деревни Березовский рядок.

Во время Великой Отечественной войны на Березовском городище был похоронен полный Георгиевский кавалер первой мировой войны, герой штурма Спасска и Волочаевки, командир полка армии Блюхера генерал-майор Иван Павлович Шевчук (1892—1942). Над его могилой установлен скромный памятник-обелиск.

Рядом с Березовским городищем лежит, вытянувшийся рогом в заливе, полуостров Большой Косарь, а совсем рядом — крохотный, заросший кудрявыми деревцами островок Барашек. На противоположном берегу плеса виднеется березовая роща. В самой глубине ее можно увидеть невысокие, правильной формы холмики — это древний могильник.

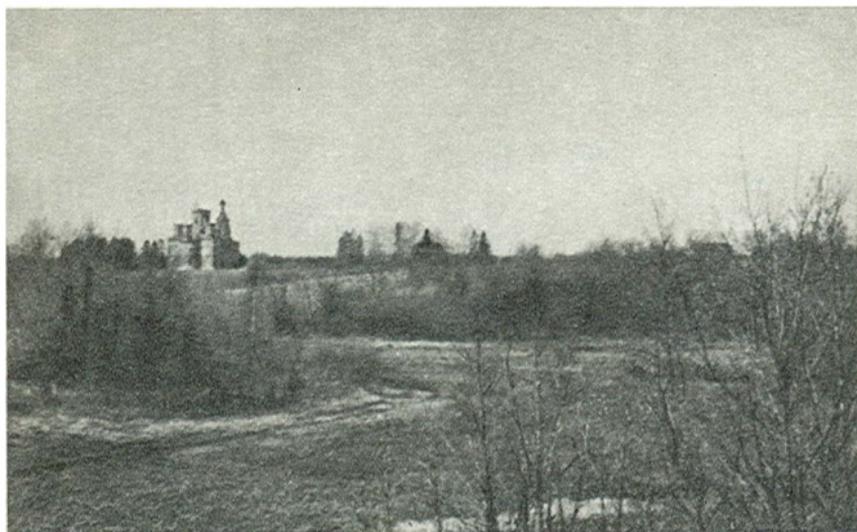
Следующая пристань, Свапуца, — в селе того же названия, принадлежавшем в прошлом веке князьям Шаховским. До пристани Свапуца катер идет всего четверть часа, и от нее начнется наше путешествие к истокам Волги, откуда маршрут будет продолжен по Верхневолжским озерам: Стерж, Вселуг и Пено до поселка, носящего название озера Пено и ставшего недавно районным центром Калининской области.

5. У истоков Волги

Прямо от пристани Свапуца, вдоль побережья Селигера, вверх на плоский косогор тянется приметная тропинка — начало пути к истоку великой русской реки Волги, расположенному в 22 километрах на северо-запад от озера Селигер. Теперь до Волго-Верховья проложено широкое шоссе и попасть туда стало совсем просто. Большая часть пути проходит через вековой лес. Ранней весной, когда остатки зимы попрячутся по буеракам, лесные проталины по сторонам от дороги выстилают белые и голубые цветы, прикрывающие прошлогоднюю старую траву с листвой. Они тянутся к теплу. У них холодные, звонкие краски, словно мартовские прозрачные тени, уцелевшие в разбуженном лесу. Кое-где несмело проглядывает зелень.

Но вот лес кончается, и с высокого холма, за ольховыми зарослями оврагов, виднеется озеро Стерж, куда вливается Волга. «Неширокая она здесь. Молодая. Тихая. Еще не тревожат ее пароходы с баржами, не гуляют над ее гладью сирены, гудки и посвисты корабельные... На изволоке другого берега поблескивают стеклами окон избы... деревушки... Неясные голоса доносятся оттуда, обрывки музыки. И не поймешь, то ли это звучит радио, то ли кто-то наигрывает на баяне и подпевает себе. По холму выше видно, как выходит из деревни песчаная дорога. Была она улицей, но обернулась проселком и повела по лугам, лесам и всеям Верхневолжья»⁶².

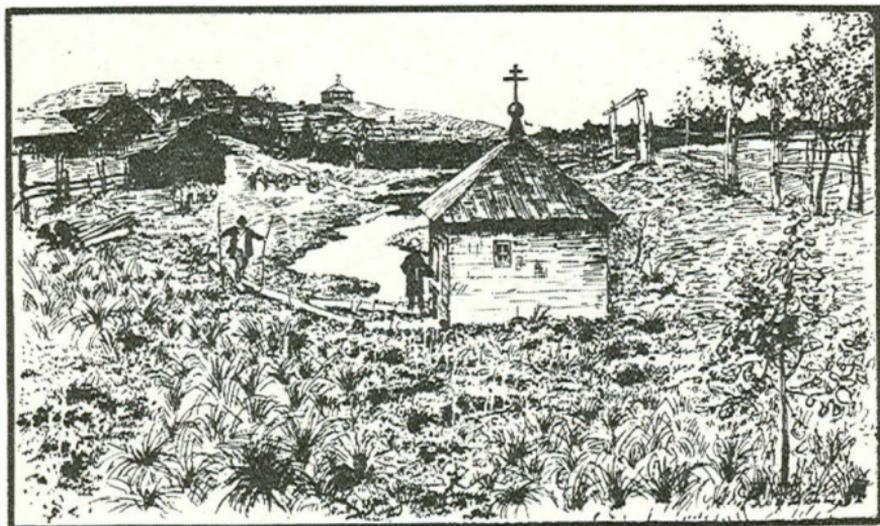
Зачем люди идут к истокам Волги? Под дождем, по жаре, отмахиваясь от комаров и назойливых мух. Идут, преодолевая все неудобства пути ради того, чтобы увидеть

*Долина Волги
вблизи истока*

начало реки с названием таким же емким, как слово «Россия». Маленькому, еле приметному ручью среди болот и холмов Валдайской возвышенности суждено стать рекой, о которой сложили песни, сказы, легенды, ей посвятили свои произведения писатели и поэты, ее образ не раз запечатлели художники на полотнах и изваяли скульпторы. А все начинается с ручейка. При виде его трудно поверить, что это ему принадлежит имя — Волга. Убедиться в этом сюда идет уже не одно поколение, а природа, будто нарочно оберегая истоки рождения своего могущества, постаралась подалее скрыть начало Волги между большими и малыми озерами в глухих лесах и болотах.

Поверье об очистительной силе источника, способной исцелить от многих болезней, издавна бытовало в народе. Сюда шли лечиться богомольцы, твердо веруя во всемогущество маленького ручейка. В 1649 году по указу царя

*Село Волго-Верховье
и часовня над истоком
Волги.
Гравюра
второй половины XIX в.*

Алексея Михайловича неподалеку от источника был основан монастырь. «В конце XVII века монастырь этот был настолько известен, что Петр Великий делал в него вклады... примеру царя следовали именитые русские люди, как, например, Гр. Д. Строганов»⁶³. Но монастырь не стал большим и богатым, как пустынь на Столбном острове. Затерянный в глухом озерном крае, вдали от больших дорог, он быстро запустел, а в 1724 году немногочисленные монастырские постройки сгорели. Осталась только часовенка над истоком, которая разрушалась, иногда подолгу лежала в развалинах, ее рубили заново, но паломничество к истоку не прекращалось никогда. В 60-х годах прошлого века эти места вновь стали оживляться. Вспомнилось стремление прежних царей «освятить христианской святыней исток главной Русской реки»⁶⁴. В конце XIX века начался сбор средств на строительство очередной часовни. Вскоре последовало и высочайшее повеление не строить часовню, а возобновить монастырь.

*Собор
Ольгина монастыря
у истока Волги.
Гравюра
с проектного чертежа
начала XX в.*

Новый монастырь стал женским. От него-то и остались на пригорке две церкви — каменная и деревянная. Строительство каменной церкви шло медленно, хотя ему пытались придать широкую огласку, опубликовав проект храма на открытках, в экономических проспектах и путеводителях по Волге. «К январю месяцу, — пишет в 1912 году настоятельница монастыря, — я могу закончить штукатурку храма, поставить рамы и настлать полы, но на иконостас и утварь средств не имеется»⁶⁵. Создатели проекта, вероятно, хотели, чтобы архитектура храма напоминала о былом великолепии древнерусских святынь и несла отпечаток преемственности традиций. В результате получился такой сложный набор деталей и фрагментов убранства, что от них начинает рябить в глазах. Лишь одно бесспорное достоинство у этого сооружения — оно на редкость удачно поставлено на вершине самого высокого холма. Реставрация церквей над истоком Волги ведется по проекту архитекторов А. Кустова и Л. Кустовой, и вскоре она бу-

дет завершена. Здесь откроется музей, экспонаты которого расскажут о великой русской реке, о преобразованиях, произошедших на всем ее протяжении за годы Советской власти, о том, как Волга неустанно служит нашему народу, о ее неповторимой природе и, конечно, об истории этих мест. Прямо от церкви (здания будущего музея), под холмом, в широком овраге видна затерявшаяся маленькая Волга.

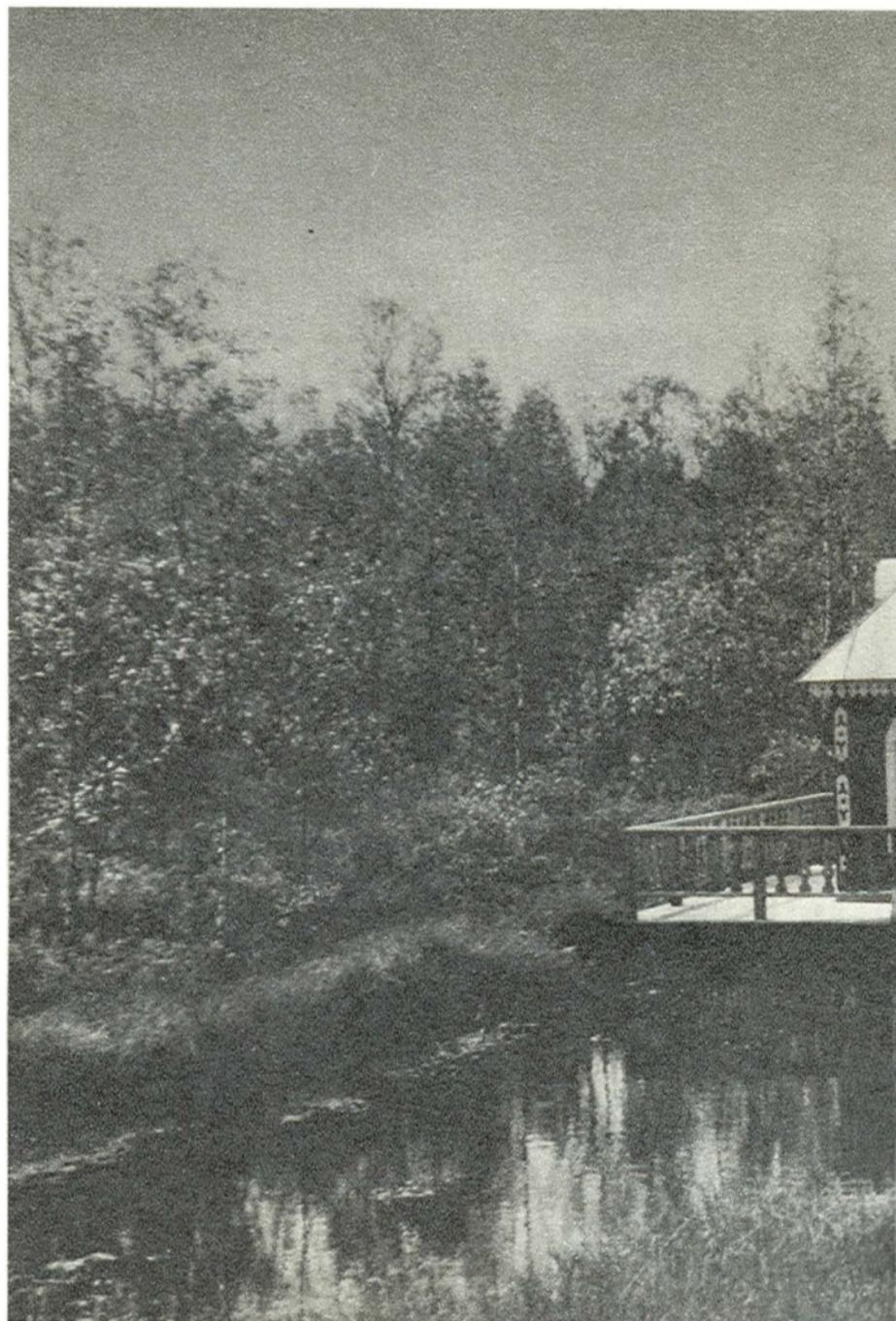
Сверху ее почти совсем незаметно, но по темной оспе и ольховым кустам можно проследить, как она петляет в низине. Первый мост через Волгу, первый приток — ручей Персянка, первое озеро на ее пути — Малый Верхит, первое село при ее начале — Волго-Верховье. Отсюда она побежит, вбирая в себя сотни больших и малых рек, в ее водах будут отражаться города и села, упругие красавцы мосты, а пока она еще младенец. Вслед за Волгой наш путь пойдет туда, где она втекает в первое из цепочки Верхневолжских озер — большое озеро Стерж.

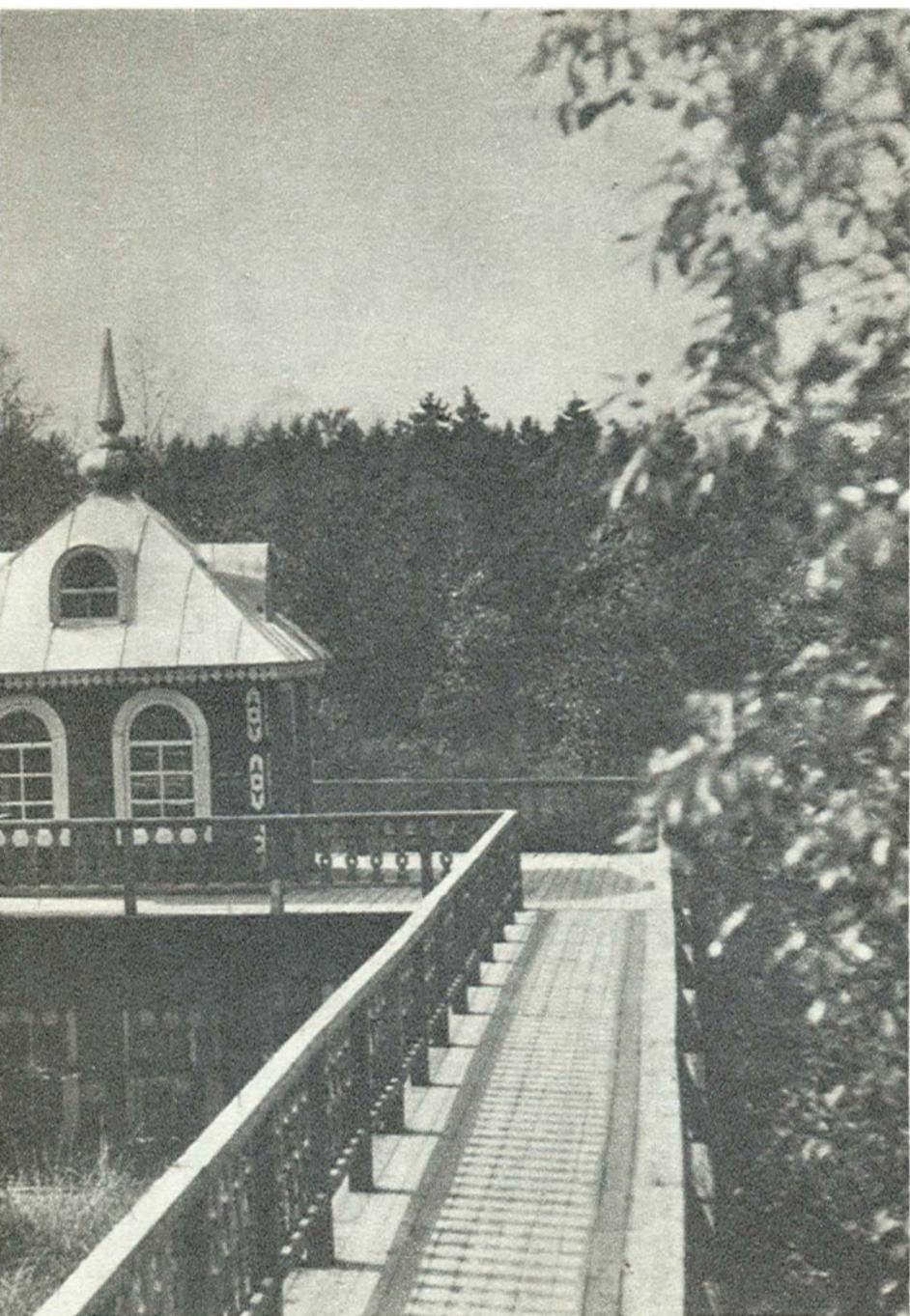
*Собор
Ольгина монастыря
у истока Волги.
Начало XX в.*

*Павильон
над истоком Волги.
Фото Ю. Васильева
→*

←

В окрестных селах на Стерже можно услышать любопытное поверье — если посмотреть на озеро с высокого холма в тихую погоду, то можно увидеть посередине него русло, по которому «стержем» течет Волга, оставляя воды озера неподвижными; и поэтому-де озеро получило название «Стерж». Своей красотой Верхневолжские озера не уступят Селигеру. Начинаются они с озера Стерж, за ним идут Вселуг и Пено. Между собой, как и плесы на Селигере, они соединены узкими протоками, где местами катера могут пройти только по высокой воде. У самого впадения Волги в озеро на мысу находится Стерженское городище — место древнейшей стоянки людей в этом крае. Во второй половине I тысячелетия до н. э. здесь селились племена дьяковской культуры. С тех пор, вплоть до середины XV века, по-видимому, с небольшими перерывами, тут сменилось несколько поселений. Последними жителями Стерженского городища были новгородцы, которые возвели такие же укрепления, как и на Березовском. Мыс окружен водой, и

лишь узкий перешеек связывает его с материком. Городище служило перевалочным пунктом на пути из Волги в озеро Селигер и к верховьям Западной Двины. Тут же на городище стоял каменный Стерженский крест, поставленный новгородским посадником Иванком Павловичем в 1133 году, видимо, перед началом работ по углублению русла какой-то реки. Иванко Павлович погиб через год в битве на Ждане-горе, и какую он «почах рыти реку», как сообщает текст надписи на кресте, остается до сих пор невыяснено. (Стерженский крест хранится в Калининском государственном объединенном историко-архитектурном и литературном музее.) Неподдалеку от Стерженского городища находились два других — Белковское и Городецкое, а также селище Заручьевское. В 1495 году северной частью озера Стерж владел новгородский Аркажский монастырь. Из городища жители, вероятно, переселились на новое место, на северо-восточное побережье, километрах в трех от него, названное Стерженским погостом (возможно, место древнего торгового пункта). На погосте находилась деревянная церковь Петра и Павла, дворы священника, пономаря, дьячка, «5 дворов людей непашенных и 12 пашенных»⁶⁶. Погост постепенно сливался с деревней Новинки, о его названии стали со временем забывать, и за этим местом окончательно утвердилось название Новинки. Сколько сменилось деревянных церквей на Стерженском погосте до начала XIX века — неизвестно. Наконец в 1807 году началось строительство. «Оною консисториею выдан мне план с фасадом, на построение вновь в погосте Стерж каменной церкви, для засвидетельствования онаго Губернскому архитектору тот план засвидетельствован и при сем в оную консисторию благопочтенейше представляется...»⁶⁷, — доносил местный священник духовному начальству. Строительство церкви шло крайне медленно, денег постоянно не хватало. «Скудность церковных доходов зависит от многих причин, а именно: крайней бедности прихода, малочисленности и разбросанности. Приход расположен в самом глухом углу Осташковского уезда, удален от всяких промышленных центров и не имеет никаких местных промыслов, ни отхожих, ни кустарных, ограничиваясь одним сельским хозяйством, которое... приносит им незначительную пользу»⁶⁸, — так охарактеризовал эти места в своем рапорте Синоду архиепископ тверской и кашинский Антоний в начале нашего века.

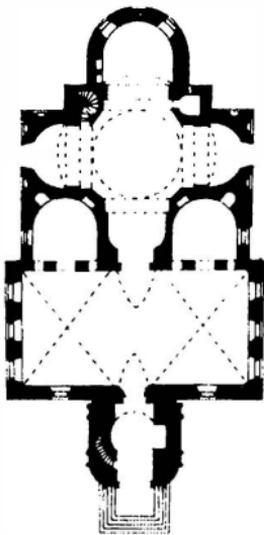
Окончательно Петропавловская церковь была построена лишь в 1822 году. Вероятно, подрядчиком строительных работ был осташковский мастер Петр Иванович Цепляев.

*Село Новинки.
Церковь Петра и Павла.
1807—1822
(архитектор А. А. Трофимов?)*

Но каково качество самого строительства работ, хорошо видно все из того же рапорта: «...в придельном трапезном храме с давняго времени имеется по всю длину сводов значительная трещина, которая... образовалась сразу по окончании кладки храма по вынутии кружал. Означенная трещина с течением времени... увеличивалась все более, а кроме ея появилось несколько боковых трещин...»⁶⁹.

Композиция и план стерженской церкви совершенно непохожи на те, которые нам приходилось видеть в Осташковском районе, потому, что церковь построили по плану, составленному, видимо, тверским губернским архитектором. Она очень небольшая. Отголоски стиля барокко еще очень живы в этой постройке, но декор уже почти классический. При внимательном знакомстве памятник оказывается гораздо интереснее. Во-первых, интерьер храма похож на крестообразные в плане усадебные церкви со скругленными ветвями креста и, во-вторых, завершен храм не восьмериком, а ротондой, перекрытой полусферическим

*Село Новинки.
Церковь Петра и Павла.
План. Обмер автора*

куполом. С фасадов он по сторонам света имеет развитые ризалиты, которые вводят в заблуждение, придавая ему форму восьмерика. Оригинальным оказывается и размещение апсид трапезной. Апсиды расположены так, что с двух сторон как бы охватывают западную часть храма. Поэтому снаружи они воспринимаются его продолжением. Такое построение храма — один из любимых приемов стиля барокко, свидетельствующий о том, что проект здания был исполнен рукой незаурядного мастера, но осуществление его в натуре в данном случае происходило без участия архитектора. Все чуть-чуть тяжеловато, детали чуть-чуть грубее, нежели в столичных постройках. Конечно, сооружения XVIII—XIX веков в Москве, Ленинграде, в усадьбах богатых вельмож построены правильнее, строже, изящнее. В них нет или почти нет каких-либо стилистических погрешностей. Однако в них отсутствует и та наивная простота, которая так подкупает зрителя своей уютной непритязательностью, которая

совершенно особенно, эмоционально воздействует на зрителя и которую иногда с некоторым оттенком иронии называют «провинциализмом».

Неподалеку от села Новинки, на этом же берегу озера, виднеется купа высоких деревьев — явный признак какой-то старой усадьбы. Это село Ивановское. Усадьба в нем действительно старая, принадлежала помещикам Вараксиным, только интересных памятников архитектуры здесь нет. Частично сохранился парк, дом построен сравнительно недавно — лет девяносто назад. Из Ивановского в ясную погоду виден другой любопытный памятник побережья Верхневолжских озер — церковь погоста Увицы. Чтобы попасть туда, надо переправиться на другой берег или вернуться назад, обогнуть озеро и пешком вдоль берега идти до этой церкви. Когда-то рядом с ней стояло с десятком домов. Погост, как и село Свапуца, принадлежал князьям Шаховским, известным на всю округу в конце XVIII — начале XIX столетия разгульным нравом, веселыми пирушками с окрестными помещиками, многодневными шумными охотничьими забавами.

Троицкая церковь в погосте Увицы построена в 1779 году торопецкими мастерами. Это хорошо известный тип храма — восьмерик на двусветном четверике с трапезной и приделом с южной стороны, с колокольней. Трапезная, придел, апсида не сохранились, но величину их легко установить по плану. Декоративное же убранство храма повторяет распространенную декорацию торопецких построек, например церквей в селах Якшине и Нишевицах, а в Осташкове похожее убранство и композиция у надвратной церкви Житенного монастыря. Только колокольня несколько отличается от торопецких. Ее формы более архаичны, восходят к традициям строительства рубежа XVII—XVIII веков, и в ней нет привычного для Торопца сочетания венчающего верха и основания. Все три яруса выглядят единым столпом, хотя верхние сделаны в виде двух убывающих восьмериков. Их декор и вовсе не имеет аналогии в известных торопецких постройках. Пилястры раскрепованы, под проемами звона — замысловатые балясины, карнизы с мелкой профилировкой — все это членит фасад колокольни как бы на полосы. Тем не менее говорить о ее своеобразии приходится осторожно. Похожие композиции торопецких колоколен, хотя несколько иного оформления и пропорций, встречаются достаточно часто (например, церковь Рождества Богородицы в городе Торопце). Возможно, и

*Погост Увицы.
Троицкая церковь.
1779*

увицкая колокольня не была когда-то единственным примером. В своих поисках декоративных мотивов торопецкие мастера были менее всего консервативны. Достаточно сопоставить две постройки — Покровскую и Богоявленскую церкви в Торопце, сооруженные примерно в одно время, чтобы почувствовать все их различие⁷⁰.

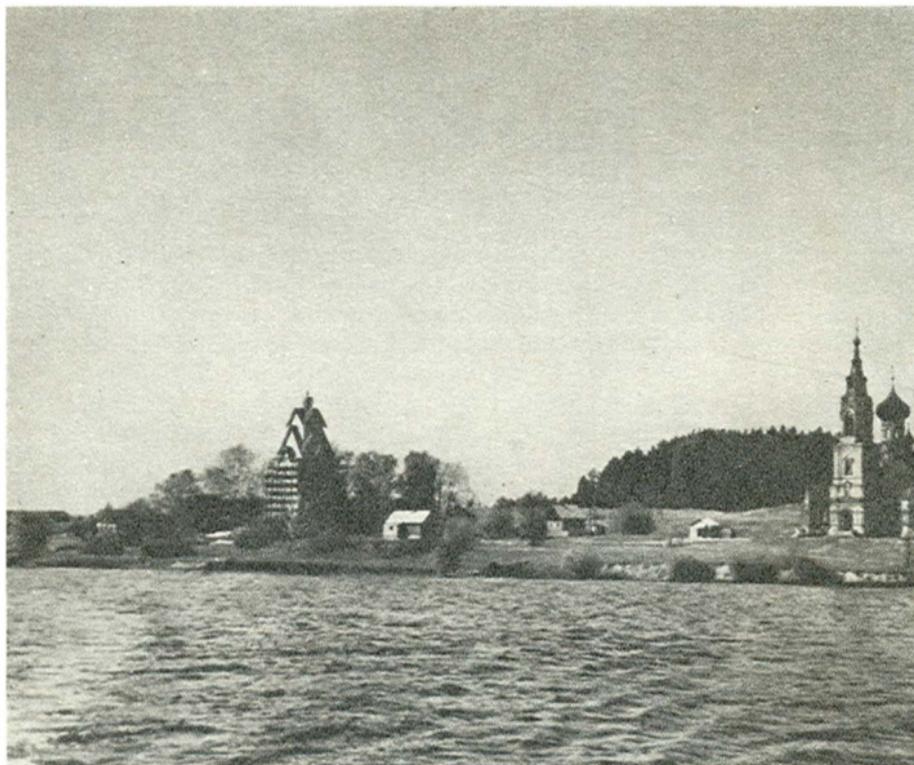
От Увиц начинается южная оконечность озера Стерж. Оно здесь широкое. Кое-где по берегам виднеются села. Сентябрьскими ночами от них по воде тянутся трепетные дорожки света. Когда в домах погаснут последние огни, тогда напряжение тишины станет особенно ощутимым. Из леса потянет ветерком. Слегка коснувшись прибрежной лозы, ветер растечется по воде. Затем опять все смолкнет, и вновь что-то невнятно зашелестит. Это уходят последние теплые дни бабьего лета. Скоро Стерж спрячется под ледяное одеяло, и его время от времени будут беспокоить лишь редкие рыбаки да посередине, не останавливаясь ни на минуту, будет течь невидимая Волга.

В конце озера Стерж на горизонте неожиданно возникает какой-то непонятный силуэт. Сначала он кажется высокой елью. Только приблизившись, поймешь, что ошибся. Это и есть знаменитая деревянная церковь Ширкова погоста, построенная в 1697 году. Местные жители не без гордости называют ее «тверскими Кижами». Церковь стоит на пологом берегу следующего озера Волго-Верховья — Вселуг.

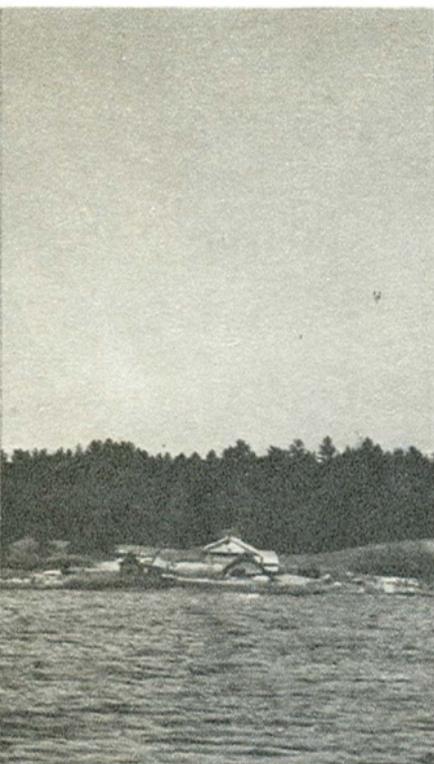
В те дни, когда нет тумана, ее видно за десятки километров. Но, чтобы попасть из озера Стерж во Вселуг, надо пройти узкой протокой — руслом Волги, куда впадает речка Руна. Километрах в двух выше по ее течению находится село того же названия — родина Героя Советского Союза комсомолки Лизы Чайкиной.

Русло Волги тут извилистое. Поворот, еще поворот — и вот за широким плесом открывается древний Ширков погост со стройной ярусной церковью. Чуть поодаль от нее стоит вторая — каменная, построенная в начале XX века, а еще дальше, в ольховнике, виднеется крыша небольшой деревянной часовенки. Впечатление от стройного силуэта древней церкви столь велико, что на остальное не обращаешь внимания. Лишь спустя некоторое время осознаешь, что здесь на берегу находится целый комплекс разновременных строений.

В 1673 году в Россию приехал шведский инженер и шпион Эрик Пальмквист. По дороге он зарисовал панорамы и планы русских городов, облик и костюмы русских людей, рисовал крепости и то, как они укреплены. На одном из рисунков, сделанных в Торжке, изображена деревянная церковь, по своим очертаниям удивительно похожая на церковь Ширкова погоста. Видимо, подобные многоярусные церкви были достаточно широко распространены. Известно другое древнее изображение такой же церкви на иконе XVII века с видом Ниловой пустыни, воспроизведенной в многотомной «Истории русского искусства». Одна из церквей монастыря похожа на ширковскую, с такими же пофронтонными покрытиями на убывающих вверх четвериках, а внимательное изучение строительной истории монастыря дает возможность назвать и приблизительную дату ее основания — 1622 или 1635 год⁷¹. Такие сооружения могли появиться и много раньше, но не дошли до нас, и ширковская церковь осталась единственным их примером. Правда, на севере некоторые постройки, известные по фотографиям или уцелевшие в натуре, могут быть сопоставлены с ней (например, Богоявленская церковь села Палтога Вытегорского района, 1733 год).

Ширковская церковь — это сложное инженерное сооружение, необычность которого отмечалась еще в прошлом веке в донесении в Императорскую Археологическую комиссию: «В погосте Ширкове, что на Волге, в 19-ти верстах от ея истока, находится относящийся ко второй половине XVII века замечательный памятник старины... Стиль церкви — древнерусский, оригинальной постройки с многочисленными на все фасады двускатными крышами, в несколько ярусов, а само здание сооружено из бревен и балок непомерной толщины...»⁷². За основу для построения храма взят обычный четырехстенный сруб на подклете. С востока граненая апсида, а с севера, запада и юга — галереи на консолях. Над основной клетью возвышаются еще два уменьшающихся четверика, покрытые на восемь скатов. Венчает храм высокий круглый барабан с большой главой. Высота церкви около 40 метров до креста, но развитие форм столь стремительно, так динамично, что взгляд не в состоянии зафиксировать эту высоту хотя бы при-

*Ширков погост.
Церковь Иоанна Предтечи.
1679. После реставрации
→*

*Общий вид
села Ширков
погост с озера Вселуг*

близительно. Вот как характеризовал ее А. В. Ополовников, автор проекта реставрации Ширкова погоста и один из исследователей этого памятника: «Первые этажи (ярусы. — А. Г.) Иоанно-Предтеченской церкви трактованы живописно, насыщены игрой светотени и, благодаря мощному выносу бревенчатых консолей, поддерживающих галерею, производят впечатление чрезвычайной конструктивной напряженности. Горизонтальные членения галерей подчеркивают редкую по силе устремленность ввысь последующих ярусов... Контрастность эта, видимо, не случайна. Вызываемый ею зрительный эффект строго рассчитан»⁷³.

В 1882 году фасады церкви Иоанна Предтечи были обшиты тесом, а кровля покрыта железом. В 30—40-х годах XIX века к церкви с запада пристроили колокольню, уничтожив крыльцо, ведущее на высокие галереи. Во время начавшейся реставрации эту колокольню разобрали, даже не маркируя бревна, ссылаясь на то, что она иска-

жает стройный силуэт древнего объема. Но, увы, теперь взамен колокольни столетидесятилетней давности появилось новое крыльцо — фантазия современного реставратора, ибо никаких сведений о первоначальном виде, необходимых для восстановления крыльца, не было. Так из-за непродуманного и поспешного решения исчезла деревянная колокольня первой половины прошлого века.

Представить снаружи, каков интерьер у Иоанно-Предтеченского храма, нельзя. С трудом можно поверить, войдя туда в первый раз, что он принадлежит этой церкви. После стремительного ритма взметнувшихся ввысь ярусов — внутри храм похож на обычную деревенскую избу. Плотника как будто интересовала лишь многоярусная композиция и очень мало — интерьер церкви. Невысокий плоский потолок набран «в елку», просачивающийся через небольшие окна свет не в силах разогнать мрак по углам (часть окон была разрублена позже, но и их оказалось недостаточно), стены гладко отесаны, углы скруглены. Сейчас, когда нет иконостаса, сходство интерьера церкви с обычной избой стало еще заметнее. Только небольшие детали — резки подзоров на клиросах, тщательная обработка косячатых окон, подгонка пазов бревен — говорят о большом мастерстве плотника. Такое на первый взгляд невнимание к внутреннему оформлению храма — кажущееся. В условиях холодной зимы раскрытые вверх помещения церкви было бы трудно отопить, для сохранения тепла делались и маленькие окошки, которые пропускают мало света, но расположены так, что свет из них падал прямо на иконостас и молящимся иконы были хорошо видны.

У нас в стране есть специализированная научная организация, занимающаяся вопросами защиты дерева от разрушения, — Сенежская лаборатория по консервации древесины. Заведующий этой лабораторией С. Н. Горшин — крупнейший специалист, исследовавший состояние многих древних деревянных построек, — как-то высказал любопытную и на первый взгляд простую мысль: «Почему церкви, подобные Ширкову погосту, смогли сохраниться до наших дней? Потому, что они были правильно построены». Это становится особенно понятным, когда видишь памятник не в чертежах и фотографиях, а находишься рядом с ним, можешь потрогать стены из бревен до 70 сантиметров в диаметре (такие деревья стали большой редкостью в средней полосе России).

В конце XIX века Ширков погост стал одним из крупных сел на озере Вселуг. Вокруг на несколько километров не было церквей. Древняя деревянная церковь оказалась

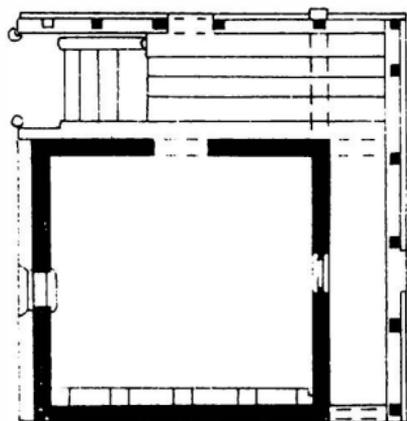
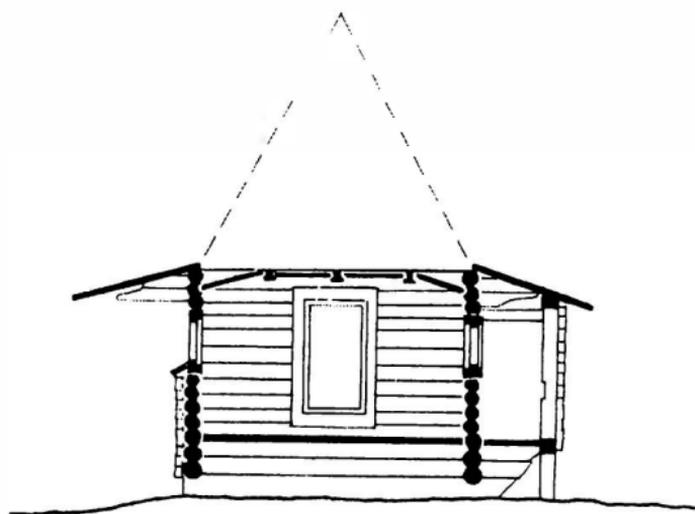
слишком маленькой, к тому же она не отапливалась, и «молящимся зимой приходилось присутствовать при богослужении не иначе, как в тулупах и рукавицах». Поэтому местные жители, чтобы не поступить «по установленному обычаю (то есть продать ее на снос.— А. Г.), дабы на вырученные деньги улучшить новый храм... (это было бы непостытельным грехом по отношению к такому памятнику старины)...»⁷⁴, начали строить более просторную каменную церковь с большими окнами и отоплением. Строительство ее велось очень просто: «...прихожане... назначили подушный сбор, и таким образом в продолжение 6—7 лет собрали около 27 тысяч рублей, на каковую сумму каменный храм в погосте Ширкове вчерне построен»⁷⁵ (в 1912 году).

Новая церковь, ровесница церкви Ольгина монастыря на Волго-Верховье, мало отличается от нее по архитектурно-художественным качествам. Образцом для ее композиции, вероятно, послужили церкви XVI века, боковые приделы превратились в притворы, открытые гульбища и обходные

*Село Горки.
Деревянная часовня.
Конец XVII в.
План и разрез.
Обмер архитектора
Д. С. Фюргенга и автора*
→

галереи — в помещение крещальни, расположенной перед алтарем. Находясь неподалеку от деревянной церкви, на том же самом берегу озера, новая каменная прекрасно дополняет панораму, усиливает звучание форм древнего памятника XVII века. Тут же рядом, под горой, над родником в овражке, — совсем простенькая надкладезная деревянная часовенка. Ее четырехстенный сруб с непритязательным завершением защищал родник от загрязнения и морозов. Сюда дважды в год, летом и зимой, из церковей села направлялся крестный ход, и совершалось водосвятие.

Ниже по течению за Ширковым погостом посередине озера одиноко лежит небольшой островок со странным названием — Божье дело. Старожилы еще помнят на этом островке монастырь, от которого теперь остались лишь развалины. Назывался монастырь Новосоловецкой пустынью, в отличие от Соловецкого монастыря на Белом море, но местным жителям он больше был известен как Божье дело. Это название утвердилось и за островом. Существует несколько

версий относительно происхождения монастыря. По одной (он был основан сравнительно поздно — в 1701 году), первый монах Иоиль, пришедший сюда и подядивший плотников рубить церковь, отказался им заплатить по окончании работ, сказав, что строительство-де монастыря — «божье дело» и платы за это не положено. По другой версии, тот же монах, собирая милостыню, просил «пожертвовать на божье дело». Монастырь в 1764 году упразднили, но вскоре вновь восстановили, приписав к Ниловой пустыни.

Напротив острова, на восточном берегу озера, раскинулась деревня Горки. Традиционное название деревни произошло, по-видимому, от тех самых горок, между которыми пролегла ее широкая улица, спускавшаяся прямо к воде. В центре деревни, на откосе оврага, прижалась неприметная часовенка. Подойдя к ней поближе, понимаешь, что она иная, нежели те, которые изредка еще встречаются по тверским деревням и селам. Необычно само по себе строительство часовни на откосе, и, только внимательно исследовав ее, можно понять, что построена она так не случайно. Когда-то вход в часовню вел не со стороны посада, а по лестнице прямо с улицы, проходившей по дну оврага. Широкая паперть — гульбище на выносных консолях, нависающее над оврагом, — ограждена парапетом и окружает саму часовню с северной и западной стороны. Восточная сторона — глухая, обращена прямо в овраг, а южная, с одним окошком, — на посад. Другое окно с северной стороны выходит под навес гульбища. Сруб часовни — клетского типа, поставлен на валуны и сложен из толстых бревен. С восточной стороны бревна протесаны, что сразу выделяет эту часть здания среди остальных. Венчает часовню четырехскатный шатер с простым кованым крестом. Шатер первоначально был выше и стройнее, что подсказывает направление врубок от стропил на верхних венцах сруба. Косячатая колода дверного проема, ведущего с паперти внутрь, и обе колоды окон вытесаны из толстых плах. Внутри углы стен скруглены, пол — из широких досок, потолок набран «в елку». Время возникновения часовни неизвестно. Но бревна, особенно нижние венцы, имеющие 50—60 сантиметров «в трубе», техника обработки их торцов топором, форма консолей под гульбищем, широкие половницы, колоды оконных и дверных проемов — все это говорит о ранней дате памятника, позволяет отнести его ко времени строительства церкви в Ширковом погосте. Подобные часовни строились порой в течение одного дня, по обету, из самого доступного материала, посвящались какому-либо местному событию, празднику или местночтимому святому. Такие немудреные произведения народного зодчества быст-

*Общий вид села Вселуки
с озера Вселуг*

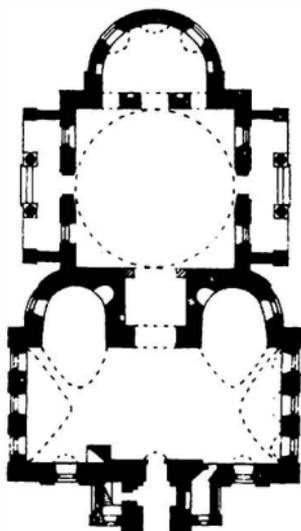
ро ветшали, заменялись на более капитальные строения или погибали в огне пожарищ. Следы перестроек часовни в Горках тоже хорошо видны, но они не исказили до неузнаваемости памятник, и его древние формы просматриваются почти в каждой детали. В Калининской области это, пожалуй, единственная хорошо сохранившаяся древняя деревянная часовня.

Сразу же за островом на горизонте виднеется еще одно древнее городище Верхневолжских озер, носящее имя своего озера — Вселукское. Такое обилие городищ по берегам Волги связано с развитием торговли. Тут в древности располагались торжища и поселения. Появление Вселукского городища связано с литовским нашествием, когда Литва пыталась укрепиться на новых землях. Как и Кличен-городок, оно упоминается в грамоте литовского князя Ольгерда 1371 года в числе отнятых у него московским князем. Озеро Вселуг в этом месте сужается, превращаясь в протоку, через которую можно попасть в следующее озеро — Пено. После

*Погост Вселуки.
Церковь
Рождества Богородицы.
1853 (архитектор
А. А. Трофимов?)*

изгнания литовцев и присоединения этих земель к Московскому княжеству Вселукское городище прекратило существование и больше не возобновлялось. В конце XVIII века на погосте, принадлежавшем помещикам Квашниным, были две деревянные церкви, одна из которых в 1816 году сгорела. Вскоре по просьбе титулярного советника Степана Григорьевича и подпоручика Ивана Григорьевича Квашниных приступили к строительству каменной церкви Рождества Богородицы. Строительство началось на средства владельцев села. Помещики не очень спешили с завершением храма. Работы велись медленно. Только в 1835 году освятили придел, а через десять лет и сам храм. Не успело строительство закончиться, как потребовался ремонт. Такая неторопливость достаточно характерна для строительства сельских церквей. Иногда небольшую церквушку возводили лет пятьдесят. Вот почему многие памятники воспринимаются архаичными — ведь датой их построения принято считать год официального освящения церкви, а не время ее

*Погост Вселуки.
Церковь
Рождества Богородицы.
План. Обмер автора*

закладки. Составленный проект редко претерпевал изменения от начала до конца строительства. Вдали от столичных центров часто наблюдается любопытное явление: например, строительство вселукской церкви заканчивается примерно тогда, когда была начата закладка храма Христа Спасителя или Большого Кремлевского дворца в Москве. Разница между ними — огромная, так как в архитектурном облике церкви погоста Вселуки все еще продолжают сохраняться традиции барокко. При сравнении плана вселукской церкви с планом церкви погоста Стерж возникает вопрос — а не одной ли рукой сделаны проекты этих зданий? В официальном прошении на построение этих церквей традиционная формулировка — «план и фасад губернским архитектором засвидетельствован» — косвенно указывает на авторство губернского архитектора А. А. Трофимова, работавшего в Твери до 1818 года. Есть и еще одна похожая церковь — в погосте Витожетке, имеющая сходный план, освящение которой состоялось в 1821 году (об этой церкви нам еще пред-

стоит рассказать). Если дальнейшие розыски подтвердят причастность А. А. Трофимова к созданию трех памятников, то мы сможем говорить не только об их стилистическом единстве, но и наглядно проследить, как в творчестве одного архитектора трансформировались традиции барокко, приобретая черты позднего классицизма. Вполне понятно, что эти здания нельзя считать полностью авторскими. В них слишком отчетливо видна рука «соавтора» — строительной артели каменщиков, осуществлявшей присланные проекты в натуре. Другая черта вселужской церкви, роднящая ее со стерженской, — это постановка барабана на четверик. Снаружи барабан оформлен в виде восьмерика — прием, не часто встречающийся среди памятников архитектуры Тверского края.

С холма от церкви видно сразу два озера — Вселуг и Пено. Берега озера Пено на большом протяжении сильно заболочены. Между озерами Пено и соседним — Охват — проходил древний волок. На одном из полуостровов, неподалеку от железнодорожной станции Пено, до Великой Отечественной войны находилась деревня Ксты. Полуостров этот низменный. Весной Ксты иногда заливало водой, и от избы до избы переправлялись по воде. Еще «осенью сорок первого года в Кстах был рыболовецкий колхоз... Вдоль берега озера стояли на приколе длинные деревянные лодки, сушились сети, было тихо, словно не шла война. Даже сейчас, особенно летом, можно почувствовать, что это была одна из самых тихих и живописных деревень на Верхневолжских озерах»⁷⁶. Деревни теперь нет. На ее месте одиноко стоит простой обелиск с надписью: «Вечная память Советским патриотам, зверски расстрелянным и сожженным немецко-фашистскими захватчиками 9 января 1942 года». Здесь, в небольшой деревушке на берегу озера и в ближайшем хуторе Ионово, за день до освобождения их Советской Армией четверьмя фашистскими палачами были расстреляны и сожжены семьдесят шесть мирных жителей, среди которых большинство стариков и детей.

За Кстовским полуостровом виднеется поселок Пено, выросший после того, как в 1906 году через поселок прошла железная дорога Бологое — Великие Луки. Во время войны немцы разрушили поселок — «вот здесь была станция. Мимо же, бойко постукивая колесами, проходили поезда, и люди из окон вагонов видели утопающий в зелени приозерный городок, лесозавод, станционные постройки. Теперь тут мертво и пустынно»⁷⁷, — записал один из очевидцев, видевший Пено вскоре после освобождения его Советской Армией.

*Памятник
Герою Советского Союза
Лизе Чайкиной.
Скульптор Н. В. Томский*

Давно минула война, ушли в прошлое ее страшные годы, но в народе навсегда осталась память о тех, кто погиб в эти тяжелые дни. Недалеко от вокзала, у железнодорожной водоканчки, стоит еще один обелиск с надписью: «Здесь 23 ноября 1941 года была расстреляна фашистами Герой Советского Союза Е. И. Чайкина». В 1973 году в Пено создан музей, рассказывающий о партизанской борьбе края и о ее героине Лизе Чайкиной, а в сквере в центре поселка стоит памятник отважной партизанке — скульптурный бюст, изваянный известным советским скульптором, народным художником СССР Н. В. Томским.

В поселке Пено можно закончить путешествие по Селигеру и Верхневолжским озерам, сесть на автобус или поезд и вернуться в Осташков, чтобы еще раз, прежде чем уехать из этих гостеприимных, приветливых мест, пройтись по его улицам, поразмыслить над увиденным и сравнить памятники города с теми, которые довелось посмотреть во время пути. Мы же направимся в село Витожетку, где находит-

ся церковь, имеющая много общих черт с памятниками в погостах Стерж и Вселук.

До Витожетки лучше всего и скорее добраться на попутной машине. Дорога почти на всем пути проходит через лес. Тут и там встречаются старые вырубки. На некоторых успел вырасти лес, другие совсем новые, и на них на припеке зреют россыпи земляники, а по оврагам бушует непролазный малинник. Осенью тут же, не заходя далеко в лес, можно набрать грибов. Ближе к селу дорога проходит через болото, за которым начинается косогор, и за ним — конечный пункт нашего путешествия — Витожетка. Непривычное для уха название местечка, видимо, очень старое, хотя происхождение его установить не удалось. Оно встречается в документах XVIII века и числится, как и Вселук, тоже погостом, на котором упоминается деревянная церковь. Ближайшие земли вокруг погоста Витожетки в XVIII веке принадлежали богатым помещикам Азаровым, один из которых — Иван Яковлевич — отличался весьма строптивым характером. Сам же погост и село Мезиново рядом с ним были вотчиной других тверских дворян — Корбутовских. На кладбище возле церкви уцелело деревянное надгробие, обитое железом, конца XIX века с надписью: «Герой Бородине Псковского Кирасирского полка майор Андрей Николаевич Корбутовский. Родился 1785 года 25 октября. Скончался 1830 года». Рядом — мраморное надгробие других членов этой семьи. Напротив церкви, за рекой, стоят несколько старых лип — все, что осталось от помещицкой усадьбы. Помещики Корбутовские, вероятно, не были особенно богатыми. В документах, имеющих отношение к строительству церкви, они не упоминаются заказчиками, хотя в церковных документах многие из них фигурируют как церковные старосты.

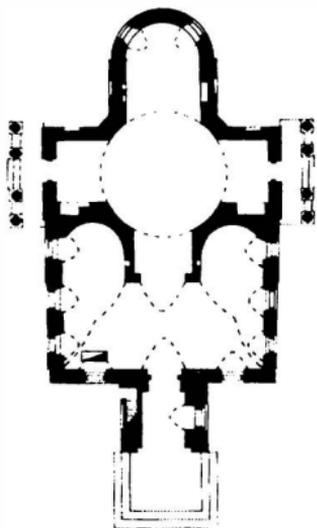
Строительство Знаменской каменной церкви на погосте Витожетке было начато в 1809 году, после того, как стоявшая на ее месте деревянная сгорела от молнии. Но освятили новую церковь только через одиннадцать лет. Вероятно, помешала война 1812 года. В отличие от стерженской и вселукской церквей витожетская Знаменская более строгая, в композиции ее и убранстве меньше барочных черт. Ее фасады оформлены в классических традициях, и только планировка, несколько отличающаяся от двух других построек, остается традиционной. Композиция храма на первый взгляд напоминает ротонду на четверике. Северный и южный фасады выделены четырехколонными тосканскими портиками с фронтонами. Но внутри хорошо видно, что основа здания — купольная ротонда, покоящаяся на крестча-

*Погост Витожетка.
Знаменская церковь.
1809—1820
(архитектор А. А. Трофимов?)*

том в плане основании. Строгая симметрия несколько нарушена тем, что к восточной ветви креста добавлена полуциркульная апсида, а западная сделана чуть меньше боковых. Храм освещается через окна ротонды, что иллюзорно увеличивает высоту подкупольного пространства. Размещение приделов в трапезной почти такое же, как в церквях погостов Стерж и Вселук. Циркульное очертание апсид приделов по сторонам прохода из храма в трапезную никак не выражено снаружи. Своды в трапезной имеют конструкцию, аналогичную двум предыдущим церквям.

Если попытаться еще раз сопоставить все три церкви и посмотреть на них с точки зрения соответствия господствующего в столице стиля, то наиболее близкой к нему будет явно Знаменская церковь. В ней меньше свободного сплетения разновременных приемов убранства фасадов, строгие пропорции придают ей торжественную представительность. Не исключено, что строительство велось непосред-

*Погост Витожетка.
Знаменская церковь.
1809—1820
(архитектор А. А. Трофимов?).
План. Обмер автора*

ственно под наблюдением самих помещиков села, более осведомленных о вкусах столицы. Однако остались у здания детали, которые характерны для традиций барокко. Окна трапезной и апсиды — с лучковыми завершениями. Под ними — широкие подзоры, мотивы, не свойственные архитектуре столицы начала XIX столетия, а окна ротонды — полуциркульные, что встречается лишь у более ранних столичных памятников конца XVIII века и появляется затем вновь в позднеклассических постройках. Такое переплетение разных стилей в провинциальных зданиях дает возможность глубже проникнуть в ту среду, где они создавались, понять вкусы строивших их людей, их представление о красоте. Ведь если о столичной архитектуре написана масса книг, дошло много высказываний о ней самих современников и ее ведущие мастера оставили нам чертежи, записки, свои теоретические заметки и целые трактаты, то о творчестве огромного числа артелей каменщиков и о том, что для них оставалось прекрасным, что они цени-

ли, не найдется почти ни одной строчки. Мало говорят и архивные документы о строительстве таких зданий. Записи в них слишком сухи и бюрократично однообразны, чтобы за строкой разглядеть человека, творившего в провинции. Церкви на погостах Витожетке, Стерже, в Кравотыни и Рогоже и многие подобные памятники строились мастерами, чье мировоззрение формировалось иначе, нежели у профессиональных зодчих. Они жадно впитывали все, что давала столица, испытывали ее активное воздействие, и они же переосмыслили полученное, приспособив и примеряя его к своим вкусам, а значит, и ко вкусам своего окружения. Как нельзя представить себе русскую литературу без фольклора, так и архитектуру Москвы и Петербурга невозможно правильно понять без наследия, оставленного безвестными мастерами, вышедшими из народной среды, воспитанными ею и работавшими всю жизнь в провинции.

Около Знаменской церкви под горой приютилась небольшая деревянная надкладная часовенка. Сооружена она лет восемьдесят — сто назад. В центре ее — неглубокий колодец. Кровля шатром с низким свесом покоится на столбах, вокруг сруба — деревянный настил. Подобные часовенки, построенные, как правило, из дерева (каменные начали ставить поздно), быстро разрушались, на их месте рубили новые, но часто сохраняя древние формы. Именно этим и интересна надкладная шестигранная часовня погоста Витожетки, напоминающая изображения часовни в миниатюрах или на клеймах житийных икон.

Здесь, в Витожетке, — конец нашему путешествию по Селигерскому краю. Автор надеется, что памятники, о которых он рассказал, не оставят равнодушными читателей, тех, кто увидит этот чудеснейший уголок нашей земли. Вполне понятно, что одному автору никогда не удалось бы собрать и обработать материал для этой книги. Обследование памятников Осташковского и Пеновского районов помимо автора проводилось группой архитекторов и техников Всесоюзного объединения «Союзреставрация» Министерства культуры СССР по заданию Калининского областного управления культуры в составе Б. Л. Альтшуллера, В. И. Якубени, И. И. Кроленко, Н. П. Чургеевой, Н. А. Кистовой, Г. Б. Ашкинадзе, В. И. Колесниковой, О. Ф. Якунина, А. И. Финогенова и других. Графический материал обрабатывался Л. М. Горячевой, Т. С. Борисовой, В. П. Ярочкиной. Ответственный секретарь Осташковского районного отделения ВООПИК — Т. В. Куксинская — поделилась своими наблюдениями, путевыми заметками, собранными ею легендами и преданиями. Много неожиданных откры-

тий сделано в процессе реставрации некоторых памятников архитектором В. И. Якубени. Интересный фактический материал найден в различных архивах М. Г. Карповой, О. М. Забицкой и Г. Б. Ашкинадзе. Руководство Осташковского райкома партии и райисполкома помогали автору в неоднократных поездках по району. Пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность всем за ту помощь, которая была оказана мне в этой работе.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

В/О «Союзреставрация» — Архив Всесоюзного специализированного производственного реставрационного объединения «Союзреставрация» Министерства культуры СССР.

ГАКО — Государственный архив Калининской области.

ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека в г. Москве.

ЖТУАК — Журнал Тверской ученой архивной комиссии.

ЛОИИМК АН СССР — Ленинградское отделение института истории материальной культуры Академии наук СССР.

МРА им. Щусева — Музей русской архитектуры им. А. В. Щусева.

ОКМ — Архив Осташковского краеведческого музея. Филиал Калининского государственного объединенного историко-литературного и архитектурного музея.

ОР ГПБ им. Салтыкова-Щедрина — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

Для иллюстраций использованы фотографии А. А. Александрова, В. Волкова, Ю. М. Крылова, В. И. Якубени и автора книги, а также графические материалы из архива В/О «Союзреставрация» и фотографии Музея архитектуры им. А. В. Щусева. Фотосъемка графического материала — А. И. Петухова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская Историческая библиотека. Памятники древнерусского канонического права, изд. 2-е, т. 6, ч. 1. Спб., 1908. (Приложения. Грамота № 24, стлб. 138. Греческий текст, стлб. 137.)

² *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, т. 3—4, кн. II. М., 1970, с. 358.

³ *Токмаков И. Ф.* Город Осташков Тверской губернии и его уезд. — Сборник историко-статистических и археологических сведений. М., 1906, с. 16.

⁴ *Карпова М. Г.* Новые материалы об Осташковской крепости. — В кн.: Реставрация и исследования памятников культуры, вып. 2. М., 1982.

⁵ Там же, с.

⁶ *Мроз Е.* Художники Тверского края. — «Литературный альманах», № 1. Калинин, 1947, с. 130—134. (В дальнейшем: *Мроз Е.* Указ. соч.)

⁷ *Тиц А. А.* Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1968, с. 221—222.

⁸ *Токмаков И. Ф.* Указ. соч., с. 42.

⁹ ПСЗРИ, т. XIX, 1770—1774, № 13780.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 39, ед. хр. 1037. Дело по выписке из ревизии Коллежского советника Юревича о наружном благоустройстве города Осташкова Тверской губернии. Началось февраля 1850 года.

¹¹ Путешествие на Селигер Н. Озерецковского, члена Академии наук; Академии Российской, Стокгольмской, Медикохирургической; университетов: Московского и Харьковского; ученых обществ: Бернского, Лондонского, Берлинского, Варшавского, Экономического в С. П. Б.; Главного училищ Правления и пр. Действительного Статского Советника и Кавалера. Спб., 1817, с. 145—147. (В дальнейшем: *Озерецковский Н. Я.* Указ. соч.)

¹² Цит. по кн.: *Токмаков И. Ф.* Указ. соч., с. 313.

¹³ Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству, издаваемое для училищ Российской империи по Высочайшему повелению. Спб., 1804. Предисловие.

¹⁴ *Озерецковский Н. Я.* Указ. соч., с. 145.

¹⁵ *Слепцов В.* Письма об Осташкове (Образец городского устройства в России). — Журн. «Современник», 1862, с. 51, 59. (В дальнейшем: *Слепцов В.* Указ. соч.)

¹⁶ ГАКО, ф. 160, оп. 12, ед. хр. 500.

¹⁷ Историко-статистическое описание Тверской губернии, составленное В. Покровским, т. 1. Исторический очерк гу-

бернии, ее территории и народонаселения. Тверь, 1879, отд. 2, с. 142.

¹⁸ Слепцов В. Указ. соч., с. 74.

¹⁹ Успенский В. Описание Осташковского Знаменского житенного монастыря. Тверь, 1890, с. 8.

²⁰ Там же, с. 11.

²¹ Н. Р-в. (Рубцов). Очерк Осташкова. Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год. Тверь, 1863, отд. 3, с. 121.

²² Приставкин А. Птушенька. М., 1969, с. 105.

²³ Описание бывшего Рогожского Преображенского монастыря. Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год. Тверь. 1863, с. 40.

²⁴ Там же, с. 43.

²⁵ ГАКО, ф. 160, оп. 12, раздел — Казанская церковь села Верхние Котицы.

²⁶ Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда В. Успенского. Тверь, 1886, с. 12.

²⁷ Успенский В. Указ. соч., с. 29.

²⁸ Там же. с. 33—34.

²⁹ Там же, с. 35.

³⁰ ОКМ. — Опись приходо-расходных книг Ниловой пустыни. — Рукопись XIX в., без. инв. №. Осташковский краеведческий музей.

³¹ ОКМ; там же, л. 1.

³² ГАКО, ф. 476, ед. хр. 168, л. 48 об.

³³ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 197, л. 81; ф. 476, ед. хр. 202, л. 6, 7 об.

³⁴ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 111, л. 21.

³⁵ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 52, л. 3; ед. хр. 75, л. 41 об.; ед. хр. 76, л. 39 об.; ед. хр. 71, л. 35; ед. хр. 69.

³⁶ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 276, л. 7 об.

³⁷ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 1483. Монастырские указы за 1751 год, № 44.

³⁸ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 276, л. 7 об.

³⁹ Успенский В. Указ. соч., с. 70, примеч. 2; ГАКО, ф. 476, ед. хр. 178, л. 49; ед. хр. 174, л. 40 об.

⁴⁰ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 91, л. 81.

⁴¹ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 177, л. 36.

⁴² ГАКО, ф. 476, ед. хр. 212, л. 43.

⁴³ Карл Иванович Росси, 1775—1849. Каталог архитектурных чертежей и проектов предметов прикладного искусства. Составители Каталога и авторы вступительной статьи Н. И. Никулина, Н. Г. Ефимова. Под общ. ред. Н. И. Никулиной. Л., 1975, с. 12—13, № 69—74; ОКМ, Опись приходо-расходных книг Ниловой пустыни, без инв. №, л. 25.

⁴⁴ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 197, л. 72; ед. хр. 218, л. 41.

⁴⁵ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 1495. Монастырские указы, № 2.

⁴⁶ *Успенский В.* Указ. соч., с. 66; ОР ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ф. 40, № 69.

⁴⁷ Там же; ГАКО, ф. 476, ед. хр. 1496. Монастырские указы, № 28; ф. 476, ед. хр. 1544, л. 1; ф. 476, ед. хр. 235, л. 37.

⁴⁸ ГАКО, ф. 476, ед. хр. 1496, № 19.

⁴⁹ МРА им. Щусева, Р. I, № 9699.

⁵⁰ *Успенский В.* Указ. соч., с. 17 (примеч.).

⁵¹ *Мроз Е.* Указ. соч., с. 132.

⁵² Там же, с. 133.

⁵³ О погосте Рожке Осташковского уезда. Священника Владимира Успенского. Тверь, 1888, с. 5.

⁵⁴ ГАКО, ф. 160, оп. 12, ед. хр. 3128.

⁵⁵ Строка из посвятельной надписи на чугунной плите, укрепленной на постаменте памятника.

⁵⁶ *Озерецковский Н. Я.* Указ. соч., с. 104.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, с. 100.

⁶⁰ *Тюменев И. Ф.* В верховьях Волги. — «Исторический вестник. Историко-литературный журнал». Спб., 1894, № 5, с. 441—442.

⁶¹ ЛОИИМК АН СССР, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 61; ф. 35, оп. 1, ед. хр. 19.

⁶² *Пинчуков П.* Верхневолжские веси. — В кн.: «Путешествие по России». М., 1975, с. 79.

⁶³ ЖТУАК, № 30, с. 9.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 799, оп. 26, д. 383, 1912 г. Письмо настоятельницы Ольгина Верхневолжского монастыря игуменьи Веры.

⁶⁶ ЛОИИМК АН СССР, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 75. Предварительный отчет С. А. Таракановой о проведении Селигерской археологической экспедиции 1940 года; ф. 35, оп. 1, ед. хр. 18. Отчет С. А. Таракановой о результатах работы Селигерской археологической экспедиции в 1940 году.

⁶⁷ ГАКО, ф. 160, оп. 12. Раздел Петропавловская церковь — погоста Стерж (Новинка).

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 799, оп. 26, ед. хр. 175. Дело о пособии на ремонт церкви в погосте Стерж Осташковского уезда Тверской губернии. Началось 12 апреля 1912 года. Кончено 16 августа 1912 г.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Пользуюсь случаем, чтобы принести искреннюю благодарность бывшему директору Ивановской восьмилетней школы В. П. Воронину и ответственному секретарю Осташковского районного отделения ВООПИК Т. В. Куксинской, сообщивших мне об этом памятнике.

⁷¹ В «Истории русского искусства» (т. 3. М., 1955, с. 274, 280) приведена неправильная дата постройки этой церкви — 1595 год. Действительно, в монастыре в конце XVI века были построены две деревянные церкви. Но они вскоре сгорели. Поэтому трудно допустить, что на иконе, которая может быть датирована не ранее середины XVII века, была изображена давно сгоревшая церковь конца XVI столетия.

⁷² Из прошения церковного клира в Императорскую археологическую комиссию.

⁷³ *Ополовников А. В.* Научный отчет по историко-архивному и натурному исследованию Иоанно-Предтеченской церкви XVII века. — Архив В/О «Союзреставрация». Шифр 106, инв. № 39.

⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 799, оп. 26, ед. хр. 163. Дело о пособии на ремонт деревянного храма в селе Ширкове Осташковского уезда Тверской губернии, л. 3.

⁷⁵ Там же, ф. 799, оп. 26, ед. хр. 407.

⁷⁶ *Исаков В.* Трагедия в Кстах. — «Калининская правда», 1972, 8 янв.

⁷⁷ Пути боевой славы. Сост. В. Христофоров. М., 1971, с. 200.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Озерецковский Н. Я.* Путешествие на озеро Селигер. Спб., 1817.

2. *Р-в Н.* Очерк Осташкова. — В кн.: «Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год». Тверь, 1863, отд. III, с. 119—199.

3. Описание бывшего Рогожского Преображенского монастыря. — В кн.: «Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год».

4. *Слепцов В.* Письма об Осташкове (Образец городского устройства в России). — «Современник», 1862, XC (№ 5).

5. Описание Осташковского мужского житенного монастыря Тверской Епархии. Спб., 1866.

6. *Успенский В.* Историческое описание Ниловой Стоlobенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда. Тверь, изд. 1-е, 1867; изд. 3-е, 1886.

7. *Рачинский А. В.* Нилова пустынь в первые полутора десятилетия ее существования. М., 1876.

8. *Покровский В.* Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1880.

9. Статистическое и историческое описание церквей города Осташкова. Тверь, 1881, вып. 1.

10. *Успенский В.* О погосте Рожок Осташковского уезда. Тверь, 1888.

11. *Успенский В.* Описание Осташковского Знаменского житенного монастыря. Тверь, 1890.

12. *Успенский В. П.* Записка о прошлом города Осташкова. Тверь, 1893.

13. *Токмаков И. Ф.* Театр в городе Осташкове Тверской губернии. М., 1905.

14. *Токмаков И. Ф.* Город Осташков Тверской губернии и его уезд. — «Сборник историко-статистических и археологических сведений». М., 1906.

15. *Бологов В. В.* Заметка о селе Кравотыне Тверской губернии Осташковского уезда. Спб., 1910.

16. *Белецкая Е., Крашенинникова И., Чернозубова Л., Эрн И.* Образцовые проекты в жилой застройке русских городов. М., 1961.

17. *Приставкин А.* Селигер Селигерович. М., 1965.

18. *Мазурин Н.* На Верхней Волге. Памятные места Калининской области. М., 1967.

19. Пути боевой славы. Сост. В. Христофоров. М., 1971.

20. *Рязанцев Б.* Один из минутных друзей минутной молодости. — «Калининская правда», 1971, № 189, 13 авг.

21. *Исаков В.* Трагедия в Кстах. — «Калининская правда», 1972, № 6, 8 янв.
22. *Исаков В.* Под солнцем Селигера. М., 1974.
23. *Пинчуков П.* Верхневолжские веси; *Симонов Е.* С Селигером не прощаются... — В кн.: Путешествие по России. М., 1975, с. 64—86.
24. *Куксинская Т. В.* Селигерские земли. М., 1975.
25. Города и районы Калининской области (Краткие очерки). Сост. М. А. Ильин. М., 1978, с. 436—454.
26. *Исаков В.* К истоку Волги. М., 1979.
27. *Галашевич А. А.* Памятники деревянного зодчества Калининской области (ярусный тип храма); *Карпова М. Г.* Новые материалы об Осташковской крепости. — В кн.: Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 2. 1982.
28. *Куксинская Т.* Селигерские земли. М., 1981.

АРТУР АДАМОВИЧ ГАЛАШЕВИЧ

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
СЕЛИГЕРСКОГО КРАЯ**

**Редактор
Г. П. ПЕРЕПЕЛКИНА**

**Рисунки к карте
Ю. И. РАПОПОРТА**

**Художественный редактор
Е. Е. СМИРНОВ**

**Технический редактор
А. Н. ХАНИНА**

**Подготовка фотооригиналов
Н. М. ДАВЫДОВА**

**Корректор
О. Г. ЗАВЬЯЛОВА**

И.Б. 1888

Сдано в набор 26.07.82. Подписано к печати 27.12.82. А10769. Формат издания 70×90¹/₃₂. Бумага тифдручная. Гарнитура школьная. Глубокая печать. Усл. п. л. 7,02. Уч. изд. л. 9,365. Изд. № 1380. Тираж 85 000. Заказ 1441. Цена 70 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

КНИГА О ПАМЯТНИКАХ АРХИТЕКТУРЫ
И ОБ ИСТОРИИ СЕЛИГЕРСКОГО КРАЯ
ЗАДУМАНА КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ КНИГИ
«ТОРОПЕЦ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ»,
ВЫШЕДШЕЙ РАНЕЕ В СЕРИИ
«ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ»,
С СЕЛИГЕРСКИМ КРАЕМ
ТОРОПЕЦ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ
СВЯЗАНЫ МНОГИМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ СОБЫТИЯМИ.
ЕСТЬ И ДРУГАЯ ПРИЧИНА,
ПОБУДИВШАЯ ПРОДОЛЖИТЬ НАЧАТЫЙ МАРШРУТ.
ДЕЛО В ТОМ, ЧТО В ЭТОМ КРАЕ СУЩЕСТВОВАЛА
СВОЕОБРАЗНАЯ МЕСТНАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ,
СЛОЖИВШАЯСЯ В XVIII ВЕКЕ.
КНИГА РАССКАЗЫВАЕТ
О СВОЕОБРАЗИИ МЕСТНОГО ЗОДЧЕСТВА
И О КРАСОТЕ ПРИРОДЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ ОЗЕРА.